

УЧРЕДИТЕЛЬ ЖУРНАЛА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ «САХАЛИНСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ВЫПУСКА:

РУБЛЕВА ЛАРИСА ИВАНОВНА,
доктор филологических наук, профессор

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БАЛИЦКАЯ Ирина Валерьевна,
доктор педагогических наук

ИКОННИКОВА Елена Александровна,
доктор филологических наук

САДОКОВА Анастасия Рюриковна,
доктор филологических наук, профессор

УШАКОВА Галина Дмитриевна,
кандидат педагогических наук, доцент

ЧУДИНОВА Виктория Ивановна,
кандидат филологических наук, доцент

ВЕРСТКА
О. А. НАДТОЧИЙ

КОРРЕКТОРЫ:
Г. Д. УШАКОВА,
Н. В. ЗИНОВЬЕВА

В НОМЕРЕ

РАЗДЕЛ I

**Проблемы отечественной филологии
и методики преподавания**

- Барышникова С. В.* Об особенностях толкования лексических единиц в словарях иностранных слов XIX века..... 4
- Дорофеева Л. В., Кирсаных С. А.* Иконописный и агиографический мотивы в повести Виктории Токаревой «Своя правда»..... 8
- Зиновьева Н. В.* Стереотипизация женских образов в коммуникативном пространстве социальных сетей..... 12
- Зиновьева Н. В.* Отечественное телевидение для родителей на современном этапе развития: к вопросу о религиозном воспитании..... 16
- Муминов В. И., Сухарева М. И.* Специфика проявления многозначности эмоциональных междометий в произведениях А. П. Чехова 19
- Муминов В. И., Муминова Н. Ф.* Типы и функции новообразований в поэзии И. Северянина 22
- Пиляева Т. Г., Зиновьева Н. В.* К вопросу о взаимовлиянии молодежного жаргона в русском и английских языках..... 30
- Рублева Л. И.* Василий Нарезный и Давид Теньер: к вопросу о том, как изображать «низкую действительность» 35
- Рублева Л. И.* Духовно-нравственное воспитание школьников на уроках литературы..... 39
- Ушакова Г. Д.* Реализация коммуникативного намерения в рекламных продуктах как условие коммуникативной успешности 44
- Хатнюкова-Шишкова Т. Г., Лунгу Е. А.* Анализ эмоционально-оценочной лексики у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи и в норме 49

РАЗДЕЛ II

**Проблемы зарубежной лингвистики
и методики преподавания
иностраных языков**

- Балицкая И. В.* Языковая и культурологическая подготовка студентов для участия в программах академической мобильности..... 54
- Ким В. Д.* Влияние английского языка на культуру России..... 58
- Козырева Ю. В.* Рекомендации по планированию школьного урока английского языка в ФГОС нового поколения 60
- Лебедева А. В.* Выявление и анализ фонетических трудностей у китайских студентов при изучении русского языка как иностранного 65

Журнал зарегистрирован
Дальневосточным окружным
межрегиональным территориальным
управлением Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № 150357
от 05.06.2002 г.

Адрес редакции:
693008, Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290.
Тел./факс (4242) 45-23-00.

Подписано в печать 06.12.2016.
Формат 60x84¹/₈.
Тираж 100 экз.

Издательско-полиграфический отдел
Сахалинского государственного университета.
693008, Южно-Сахалинск,
ул. Ленина, 290, каб. 32.
Тел. (4242) 45-23-16. Тел./факс (4242) 45-23-17.
E-mail: izdatelstvo@sakhgu.ru

Отпечатано:
Издательско-полиграфический отдел СахГУ.
693008, Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290, каб. 32.
Тел. (4242) 45-23-16. Тел./факс (4242) 45-23-17.
E-mail: polygraph@sakhgu.ru

С электронной версией журнала можно
ознакомиться на сайте
Сахалинского государственного университета
www.sakhgu.pf
в разделе «Издательско-полиграфический отдел» –
«Изданное».

Цена свободная

<i>Легенкина В. И.</i> Контаминированное слово в структурном и переводческом аспектах (на материале английского и русского языков)	68
<i>Легенкина В. И., Игнатенко А. В.</i> Проблема перевода имен собственных в художественных произведениях жанра «фэнтези» (на материале английского и русского языков).....	72
<i>Легенкина В. И., Бойченко О. В.</i> Специфика межъязыковой передачи научно-технических текстов с использованием современных систем машинного перевода (на материале англо-русских переводов текстов нефтегазовой тематики)	75
<i>Орлин Г. В.</i> Языковое сознание в реализации глубинных смыслов немецкой баллады.....	78
<i>Скибина В. И.</i> Особенности семантики залоговых форм в английском языке и их русские соответствия.....	80
<i>Сон И. С., Пamina Л. А.</i> Семантические особенности японских фразеологических единиц с флористическим компонентом	84
<i>Шаповалова Т. Р., Савченко М. В.</i> К вопросу образования английских терминов-неологизмов в области компьютерных и информационных технологий	89

РАЗДЕЛ III

Культура, этнография и литература стран Восточной Азии

<i>Асеев С. С.</i> Конфуцианство как культуuroобразующий фактор китайской цивилизации.....	94
<i>Корнеева И. В.</i> Идеи образованности и учености в средневековой корейской литературе	98
<i>Садоква А. Р.</i> Фольклорно-мифологические персонажи японских праздников урожая	104
<i>Цой Е. Б., Гущина А. М.</i> Перелистывая забытые страницы.....	111

РАЗДЕЛ IV

Проблемы филологии и образования

в исследованиях магистрантов

<i>Зинина В. А.</i> Изучение репортажей Владимира Гиляровского на уроках литературы для иностранных студентов	115
<i>Коротаева Я. Л.</i> Проблемы билингвизма в современной лингвистике	118
<i>Кроитор Т. Е., Коротаева Я. Л.</i> Использование моделей искусств в коррекции речи детей дошкольного возраста с нарушением зрения	121
<i>Лозина А. П.</i> Идиомы с компонентом-зоонимом как способ отражения этнокультурных особенностей китайцев	124
<i>Плюхина Ю. А.</i> Своеобразие предметного мира в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети»	128
<i>Пужаева И. В.</i> Языковая картина мира в зеркале топонимов города Южно-Сахалинска..	133

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	136
--------------------------	-----

РАЗДЕЛ I

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ТОЛКОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СЛОВАРЯХ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ XIX ВЕКА

Полнота и характер лексикографической информации связаны с ее ориентированностью на определенного адресата. Особое значение для читателей словаря имеют структура словарной статьи, набор ее компонентов, обеспечивающих достоверную информацию о слове, о разных видах его языкового окружения [4; 40].

В русской лексикографической науке существуют разные точки зрения на способы толкования слова и структуру словарной статьи. Они отражены в работах В. В. Виноградова, Ф. П. Сорокалетова, З. И. Комаровой, А. П. Евгеньевой, П. Н. Денисова, К. Касареса, Л. П. Крысина, Д. И. Арбатского, Т. Г. Никитиной и др.

Принимая во внимание имеющиеся в лексикографии сведения о структуре словарной статьи и способах толкования лексических значений, мы проанализировали словарные статьи словарей иностранных слов XIX века, в которых представлены разные группы лексики (термины, бытовая лексика, отвлеченная и конкретная лексика общекультурного характера и т. д.).

Традиционно словарная статья описываемых словотолкователей состояла из заглавного слова, справки о происхождении (ссылка на язык-источник и указание на значение слова в нем), определения значения слова в русском литературном языке и в специальных терминологических системах.

Орфография слова в заголовке, как правило, соответствует норме XIX века. Редко даются орфографические варианты. Фонетические варианты слов приводятся в тексте словарной статьи иногда с рекомендациями и примечаниями автора (Напр.: *Плезир... В Малороссии наиболее употребляют сие слово, выговаривая испорченно блезир*) [19]. Обращает на себя внимание, что в отношении морфологических форм мы почти не встречаем нормализаторских указаний автора, в то же время различные формы слова нередко сопровождаются указанием на их различное происхождение.

По оформлению заголовка словарной статьи немного отличен от других «Полный словарь русского языка с подробнейшим разъяснением всех отличий разговорной от ея письменного изображения и с указанием значения и замены всех иноязычных слов, вошедших в состав русского языка, чисто русскими словами», состав-

ленный А. И. Орловым (1884) [16]. Само название словаря указывает на цель, которую ставил автор при создании словника – дать подробнейшее объяснение значения слов, с указанием на произношение каждого слова, ударение, а также на возможные грамматические формы. Таким образом, автор словаря сделал попытку кодификации известных для того времени норм в отношении заимствованной лексики. Не исключены в словаре и ссылки на язык-источник и сферу употребления слов в русском литературном языке: «*Абстракт (апс-), -кта, м., лат., филос. термин – отвлечение, -рактный (-ной), -ная, -ное, до абстракта отн. и им производимый – отвлеченный*» [16].

Толкующие части словарных статей содержат информацию о слове. В некоторых случаях они отличаются пространным описанием семантики слова, большим по объему (иногда занимающим несколько столбцов). Наряду с пространными описаниями различных реалий, местностей и народов, в словарях мы находим статьи, где дан лишь перевод слова или краткое объяснение его лексического значения. Такое разное толкование значения слов в словарях XIX века объясняется различием их типов и разными установками составителей (полный словарь, краткий, средний и т. д.).

Словари иностранных слов представляют собой своды лексики, заимствованной из разных языков – классических, западноевропейских, восточных. При этом одни составители давали этимологические пометы к толкуемым словам, что, безусловно, важно для русской лексикографической науки того периода: «*Гений, лат., genius от gignere, рождать, производить: а) чрезвычайно умственные способности или дарование; б) человек, обладающий такими способностями; в) добрый дух, хранитель от бед*» [15], «*Фанфарон, фр., fanfaron от fanfare, звук трубы. Хвастун, мнимый храбрец, самохвал*» [8]. Другие пытались дать более подробные сведения об этимологии слова, давая информацию как о языке-источнике, так и о языке-посреднике: «*Англоман (анг. – гр.). Страстный поклонник всего английского*» [11]; «*Проба, нем. Probe от лат. Probare, испытывать. Испытание*» [7]; «*Кеффекилит или килькеффи (пер. – тур., от перс. kef – пена, и gil – глина). Горное тальковое мыло, мыловка; морская пенка*» [18], «*Бивуак,*

или Бигуак, Фр. с Немецкого взятое; Эмигрант, Фр. с Латинс. заимствованное» [19].

Составители словарей иностранных слов XIX века сталкивались с проблемами омонимичности и многозначности иноязычных заимствований, а в связи с этим – и их многофункциональностью. Они соотносили семантику заимствований с функциональными сферами и терминологическими системами русского языка. Это происходило путем присоединения специальных помет к словам или же при самом описании лексического значения слова: «*Период (греч.). 1. Промежуток времени между двумя важными историческими событиями. 2. В астрономии: то же, что цикл; в арифметике: число цифр, повторяющихся в том же порядке, бесчисленное множество раз. 3. Особенно развитое сложное предложение, отличающееся законченностью мысли и художественной расстановкой членов»; «Фраза (фр. от греч. phrasis) 1. Речь; также пустые слова, без убеждения. 2. Предложение, соединение слов, выражающее мысль. 3. В музыке: отдел темы или другой музыкальной мысли. 4. В пении: мелодическая фигура, которая может быть спета, не переводя дыхания» [18]. Появление омонимичных слов в словарях связано, на наш взгляд, с тем, что толкуемые лексемы были заимствованы из разных языков в разный период времени: «*Тик, фр. 1. Конвульсивное стягивание некоторых мускулов, преимущественно лицевых. 2. Боль в лицевых нервах. Тик, англ. Плотная полотняная материя*» [14].*

В некоторых словарях в толкующей части, определяя заимствованное слово, составители приводят и связанные с этим словом дериваты. Это, несомненно, имело большое значение в лексикографической практике того периода, так как это было одной из возможностей расширения активного словарного запаса носителей русского языка. Так, в «Полном толковом словаре иностранных слов, вошедших в русский язык с указанием корней» Н. Дубровского: «*Аболиционист (от аболицио – уничтожение), лат. Противник торговли неграми. Отсюда: аболиционный*» [11], «*Абсолютный, лат. Безусловный, отрешенный, неограниченный, самостоятельный, непременный. Отсюда: абсолютность*» [11], или в «Карманном словаре иностранных слов» Гавкина Н. Я.: «*Инженерный произошло от слова инженер, фр. – получивший высшее специальное техническое образование*» [10].

В конце словарной статьи, как правило, должны содержать иллюстративный материал, но это свойственно далеко не всем рассматриваемым словарям иностранных слов. На наш взгляд, это связано с тем, что составители словарей ставили перед собой задачу объяснения непонятных слов, встречающихся при чтении газет и журналов (что указывалось в названии словотолкователей), поэтому иллюстративным материалом

должны были служить контексты из публикаций и другой литературы, где встречались заимствования.

Учитывая предложенные классификации Никитиной Т. Г. [2; 14], Арбатского Д. И. [1; 30] и Касареса Х. [3; 29] в отношении способов описания слова в словаре, мы пришли к выводам о том, что составители словарей иностранных слов при объяснении значения не ограничиваются переводом слов или приведением к ним русских соответствий. Это можно наблюдать в каждом словаре. Авторы используют практически все известные на сегодняшний день способы подачи лексических значений: «*Кюляса. Нижняя усеченная пирамида брильянта, покрытая тремя поясами фосеток*» [18], или «*Тальк, нем. Talk, фр. talc, исп. talko, ср.-лат. Talcus, от араб. talq. Журный на оцупь, полупрозрачный слоистый камень, состоящий из магнезии, закиси железа, глинозема и воды*» [9]. В приведенных словарных статьях значения слов описаны путем указания на существенные признаки обозначаемого. По классификации Никитиной Т. Г. это описательный способ толкования слова, а, учитывая классификацию Арбатского Д. И., этот способ можно определить, как разъяснительно-описательный.

«*Гайды. У Словаков музыкальный инструмент простого устройства в роде волынки*» [17]. Толкование слова осуществляется путем отсылки к известному слову. Учитывая точку зрения Касареса Х., данное определение будет являться номинальным.

«*Балюстрада – архит. – перила, составленные из точёных столбиков, балясин; ставятся внутри комнат для отделения напр., ложи в театре и т. п. или на террасах, балконах и т. п.*» [12]. Данное объяснение слова можно квалифицировать как описание значения путем указания на важные признаки предмета, его целевое назначение, особенности его употребления.

«*Критика гр. Разбор, оценка, суждение о достоинствах и недостатках какого-либо произведения из области науки или искусства, пересуда, хула, осуждение*» [12]. В приведенном примере мы наблюдаем толкование слова путем подбора синонимов и синонимических сочетаний.

«*Амеба, микроскопическое животное из класса корненожек, не имеющее определенных форм*» [5]; или «*Пако (нем.), род животных из семейства верблюдов в Перу*» [5] – толкование лексического значения происходит путем перечисления видовых понятий, в число которых входит и понятие о самом предмете. Учитывая точку зрения Касареса Х., данное определение будет реальным, содержащим указание на ближайшее родовое понятие и существенный отличительный видовой признак

В некоторых случаях мы наблюдаем, что авторы словарей, толкуя лексическое значение,

проявляют свое личное отношение и интерес к описываемому слову, иногда высказывают свое мнение о предмете: «Музей. Замечательное по полноте и численности собрание древностей, или предметов естественных наук, систематически расположенное; ученый кабинет» [6], или в словарной статье к слову «анаграмма» – «Занятие деланием анаграмм есть ребяческое употребление времени», в статье к слову «деликатность»: «Деликатность есть одно из прелестнейших качеств души и состоит в чувствительности, дающей истинную цену вещам» [19].

Таким образом, в определениях лексического значения используются все известные на сегодняшний день способы толкований, но наиболее употребительными являются: объяснительный (путем описания существенных признаков); объяснение значения путем указания на важные признаки предмета (действия, явления), его целевые назначения, особенности его употребления (описательный способ); объяснение нового слова путем отсылки к известному слову.

Следует отметить, что в XIX веке происходили лексико-семантические процессы, при которых русским литературным языком продолжала осваиваться общественно-политическая, публицистическая, философская, эстетическая лексика, и особенно активно терминологическая лексика естественных и точных наук. В литературном языке, особенно в публицистическом стиле, скапливалось множество слов, в основном иноязычного происхождения, непонятных в своей массе большинству читающей публики. Объяснение значения таких слов русскому читателю и стало толчком для появления на свет большого количества словоупотребителей.

При создании словарей составители пытались собрать и соединить все известные данные о толкуемой лексике, чтобы читатель мог получить исчерпывающую информацию об интересующем его слове. По тому, какие объяснения даются в словарных статьях словарей иностранных слов, можно судить о кропотливой работе их составителей над изучением большого количества различного рода литературы.

Разумеется, нельзя отрицать, что источниками для создания словарей иностранных слов XIX века могли стать уже существующие словари иностранных слов, а также изданный к тому времени ряд терминологических словарей, которые в конце XVIII века приобретают большое значение для русской лексикографической практики. Однако составители словарей иностранных слов, если и заимствовали какие-либо толкования из названных источников, то обязательно при этом расширяли границы определений толкуемого слова, указывали сферу употребления, а иногда возможные фонетические и грамматические формы заимствования. В области терминологии происходила адаптация слова

к восприятию читателя, не имеющего отношения к описываемым наукам.

В словоупотребителях XIX века происходило объединение лексики, как только что заимствованной, так и той, которая уже была хорошо усвоена носителями русского языка. Соединяя различные по времени заимствования группы лексики в одном словаре, составители пытались не только объяснить читателям газет и журналов непонятные слова и выражения, но и объединить всю заимствованную лексику того периода, относящуюся к различным функциональным сферам и терминологическим системам, в одно целое. Такое объединение сыграло огромную роль в развитии русского литературного языка XIX века и в становлении лексикографии этого периода.

Литература

1. Арбатский, Д. И. Основные способы толкования значений слов / Д. И. Арбатский // Русский язык в школе. – № 3. – 1970. – С. 30.
2. Никитина, Т. Г. Современная русская лексикография: актуальные вопросы теории и практики (спец. семинар) / Т. Г. Никитина. – Волгоград, 1997. – С. 14.
3. Касарес, Х. Введение в современную лексикографию / Х. Касарес. – М., 1958.
4. Козырев, В. А. Русская лексикография: пособие для вузов / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. – М., 2004.
5. Алексеев, С. Н. Самый полный общедоступный словоупотребитель и объяснитель 150 000 иностранных слов, вошедших в русский язык, с подробным всесторонним исследованием о значении и понятии каждого слова / С. Н. Алексеев, – М., 1909.
6. А. С. Объяснитель 1 000 иностранных слов, употребляющихся в русском языке. – М., 1859.
7. Бурдон, И. Ф. Полный словарь иностранных слов «115 000», вошедших в употребление в русском языке с означением их корней / И. Ф. Бурдон. – М., 1885.
8. Бурдон, И. Ф. Словоупотребитель 30 000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка с означением их корней, составленный по словарям Французской Академии, Боаста, Гейзе, Рейора, Брокгауза, Бешереля, Александра и других / И. Ф. Бурдон, А. Д. Михельсон. – М., 1871.
9. Бурдон, И. Ф. Словоупотребитель 32 000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка с означением их корней / И. Ф. Бурдон, А. Д. Михельсон. – М., 1875.
10. Гавкин, Н. Я. Карманный словарь иностранных слов. – Изд. 22-е / Н. Я. Гавкин. – СПб., 1904.
11. Дубровский, Н. Полный толковый словарь иностранных слов, вошедших в русский язык, с указанием корней / Н. Дубровский. – М., 1874.

12. Дубровский, Н. Полный толковый словарь иностранных слов, вошедших в русский язык, с указанием корней / Н. Дубровский. – М., 1897.

13. Дубровский, Н. Полный толковый словарь иностранных слов, вошедших в русский язык, с указанием корней. – Изд. 21-е / Н. Дубровский. – М., 1914.

14. Марков, А. И. Всеобщий объяснительный словарь иностранных слов, сплошь и рядом встречающихся в русских книгах, газетах и журналах, которые для людей, не посвященных специально наукам и иностранным языкам, бывают совершенно непонятны / А. И. Марков. – М., 1862.

15. Михельсон, А. Д. 30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней / А. Д. Михельсон. – М., 1869.

16. Орлов, А. И. Полный филологический словарь русского языка с подробнейшим объяснением всех отличий разговорной от ее письменного изображения и с указанием значения и замены всех иноязычных слов, вошедших в состав русского языка, чисто русскими словами / А. И. Орлов. – М., 1884.

17. Толковый словарь. Новый словоупотребитель 53 900 иностранных слов, вошедших в русский язык / под ред. Лучинского. – Изд. 3-е. – М., 1880.

18. Чудинов, А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / А. Н. Чудинов. – СПб., 1894.

19. Яновский, Н. Новый словоупотребитель, расположенный по алфавиту, содержащий различные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины / Н. Яновский. – СПб., 1803–1806.

ИКОНОПИСНЫЙ И АГИОГРАФИЧЕСКИЙ МОТИВЫ В ПОВЕСТИ ВИКТОРИИ ТОКАРЕВОЙ «СВОЯ ПРАВДА»

В издательстве «Хранитель» в 2007 году вышел новый сборник повестей и рассказов классика современной женской прозы Виктории Токаревой.

Книга сразу начинается с иконописной ноты: «Имя Анжела – производное от ангела. Она и вправду была похожа на ангела – беленькая, голубоглазая – и любила петь. И у нее получалось. Она могла взять верхнее «си», при этом голос имел напор и серебряное звучание»¹. Это первые строки повести «Одна из многих». Так же называется и вся книга.

В этой повести, как и во всех произведениях сборника, нет святых, но чувствуется, что автор старается писать об обычных, простых, рядовых людях наших дней с позиции агиографического, евангельского идеала. Ощущается некий камerton, которым писательница выверяет облик, жизнь, дела и поступки своих персонажей.

Наше особое внимание привлекла повесть под названием «Своя правда». Это название привлекло и кинематографистов. Уже вышел фильм с названием «Своя правда», вызвавший оживленные отклики в критике, прессе и интернете.

В наши дни на слуху такая фраза: «У каждого своя правда». Если бы Виктория Токарева напрямую назвала свою повесть так: «У каждого своя правда», мы бы имели основание с первого же взгляда на название полагать, что писательница согласна с этой расхожей формулой, транслирует и утверждает ее своим творчеством. Но писательница названием «Своя правда» просто привлекает читателей к размышлению, насколько эта формула может быть верна, – и тем самым вступает сама и зовет читателей на поле сегодняшней битвы идей – с софистикой либералов.

Это повесть о приключениях (а скорее, о злоключениях) простой провинциальной учительницы Марины Гусько в самые что ни на есть крутые, «лихие» 90-е годы. Она не ангел и даже не лебедь, но фамилия у нее все-таки крылатая, светлого пера. Она часто ошибается, обжигается на пути своего житейского и духовного

опыта, но неким птичьим «инстинктом», «наитием» держится направления, свойственного ее упрямому характеру – к любви, добру и свету. Ее путь – от «широких врат» к «тесным вратам», как о том пишется в Евангелии от Матфея: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их. Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» (Мф. 7, 13–15).

Своей идеологической и теоретической базой для анализа этой повести мы взяли Евангелие – и труды наших соотечественников, пишущих о русской культуре и, в частности, литературе.

Это «Искусство иконы. Богословие красоты» Павла Николаевича Евдокимова (1901, Петербург – 1970, Париж), видного православного мыслителя русского зарубежья. Книга написана на французском языке, издана в 1970 году, в русском переводе появилась в 2005 году. Перу автора принадлежит фундаментальный труд «Православие» (1959), докторская диссертация «Достоевский и проблема зла» (1942), работы «Брак, таинство любви» (1944), «Женщина и спасение мира» (1958), «Гоголь и Достоевский, или Схождение во ад» (1961) и др. Книга, которой мы воспользовались, отличается тонкостью искусствоведческого исследования и глубиной религиозной мысли: «Человек устремляется ввысь; он, если можно так сказать, «выпадает ввысь» и достигает уровня божественной красоты»².

Это «Путь разума в поисках истины» (Издательство Сретенского монастыря, 2010) Алексея Ильича Осипова, профессора Московской Духовной Академии, популярного лектора телевизионных программ «Спас» и «Союз». «Православие рассматривает святость, – пишет он, – как высшую ступень духовного развития человека»³. Осипов говорит о том, что у этой ступени духовного совершенствования есть две предшествующие: спасенность и праведность (например,

Марина Гусько, главная героиня рассматриваемой нами повести Токаревой, может надеяться и рассчитывать, скорей всего, только на *спасенность*, в то время как Анна воплощает *праведность*, а *святость* символически представлена в произведении фотографией канонизированных впоследствии царственных княжон Романовых, которым невинное дитя Алечка... пририсовывает усы).

Это книга в четырех частях «Записки сельского учителя» Николая Алексеевича Лобастова, изданная в этом году в Москве Региональным общественным фондом изучения наследия П. А. Столыпина. Николай Алексеевич в сентябре 2016 года был на Сахалине и выступал с лекциями перед студентами СахГУ.

А также книга Виктора Николаевича Тростникова «Лекции по курсу “Основы православной культуры”». Части 1-3», выпущенная в Ульяновске в 2009 году. Отличительной особенностью православной культуры В. Н. Тростников считает православный идеал человека и уделяет этому целую главу, которая так и называется «Православный идеал человека». Тростников пишет, что богоподобного по природе человека должна отличать высокая степень внутренней свободы, по которой он выбирает стремление к Богу, а не наоборот: «...особый закон – закон любви... предоставляет человеку высшую форму свободы – свободу служения»⁴.

Этого уровня свободы достигали русские православные святые, главные черты которых следующие:

смирение – антипод гордыни;
неосуждение ближних и связанное с ним умение прощать;
терпение.

Можно называть и другие черты православного человека: милосердие, бескорыстие и т. д., но именно вышеуказанные черты дают православному человеку, идущему в направлении святости, подлинную силу.

Святые – это не значит безгрешные. Это люди, идущие, как по компасу, в верном направлении, восходящие к Богу через покаяние и совершенствование. В «Записках сельского учителя» Н. А. Лобастов пишет: «Церковь – это не жизнь ангелов во плоти, а собрание кающихся»⁵.

Православная литература христороцентрична. «Не обязательно при этом, – говорит Лобастов, – писать о Христе – обо всем, но с высоты Идеала, с позиции христианства»⁶.

Повесть Виктории Токаревой удобно разбирать, руководствуясь книгой Лобастова. Он говорит: сколько людей, столько и путей к Богу, у каждого «свой крест, свой путь, свои падения и взлеты. Но цель одна, как и природа человека»⁷. Вот и «Н. А. Бердяев с Н. В. Гоголем соглашались: «Соединение муки о Боге с мукой о человеке делает русскую литературу христианской даже тогда, когда в сознании своем русские писатели отступают от русской веры»⁸.

Таким образом, «...вся русская классика связана с Библией, опирается на ее истины, нравственные ценности, соотносит с ней свои идеалы. Пусть эта связь не всегда формально прослеживается, но при внимательном взгляде мы увидим теснейшую связь с библейским мировоззрением»⁹. «Искусство, – говорит Лобастов, – это всегда попытка прорыва, преодоления, преображения...»¹⁰.

И этими путями движутся или пробуют двигаться персонажи Виктории Токаревой.

Но при этом «каждый судит только по себе, смотрит на окружающее со своей колокольни... Каждый человек видит и отражает окружающее в зависимости от своего внутреннего состояния – приближенности к Истине или искаженности вследствие грехов»¹¹.

Отсюда возникает эффект «своей правды» у каждого персонажа.

Сюжет повести однолинеен и сосредоточен на главной героине: «единство действия» при отсутствии «единства времени» и «единства места». Остальные персонажи просто клубятся вокруг нее, стимулируя либо тормозя ее движение по жизни.

Вырастает наша Марина в простой русской семье в советском Азербайджане, создает семью с незаметным студентом-техником Володей, выучивается и работает то в начальной школе, то в яслях.

Володя Марину бросает для новой семьи.

Ее, оставшуюся с двумя детьми, одаривает яркой любовью молодой и горячий бакинец Рустам. Рустама восхищает в Марине русский тип женщины: «Во всем мягкость: в овале лица, в

¹ Токарева, В. С. Одна из многих: [повести и рассказы] / Виктория Токарева. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – С. 5.

² Евдокимов, В. Н. Искусство иконы. Богословие красоты / В. Н. Евдокимов // Клини: «Христианская жизнь», 2010. – С. 12.

³ Осипов, А. И. Путь разума в поисках истины / А. И. Осипов. – 6-е изд., испр. – М.: изд-во Сретенского монастыря, 2010. – С. 365.

⁴ Тростников, В. Н. Основы православной культуры. Лекции / В. Н. Тростников. – Ч. 1–3. – Ульяновск: ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати», 2009. – С. 159.

⁵ Лобастов, Н. А. Записки сельского учителя / Н. А. Лобастов. – Ч. 1. – М.: Региональный общественный фонд изучения наследия П. А. Столыпина, 2010. – С. 80.

⁶ Там же. – С. 35.

⁷ Там же. – С. 41.

⁸ Там же. – С. 40.

⁹ Там же. – С. 45.

¹⁰ Там же. – С. 36.

¹¹ Там же. – С. 33.

льняных волосах, во взгляде голубых глаз»¹². Он ужасается тому, что она делает аборт, но – не женится, чтобы не огорчать свою маму, потому что кавказцы «женятся на своих» (в конце концов, Рустама женят на соплеменнице, которая родит ему сына с врожденным пороком сердца).

Робкий Саша, сын Марины, после армии уезжает в Москву и соединяется браком с Людмилой, страдающей алкоголизмом.

Своеправная Снежана, дочь Марины, бросает на руки матери малышку Алечку, прижитую от «аульного» непутевого татарина Олега, и тоже уезжает в Москву, где выходит замуж за другого Олега (впрочем, «золотые руки»).

Ординарное существование Марины-одиночки, сражающейся с судьбой, прерывается горбачевской перестройкой. Она превращается в беженку и оказывается в Москве. С детьми понимания не находит – и превращается уже в «бомжиху»... Но позиций не сдает.

Присмотримся к персонажам: у кого какая правда в повести.

Марина Гусько – главная героиня повести: должна быть искренняя, настоящая любовь; к детям нужно относиться духовно и нравственно, в любви и ласке. Но, несмотря на всю свою мягкость и женственность (при внутренней твердости), Марина, как и многие, «поджимает губы» и ступает «на тропу бизона», когда задето ее мнение или ее интерес. Марина способна грешить или быть опрометчивой не только в поступках, но в словах и мыслях – и потом от всей души пожалеть, что кому-то в молитвах желала зла: «А если бы Бог послушался? Но слава Богу, он не прислушивается к глупостям. Он их игнорирует. Простил глупую бабу»¹³.

Володя – муж Марины: работать и приносить деньги в семью.

Рустам: дети укрепляют любовь и семью.

Саша – сын Марины: я должен остаться с Людой ради детей.

Людмила – невестка Марины: Саша должен слушать только меня.

Снежана – дочь Марины: родная мать не должна вмешиваться в мои любовные отношения.

Вера: в жизни нужно искать только выгоду, чтобы всегда были деньги и жилье.

Света: не нужно брать то, что не твое.

Анна – *ангел-хранитель* главной героини, врач: будем жить вместе – сочтемся.

На наш взгляд, христианскими добродетеля-

ми в полной мере среди всех персонажей наделена Анна, единственная, кто не оставил Марину на произвол судьбы, так как Анна и Марина были вместе и поддерживали друг друга. Анна открыта и честна. Ее миссия: помогать людям – приносить им пользу. Она иногда даже думает, что окружающие используют ее как «нефтяную скважину», но Анна с этим ничего поделать не может, поэтому всегда отзывчива к людям. Она, наследственный лекарь, невольно берет пример с сестер милосердия, княжон Романовых, будущих святых, фотография которых висит в ее доме.

У каждого – своя правда, говорят. К сожалению, и в школу проникает эта лжетеория относительно правды, ее человеческого установления.

Человек сам создает законы – учат наших детей на уроках правоведения.

Человек сам строит свое счастье – вторят на уроках литературы.

Но законы жизни, как и законы природы, не придумывают – их открывают.

«Литература в этой жизни не открывает Истину, не дает ее человеку, а всего лишь отражает ее поиск. А открывает Истину, преображает человека только Сам Творец»¹⁴, – пишет Н. А. Лобастов.

Вместе с творением созданы и законы для сотворенного. Не может природа существовать без законов. Мы приходим в мир – они уже есть. Мы уходим – они остаются. Придут другие люди – законы не изменяются. Они никак не субъективны. Также и законы человеческого общежития. Человек, конечно, может придумать и свои законы жизни и жить по своему произволению, как это часто и демонстрируют литературные герои, но счастливым в этом случае он быть не может. Счастье, как и законы, не придумывают – к ним приходят.

Правду голосованием не выбирают. Задача человека – не выбирать «правду» поудобнее, покомфортнее, под себя, а честно определить свое отношение к Правде.

Эта высшая цель, объединяющая людей в их движении по жизни, заставляет читателей повести Виктории Токаревой вспомнить об изначальном *богоподобии* ее персонажей, всех без изъятия.

То, что все дети – *ангелы*, вполне относится к детским портретам повести. К портрету Саши, сына Марины:

«Через девять месяцев у них родился ребен-

нок. Мальчик. Хорошенький, со светлыми курдюшками, как Ленин в детстве»¹⁵.

И к словесному портрету Алечки, внучки Марины:

«Родная душа прилетела из космоса.

...Сказать, что Марина любила Алю, значит, не сказать ничего. Она ее обожествляла. Девочка – вылитый отец, смуглая, с большими черными глазами, вырезанными прямо. Уголки глаз – не вниз и не вверх, а именно прямо, как на иконах. Носик ровный, а рот – как у котенка. Снежанин рот. Должно быть, Олег был красивым. Марина, ослепленная ненавистью, даже не рассмотрела его. А он был красивый и, наверное, нежный»¹⁶.

«В метро Алечка заснула, прикрыв теплой головкой к бабушкиному плечу. Марина смотрела сверху на макушку. Волосы были настолько черными, что макушка казалась голубой. К горлу Марины подступала любовь. Она не понимала, как может Алечка кому-то не нравиться»¹⁷.

И к портрету подростка, обреченного на раннюю смерть, как на заклинание:

«Рустам явился вовремя, как аристократ. Рядом с ним стоял его сын, серьезный, красивый мальчик. Его красота была не южной, рвущейся в глаза, а более спокойной. Глаза – серые, волосы – темно-русые, синюшные губы выдавали тяжелую сердечную недостаточность.

...Участники консилиума заулыбались, закачали головами. Им нравился этот странный мальчик, и хотелось сделать для него все, что возможно.

...Мальчик смотрел в сторону. Не желал участвовать в мелодраме. Ему нравилось чувствовать себя сверхчеловеком – презрительным и сильным. Вне и над.

Должно быть, начитался Ницше»¹⁸.

И к портрету Анны, ровесницы Марины, данному автором с доброй улыбкой:

«Марина не подозревала, что ТАМ послали ей ангела-хранителя. Ангел был не первой молодости и с хорошей стрижкой»¹⁹.

Как писал английский поэт Джерард Хопкинс, «*Иисус играет в сотне тысяч лиц*», – но изначальная ангельская природа всех людей склонна к искажениям.

Для Виктории Токаревой духовность и интеллект не являются синонимами – и недостаток духовности, духовная ограниченность героев на уровне словесного рисунка проявляются в отсутствии пластической грации – в *шкафообразности* то одного, то другого ее персонажа, в нехватке органичности и гармонии. Например, жена банкира Света сравнивается с *куклой Барби*:

«Света, с точки зрения Марины, походила на куклу Барби, сделанную в обществе слепых. Лицо – длиннее, чем надо, а тело – короче. При этом – белые прямые волосы и глубокое декольте – зимой и летом»²⁰.

Персонаж, таким образом, является карикатурой на *куклу Барби*, а сама кукла Барби – карикатурой на *ангельскую претензию*.

К сожалению, как пишет Виктория Токарева, «каждый живет свою жизнь. И чужой опыт никогда и никем не учитывается»²¹, иначе бы люди, как муравьи, выходили на праведную Божью дорогу одновременно.

Но так хочется писателю показать людям картинку их усилий – и подсказать!

В конце повести ее героиня Марина сравнивает муравейник с непосильной ношей Земли:

«Марина возвращалась на метро. На автобусе. Потом шла пешком. Свернула в лес к знакомому муравейнику. Села на сваленное бревно.

Какая-то сволочь воткнула в муравейник палку, и муравьи суетились с утроенной силой. Восстанавливали разрушенное жилище.

Марина вгляделась: каждый муравей тащил в меру сил и сверх меры. Цепочку замыкал муравей с огромным яйцом на спине. Муравей проседал под тяжестью, но волок, тащил, спотыкаясь и останавливаясь. И должно быть, вытирал пот.

Марина вдруг подумала, что Земля с людьми – тоже муравейник. И она среди всех тащит непосильную ношу. А кто-то сверху сидит на бревне и смотрит...»²².

Кстати, здесь – в финале повести – мы находим великолепный пример *словесной иконы*, это удачная попытка изобразить невидимого Бога как бы невидимыми *красками* подтекста.

¹² Токарева, В. С. Одна из многих: [повести и рассказы] / В. С. Токарева. – М. : АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – С. 182.

¹³ Там же. – С. 202.

¹⁴ Лобастов, Н. А. Записки сельского учителя / Н. А. Лобастов. – Ч. 1. – М. : Региональный общественный фонд изучения наследия П. А. Столыпина, 2010. – С. 42.

¹⁵ Токарева, В. С. Одна из многих: [повести и рассказы] / В. С. Токарева. – М. : АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – С. 173.

¹⁶ Там же. – С. 201.

¹⁷ Там же. – С. 263.

¹⁸ Там же. – С. 255–257.

¹⁹ Там же. – С. 241.

²⁰ Там же. – С. 237.

²¹ Там же. – С. 234.

²² Там же. – С. 270.

СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Понятие «стереотип» впервые введено в оборот известным американским журналистом Уолтером Липпманом в 1922 г. в книге «Общественное мнение», где он определяет стереотип как упрощенное, заранее принятое представление, не вытекающее из собственного опыта человека. Он возникает на основе опосредованного восприятия объекта. Стереотипы, по утверждению У. Липпмана, первоначально возникают спонтанно, в силу «неизбежной потребности в экономии внимания». Они способствуют формированию традиций и привычек. Стереотипы оказывают воздействие на формирование нового эмпирического опыта. Хотя степень их адекватности чрезвычайно лабильна, стереотипы – преимущественно неадекватные образы объективной реальности, основанные на «ошибке человека, по привычке принимающего предвзятое за видение»¹.

Стереотип содержит в себе оценочный элемент. Стереотип – не просто упрощение. Он, по словам У. Липпмана, в высшей степени заряжен чувствами. Оценочный элемент стереотипа (установка) всегда сознательно детерминирован, поскольку стереотип, выражая чувства личности, ее систему ценностей, всегда соотносится с групповыми чувствами и групповыми действиями.

Полностью избежать стереотипов невозможно, точно так же, как невозможно оценить это явление однозначно – как сугубо положительное или сугубо отрицательное. В самом широком смысле стереотипом можно назвать любой обобщенный образ, понятие или впечатление, функционирующие в массовом сознании. Можно сказать, что стереотип является одним из тех базовых элементов, «кирпичиков», из которых в целом и состоит массовое сознание. Конечно, оно при этом представляет собой нечто большее, чем простую сумму стереотипов; это сложнейшая система, чутко реагирующая на любые изменения во внешней

среде, и законы ее функционирования до конца не изучены.

При этом сложившиеся стереотипы могут помогать восприятию реальной действительности, но могут и мешать. В таких случаях можно говорить, вслед за Липпманом, о «неадекватном стереотипизировании», когда стереотип подменяет собой картину действительности в массовом сознании. Как правило, неадекватный стереотип является частью некоей социальной мифологии, под которой понимается система контекстуально условно истинных и аксиологически доверительных высказываний². Одной из ключевых черт современной мифологии является ее заданность, сконструированность. Социальные мифы не возникают спонтанно (в отличие от традиционных, древних мифов), а формируются в полном соответствии с принципом, сформулированным еще в Древнем Риме: «*is fecit cui prodest*» – тот делает, кому выгодно. Таким образом, творцами современных мифов становятся политтехнологи, имиджмейкеры, сотрудники PR-агентств, но главную роль здесь играют средства массовой информации. Без их активного участия в формировании массового сознания и общественного мнения невозможно было бы внедрять новые и тиражировать старые стереотипы.

Одними из самых распространенных и устойчивых являются *гендерные стереотипы*. Они связаны с полоролевыми характеристиками мужчины и женщины, их социальными и функциональными ролями и представляют собой распространенные в обществе взгляды об особенностях и поведении представителей разных гендеров, в первую очередь мужчин и женщин. Гендерные стереотипы тесно связаны с существующими в данном обществе гендерными ролями и служат для их поддержания и воспроизведения. Существует точка зрения, что гендерные стереотипы часто несут негативный смысл и способствуют поддержанию гендерного неравенства³. Вместе с тем мифологическое пространство той или иной

культуры не может существовать без представления о гендерных ролях и идеалах. Именно об этом говорил К. Г. Юнг, выделяя некогда в качестве архетипов Аниму и Анимуса (женское и мужское начало)⁴.

В связи со своим коллективным характером стереотипы получили активное развитие в культурной среде социальных сетей. Сами социальные сети, по сути, представляют собой торжество массовой культуры во всей ее полноте. Здесь как нигде воплощается знаменитый принцип системы «Веб 2.0» – контент формируется аудиторией. Между тем, коммуникативное пространство социальных сетей практически не исследовано с точки зрения представленности в нем тех или иных стереотипов.

В последние годы большую популярность в социальных сетях получила форма распространения информации, условно обозначаемая как «картинка с текстом» или «открытка с текстом»: на ярком фоне размещен краткий текст нейтрального цвета, иногда сопровождаемый иллюстрацией. Существует несколько интернет-сервисов, позволяющих любому пользователю создавать подобные «открытки» путем ввода своего текста и подбора соответствующей картинке. Например, популярный сайт «Аткрытка.com» дает возможность создать картинку, стилизованную под открытку 1920-х гг.

Часто каждый такой краткий текстовый элемент являет собой реализацию того или иного стереотипа. При этом в стереотипизации образов не принимают участие никакие сторонние организаторы коммуникативного процесса, включая сотрудников СМИ. Стереотипы обретают в социальных сетях всю полноту развития, напрямую передаваясь от одного участника коммуникативного процесса ко множеству потенциальных адресатов. В свою очередь, те способны передать информацию дальше – как правило, социальные сети предоставляют своим клиентам возможность напрямую делиться контентом с другими пользователями (так называемая «вирусная стратегия» распространения информации).

С целью выявления гендерного представления о женщине в современном обществе, ее стереотипных ролей нами было проанализировано 1200 картинок с текстом. Для анализа были отобраны исключительно популярные (оцененные самими пользователями) открытки на темы «Семья» и «Женщина».

В ходе исследования было выявлено следующее:

– большинство (93 %) из рассмотренных нами открыток представляют женский образ упрощенно и негативно;

– незначительная часть открыток, репрезентирующая положительный женский образ, связана исключительно с ролью женщины-матери;

– открытки, в которых женские образы трактуются отрицательно, могут быть разделены на несколько больших групп в зависимости от создаваемого стереотипизированного образа. Приведем несколько характерных иллюстративных примеров с сохранением оригинальной орфографии и пунктуации.

1. Образ пассивной женщины (в высказываниях полностью отсутствует семантика труда и производительности):

– *В семье все должно быть поровну: муж работает, жена красивая!*

– *Женщина должна быть счастливой! А больше она никому ничего не должна!!!*

– *Мужики говорят: «Молочка бы с булочкой, да на печку с дурочкой»... А нам бы, бабоньки – чашку кофе с коньячком, да в Египет с дурачком!*

– *Настоящая женщина все может сделать сама. Но настоящий мужчина никогда этого не допустит.*

– *Кто не работает – тот удачно вышла замуж.*

2. Образ женщины-агрессора:

– *Говорят, что 80 % семейного счастья зависит от женщины. Таак, значит, мы держатели «контрольного пакета акций» – что хотим, то и делаем!*

– *И создал Бог женщину... существо злобное, но симпатичное... и, хотя существо получилось вредное, но на ощупь такое приятное!*

– *Молодой человек, вашей маме невестка не нужна? Нет, она старую еще не догрызла!*

– *Записал свою жену на карате. Научился пылесосить, готовить, а от стирки просто тащусь!*

– *Дорогой Дедушка Мороз! В прошлый раз я просила у тебя парня. Так вот, заведи этого козла обратно и дай мне лучше мандаринков!*

– *На всякое мужское «Подожди, помолчи, не твое дело» есть женское «Свободен! Следующий!»*

– *Самый эффективный способ быстро прекратить спор с женщиной – прикинуться мертвым.*

3. Образ женщины-потребителя:

– *Женщине от мужчины нужно только одно – ВСЕ!*

– *Пошла в магазин за сумкой, а мне понравились туфельки и я купила кофточку!*

– *Задача жены – тратить столько, чтобы не хватало на любовницу!*

– *Девушки – как абоненты мобильной сети:*

¹ Липпман, Уолтер. *Общественное мнение* / Липпман Уолтер. – М. : Институт фонда «Общественное мнение», 2004. – С. 300.

² Об этом см., например: Ульяновский, А. В. *Мифодизайн в рекламе* / А. В. Ульяновский. – СПб. : СПбГУ, 2011. – 168 с. ; Топорков, А. Л. *Мифы и мифология XX века: традиции и восприятие* / А. Л. Топорков. – Режим доступа : // <http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm>

³ См. например: Бем, С. *Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов* / С. Бем. – Российская политическая энциклопедия, 2004. – С. 516–517.

⁴ См.: Юнг, К. Г. *Избранные сочинения* / К. Г. Юнг. – М., 2015. – С. 342–345.

то постоянно заняты, то временно недоступны, то недостаточно денег на вашем счету...

– Хорошие девочки от огорчения плачут, плохие пьют, умные отправляются по магазинам... Сейчас вытру слезы, выпью и пойду в магазин за новыми шмотками!

4. Образ интеллектуально неполноценной женщины:

– Если женщина включила правый поворотник – это не значит, что она поедет налево... Она может поехать и прямо!

– Вот в статусах пишут «папина гордость», «мамина радость». Так что же, мне теперь написать: «головная боль своего мужа»?

Иногда (менее, чем в 5 % случаев) анализируемые высказывания могут относиться сразу к нескольким группам:

Очень хочу скатерть-самобранку! Мусорное ведро-самоход! Пылесос на дистанционном управлении! И еще шкаф с ежедневным обновлением!(женщина-потребитель + пассивная женщина).

Нужно отметить, что в исследуемых высказываниях стереотипизированный образ женщины не рассматривается изолированно, а практически всегда соотносится с образом мужчины. Эта корреляция может быть представлена в виде следующей таблицы:

Слабая, пассивная женщина	Сильный, активный мужчина
Женщина-агрессор (сильное, контролирующее начало)	Мужчина-жертва (слабое, контролируемое начало)
Женщина-потребитель	Мужчина, удовлетворяющий потребности потребителя
Интеллектуально неполноценная женщина	Высокоинтеллектуальный мужчина

Анализируемые нами текстовые элементы могут откровенно противоречить друг другу:

– Куда угодно... только не замуж :)

– Я не хочу работать, я хочу... ..ЗАМУЖ!!!

Сами выделенные нами образы женщин в определенной степени находятся в противоречии друг с другом: с одной стороны, образ пассивной женщины, лишенный производительного начала, с другой – образ активной женщины-агрессора. При этом противоречие может находиться в пределах одного предложения:

Женщина – это чудо-создание, которое всегда знает «кто виноват» и «что делать», но никогда не знает «в чем я завтра пойду» и «что

мы сегодня будем есть» (пассивная женщина + женщина-агрессор).

Такое параллельное существование противоречащих друг другу оценочных суждений является одним из характерных признаков стереотипов и говорит о том, что анализируемые образы не отражают объективную реальность (в которой, как известно, действует логический закон исключенного третьего), а являются элементами мифологического пространства.

Рассматриваемые нами высказывания могут быть названы опасными для формирования у подрастающего поколения объективного, адекватного образа семьи, женщины в ней. В них принижается роль женщины как социально активного элемента – работницы, хозяйки, матери. При этом образ женщины уплощается, стереотипизируется, сводясь к одной-единственной функции, черте, примете.

Как нам кажется, распространение подобных стереотипов в социальных сетях может иметь наибольшее влияние именно на молодежь. Результаты современных исследований позволяют констатировать, что около 90 % российских молодых людей (13–25 лет) активно пользуются социальными сетями⁵. Именно для этого сегмента общества наиболее характерен интерес к вопросам пола, семьи и гендерно-социальных ролей. Вместе с тем в этом возрасте еще продолжается формирование критического мышления, которое позволяет отличить реальное от мифологического. Многие из приведенных выше высказываний сопровождаются красивыми, привлекательными картинками с изображениями популярных среди молодежи персонажей (так, очень часто встречается изображение Маши из мультфильма «Маша и медведь» и т. п.) – это еще один фактор, способный заинтересовать молодых людей данным контентом и побудить их поделиться условно ценной информацией с другими пользователями.

В условиях доминирования в социальных сетях массовой культуры опасность подмены положительных гендерных стереотипов отрицательными, как видно из результатов нашего исследования, достаточно велика. В социальных сетях уже сегодня существуют негативные гендерные образы, подчеркивающие неравноправие полов, принижающие образы как женщины, так и мужчины. В итоге велика вероятность формирования у молодежи неверных представлений о полоролевых моделях, семье и браке.

Как нам кажется, единого решения данной проблемы быть не может. Социальные сети лишь

отражают стереотипы, бытующие в обществе в целом. Для борьбы с этими стереотипами необходим целый комплекс долговременных мер, направленных, прежде всего, на повышение общей культуры и социальной грамотности молодого поколения, овладение молодежью навыка-

ми информационной безопасности (в том числе умением отличить мифологические конструкты от объективной действительности), создание в общественном сознании положительных гендерных образов, повышение ценности института семьи и т. д.

⁵ См.: Явон, С. В. Социальные сети и молодежь / С. В. Явон // Электронный журнал «Социосфера». – Режим доступа : http://sociosfera.com/publication/journal_sociologie_cloveka/2016/168/socialnye_seti_i_molodezh/

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ: К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНОМ ВОСПИТАНИИ

В современном российском обществе достаточно остро стоит вопрос о будущем семьи и брака. Так называемые «традиционные» модели семьи, предлагаемые христианскими организациями, а еще недавно – советскими идеологами, сегодня активно разрушаются, а полоролевые функции членов семьи подвергаются переосмыслению. Как отмечают исследователи, современная российская семья развивается в условиях постиндустриального информационного общества, где бурно растет роль информационных технологий и средств массовой информации¹. Одним из главных источников информации в таком обществе становятся СМИ, прежде всего, электронные. При этом, как отмечает А. В. Федоров, важно подчеркнуть серьезное социальное, мировоззренческое влияние СМИ на аудиторию, прежде всего – на молодую². Таким образом, масс-медиа становятся сегодня источником не только знаний, но и норм, и ценностей, в том числе и тех, что связаны с интересующим нас институтом семьи и брака. Это особенно актуально именно в связи с особым воздействием СМИ на молодежь, с которой и связано в нашем представлении формирование облика будущей семьи.

Из 34 714 310 публикаций в федеральных, региональных СМИ и «глянцевых» изданиях система «Медиалогия» отобрала всего 679 765 материалов, где было упомянуто слово «семья» в различных написаниях. Уже на основании этих данных можно сказать, что максимальный удельный вес материалов, посвященных семье в СМИ за четыре года (с 2009 по 2013), не превышает 1,96 %³.

Как отмечают современные исследовате-

ли, «...создается впечатление, что современные СМИ отдают большее предпочтение политическим и экономическим новостям, информации о жизни звезд шоу-бизнеса, скандалам, а не продвижению позитивных семейных ценностей». Преобладание подобных мировоззренческих ориентаций в сознании наших молодых современников и приводит к тем кризисным явлениям в области семьи и родительства, о которых сегодня так много говорят в прессе, пишут в научных исследованиях, обсуждают в профессиональных образовательных кругах⁴.

В современном медиапространстве, обращенном к молодежи, заметна группа ресурсов, работающих за возрождение ценностного отношения к родительству. Очень часто ими являются книги, газеты и журналы, радиостанции, кабельные каналы и интернет-сайты, принадлежащие к миру христианской, и, в частности, православной культуры⁵.

К сожалению, тема родительства в передачах светских кабельных телеканалов (не говоря уже об общедоступном телевидении) сегодня практически не раскрывается. Единственным отечественным кабельным телеканалом такого рода длительное время остается канал «Мама» (ранее «Мать и дитя»), который заслуживает отдельного и тщательного исследования.

Особняком среди всех кабельных каналов, отводящих значительное время проблемам семьи, стоят православные каналы «Союз» и «Радость моя». Между собой они различаются прежде всего по целевой аудитории, а, в связи с этим – и по доле интересующих нас передач в общем медиаконтенте. «Союз» – православный телеканал для взрослых воцерковленных людей, хотя

его создатели подчеркивают, что «телеканал... является православным по духу, но не чисто религиозным по содержанию СМИ. Это позитивное, семейное, домашнее телевидение, основанное на традиционных нравственных ценностях и традициях отечественной истории и культуры»⁶. Таким образом, часть передач оказывается посвящена родительству и воспитанию детей постольку, поскольку это отвечает задачам телеканала. К их числу относятся такие программы, как «Семья» (посвященная общим проблемам воспитания детей), «Крепкая семья» (рассказывающая о конкретных семьях как примере христианского родительства), а также «Учимся растить любовью» (о воспитании ребенка в духе православных ценностей). Все выпуски данных передач доступны не только пользователям кабельного телевидения, но и на сайте телеканала в режиме онлайн.

«Радость моя» – детский православный телеканал, рассчитанный прежде всего на детскую аудиторию, хотя и содержит определенный контент для взрослых зрителей. ««Радость моя» – это детский семейный образовательный телеканал. Мы предлагаем зрителям культурно-просветительские, образовательные и детские программы собственного производства. На нашем канале каждый член семьи найдет для себя что-то полезное»⁷, – заявляют создатели телеканала. Таким образом, телеканал позиционирует себя прежде всего как культурно-познавательный, и лишь во вторую очередь – религиозный.

При этом «Радость моя» предлагает своей аудитории достаточно много передач именно о христианском родительстве: «Очень, очень полезная программа», «Родительский день», «Взрослым о детях», «День аиста». К ним примыкают передачи, непосредственно не посвященные данной теме, но так или иначе затрагивающие вопросы семьи и брака: телевизионный журнал для женщин «Домашний очаг с Аллой Будницкой», передача «Один раз на всю жизнь», представляющая собой «...беседы священника Илии Шугаева со зрителями о любви, выборе спутника жизни, отношениях в браке – с позиций нравственности и добродетели»⁸ и так далее.

В перечисленных передачах пропагандируются прежде всего христианские ценности, осознаваемые сегодня обществом как традиционные: большая семья (многодетная и многопоколенная), почитание родителей, верность единствен-

ному супругу, крайне отрицательное отношение к половой жизни до брака и вне брака, изменам, разводам, абортam. В качестве основной модели предлагается традиционная полоролевая схема семьи, в которой отец является кормильцем и наставником, а неработающая многодетная мать – хранительницей семейного очага.

Еще не так давно к христианским кабельным телеканалам, размещающим контент для родителей, можно было отнести и протестантский канал «Улыбка ребенка». Однако за последний год он резко изменил свою информационную политику и трансформировался в исключительно детский канал, транслирующий преимущественно мультфильмы отечественного производства. Единственной передачей, которую с некоторой натяжкой можно отнести к интересующей нас категории, остается проект «Папины сказки».

Как мы можем видеть, рассматриваемые нами телеканалы делают акцент прежде всего на религиозном воспитании, что не может быть принято людьми, далекими от религии вообще и христианства в частности. Кроме того, они оба являются кабельными, то есть недоступными определенной части населения России. По подсчетам компании «iKSC Consulting», число абонентов кабельного телевидения в России составляет приблизительно 17,3 млн человек⁹, то есть всего около 12 % населения нашей страны.

Разумеется, определенная часть аудитории пользуется услугой просмотра медиапродукта в записи на сайтах соответствующих телеканалов. Сегодня как «Союз», так и «Радость моя» предлагают бесплатный просмотр телепередач для родителей на своих официальных сайтах в сети Интернет. Тем не менее, количество интернет-пользователей в России все еще сравнительно невелико¹⁰. При этом меньше всего их, как мы можем видеть в указанных источниках, в малых населенных пунктах, где самым популярным СМИ остается (и, очевидно, останется надолго) общедоступное телевидение.

На наш взгляд, России нужен открытый общенациональный контент, посвященный проблемам семьи, брака и родительства – как религиозный, так и внерелигиозный. Необходима поддержка государства и правильное ведение информационной политики в области СМИ, чтобы акцентировать внимание подрастающего поколения на традиционной семье, семейных

¹ См. например: Тучкова, В. В. Отражение семейных ценностей в российских СМИ / В. В. Тучкова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – № 150. – СПб., 2013. – С. 158–163; Грицай, Л. А. Формирование родительских установок современного молодого человека под влиянием медиакультуры / Л. А. Грицай // Вестник Томского университета. Серия Культурология и искусствоведение. – Томск, 2013. – № 3. – С. 57.

² Федоров, А. В. Медиаобразование и медиаграмотность: учеб. пособие / А. В. Федоров. – Таганрог: «Кучма», 2004. – С. 256.

³ Тучкова, В. В. Отражение семейных ценностей в российских СМИ / В. В. Тучкова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – СПб., 2013. – № 150. – С. 158.

⁴ Рабалданова, Э. Влияние средств массовой информации на поведение молодежи / Э. Рабалданова, Н. И. Медведева. – Режим доступа: // <http://www.rae.ru/forum2012/271/1572> (дата обращения: 05.03.15).

⁵ Грицай, Л. А. Место ценности родительства в смыслсложившихся ориентациях российской молодежи начала XXI века (на примере изучения современных медиатекстов) / Л. А. Грицай. – Режим доступа: // <http://conf.inexo.ru/местоценности-родительства/> (дата обращения: 21.04.15).

⁶ О канале «Союз». – Режим доступа: // <http://tv-soyuz.ru/aboutchannel>

⁷ О телеканале «Радость моя». – Режим доступа: // <http://www.radostmoya.ru/about/>

⁸ Один раз и на всю жизнь. – Режим доступа: // http://www.radostmoya.ru/project/odin_raz_na_vsu_zhizn/

⁹ Телевидение в России. – Режим доступа: // <http://www.telerus.ru/cabel-tv-itog.html>

¹⁰ См. напр.: Пользователи интернета в мире. – Режим доступа: // http://www.bizhit.ru/index/polzovateli_interneta_v_mire/0-404; Количество пользователей интернета в России. – Режим доступа: // <http://www.bizhit.ru/index/users-count/0-151>

ценностях. И первым шагом здесь должна стать поддержка существующих или создание новых телепрограмм (в идеале – телеканалов) на соответствующую тематику. Каналы «Союз», «Радость моя», а также телеканал «Мама», которому будет посвящено отдельное исследование, на сегодняшний день создали и опробовали множество форматов телепередач для родителей. На этой базе возможно как внедрение

опыта кабельных каналов (в виде отдельных передач) на существующих общедоступных (бесплатных) телеканалах, так и формирование впоследствии позитивной модели бесплатного телеканала для родителей. Впрочем, если последнее пока остается, скорее, утопической мечтой, то первое вполне возможно. Тем не менее, на сегодняшний день данный вопрос все еще остается открытым.

СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ МНОГОЗНАЧНОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ МЕЖДОМЕТИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. П. ЧЕХОВА

Для современной научной парадигмы представляется актуальным, перспективным и важным соединением большого и малого в различных содержательных и аксиологических ипостасях: большого и малого по плану выражаемого объема информации, большого и малого по характеру постижения глубинных смыслов, большого и малого относительно положения в культурном и языковом пространстве, большого и малого с точки зрения внешне затрагиваемых на их производство интеллектуальных и речевых усилий и т. д. Совмещение в едином исследовательском тексте этих разнохарактерных величин, в конечном счете, постулирует верную мысль о том, что ни большого, ни малого в языке нет. Для любой единицы первоначально важна только адекватность содержательной характеристики и оценка роли.

В последнее время наблюдается повышенный интерес к эмоциональной сфере человека, языковая реализация которой еще не достаточно исследована как в теории коммуникации, так и в теории текста. В рамках новой гуманистической парадигмы даже появилось особое эмотологическое направление, в котором активно разрабатывается проблема эмоций в языке, а приоритет отводится изучению текстов, выражающих «мир эмоций».

Эмоции, являясь неотъемлемой частью нашей жизни, находят отражение в творчестве писателей: «именно человек, его внутренний мир, духовные искания и переживания всегда составляли и составляют центр литературного произведения... Эмоциональное содержание – неперемный компонент семантической структуры текста, оно пронизывает всю ткань произведения, не оставляя равнодушным и читателя» [1, с. 102].

Язык может выражать эмоциональное состояние говорящего (положительные или отрицательные реакции, волеизъявление и др.). Выражение этих явлений охватывается эмотивной функцией, которая проявляется в богатстве и активности форм эмоционально и экспрессивно окрашенной лексики и фразеологии, междометий и междометных фраз, лексико-синтаксических структур, эмоционально и экспрессивно окрашенных синтаксических конструкций с частицами, интонации и т. д.

Поскольку в художественно-типизированной речи (в диалогах) максимально проявляется эмотивность, субъективные модально-экспрессивные реакции партнеров, то здесь реализуются эксклюзивные возможности выражения эмоций

при помощи незначительных слов, особенно междометий, интонационная насыщенность которых позволяет считать их ярким средством «эмотивизации», своеобразным «маркером» стилистических эффектов, стилистического впечатления.

Не обладая номинативной функцией, междометия в то же время в экономайной, лаконичной форме выражают эмоции, настроения, волевые побуждения и т. д. Это: а) «класс неизменяемых слов, служащих для нерасчлененного выражения чувств, ощущений, душевных состояний и других (часто произвольных) эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность: ах, ба, батюшки, брр, ну, ну и ну, ого... и др. [2, с. 481]; б) «специализированные эмотивы – одно из основных средств выражения эмоций, специфическими особенностями которых являются паралингвистические средства, сопутствующие их произношению (эмоционально-экспрессивные колебания смысла междометий, их «семантические акценты» зависят от речевой ситуации, индивидуального стиля, интонационных фигур речи), и «полифункциональность» большинства слов этой категории» [3, с. 5]. И первичным, и производным междометиям в разной степени присущи эмоциональная неустойчивость (нестабильность), смысловая неоднозначность (полифункциональность, многозначность, диффузность): «они легко подхватываются интонационной волной аффективной речи и изменяются соответственно общей эмоциональной окраске высказывания. Поэтому так широк и растяжим круг их значений» [4, с. 590].

Большая часть эмоциональных междометий отличается многозначностью. Междометия с семантически диффузными функциями являются средством интенсификации эмоционального признака, актуализации различных смыслов, передают общее состояние возбуждения и потому могут использоваться для выражения разнородных душевных состояний; таковы, например, *а, ах, ага, ай, ой, ох, батюшки, боже мой, браво, ух, ого, браво, ужас, с ума сойти, черт возьми, эге, о, ну, у, батюшки, господи* и др.

С опорой на содержание и общую эмоциональную окрашенность речи одно и то же междометие может выражать эмоции, противоположные по значению (что при наличии полисемии в знаменательных словах не бывает): одобрение/порицание, восхищение/презрение, страх/решимость, радость/горе, злоба/нежность

и др.): «входя в самые разнообразные сочетания с другими частями речи, междометия... повышают их остроту, яркость и жизненность, интонационное (а значит, и эмоционально-смысловое) разнообразие» [5, с. 23].

Использование междометий в художественном тексте – традиционный, краткий, емкий способ выражения эмоций. Контекст, в пределах которого реализуется лексическое значение междометия, позволяет не только установить объект эмоционального отношения, но и довольно точно определить «наименование» эмоции, которая «закреплена» за междометием. Так, например, междометие **ах** может выражать следующие эмоции: **Ах, не зуди ты, зуда! Чтобы ехать в Крым, нужны средства. Допустим, что я найду их, но ведь она решительно отказывается от этой поездки...** – **досада, раздражение; Ах, эта та, Балабалкина... Балабалкина... эта, что на прачку похожа – уничтожение, пренебрежение; А жизнь, которую я пережил, – как она утомительна! Ах, как утомительна!...** – **огорчение, разочарование; Ах, не говорите мне про вашего Николая, я его отлично понимаю – протест, несогласие; Ах, как я был несправедлив сегодня! – сожаление; Ах, да пустите руки!...** – **гнев, возмущение; Постойте, постойте, вы меня совсем встревожили... Ах, мне дурно! – испуг, страх, душевная боль; Не может быть!.. Ах, не надо!.. – отчаяние** (А. Чехов. Иванов); **Ах, как я зол! Так зол, что, кажется, весь свет стер бы в порошок... – злорада; ... как я счастлив, что вы не платите мне денег... Ах, пардон, что обеспокоил вас! – ирония, сарказм** (А. Чехов. Медведь); **Ах, если б ты знал, что было! Что было! Мне даже страшно рассказывать! Ах, что было! – интрига, загадка; Ах, бедная Катя, бедная Катя! – жалость** (А. Чехов. Юбилей); **Ах, да поди ты прочь, поганая собака!.. – гнев, ярость, бешенство, негодование** (А. Чехов. Учитель словесности); – **Нянька, для чего я жила до сих пор? Для чего? Ты скажи; разве я не погубила своей молодости? ... Ведь это ужасно, ужасно!.. Ах, ох, батюшки! – ужасалась старуха – огорчение, сожаление** (А. Чехов. Моя жизнь); **Ах, что за сиделка! – восхищение** (А. Чехов. Perpetuum mobile); – **Ах, Семен, Семен!.. Какой же ты, право!.. – укор, отчаяние;** (А. Чехов. На подводе); **Ах ты, цыпка, баловница... нежно пробормотал Иван Петрович и поцеловал ее в лоб – умиление, любовь** (А. Чехов. Ионыч); **Ах, что может быть скучнее этой вот миллой деревенской скуки! – недовольство, неудовлетворение;** (А. Чехов. Чайка); – **Давно я не мылся... Иван Иванович... бросился в воду с шумом... нырнул... поплыл дальше, и все нырял... «Ах, боже мой... Ах, боже мой...»** (в данном случае междометие **ах** сопровождается дополнительными, примыкающими к нему словами **боже ~ мой**; получилась лексически немотивированная, застыв-

шая в языке фраза **ах, боже мой**) – **наслаждение** (А. Чехов. Крыжовник); – **Володечка приехал!.. Ах, боже мой! – восторг, исступление** (А. Чехов. Мальчики); **Ах ты, кикимора! – ехидство, уничижение, презрение** (А. Чехов. Дочь Альбиона); **Ах, несчастненький! ах, жизнь твою можно уподобить тюрьме! ах, как тебе в тюрьме темно и сыро! ах, ты непременно погибнешь и нет тебе спасения – ирония, сарказм, издевка, ехидство, насмешка, осуждение** (А. Чехов. Бабье царство) и т. д.

Междометие **о** может выражать: **а)** возмущение, сожаление с оттенком разочарования – **О, что за дикая жизнь!;** **б)** порицание с оттенком умиления – **О, ты обезумел! Мой прекрасный, дивный... Ты последняя страница моей жизни!;** **в)** наслаждение, радость – **О, какое счастье думать, что мы скоро увидимся!;** **г)** недовольство, раздражение – **Ну, начинается философия. О, что за наказание!;** **д)** восхищение – **О, тебя нельзя читать без восторга** (А. Чехов. Чайка); **е)** разочарование – **О, как я обманут; ж)** просьба, мольба – **О, не делайте этого, умоляю вас!;** **з)** разочарование, уничижение, жалость – **О, как это ужасно, что я некрасива!;** **и)** отчаяние – **О, боже, пошли мне силы... Я всю ночь молилась!;** **к)** радость, удовольствие – **О, чудные мысли, как хорошо, я даже смеюсь...** (А. Чехов. Дядя Ваня) и т. д.

Эмоциональное междометие **тьфу** обычно обозначает чувство отвращения, гадливости, брезгливости, побуждающей к сплевыванию. Например: – **Какая гадость! – пробормотал зоолог; он побледнел, поморщился и громко сплюнул. – Тьфу!** (А. Чехов. Дуэль). В произведениях А. П. Чехова с помощью данного местоимения выражаются сложные эмоционально-интеллектуальные состояния человека. Например: – **Она не женщина, а девица... О женихах небось мечтает, чертова кукла. И пахнет от нее какой-то гнилью... Возненавидел, брат, ее! Видеть равнодушно не могу! Как взглянет на меня своими глазами... А знаешь, как ее зовут? Уилька Чарльзовна Тфайс! Тьфу!.. и не выговоришь!** (А. Чехов. Дочь Альбиона) – неприянь, презрение; – **Тьфу! – плюет надзиратель. – Пойдемте к Шибукину. Эти черти до вечера будут пыхтеть** (А. Чехов. Надлежащие меры) – досада, разочарование; – **Тьфу! Ты, кочерыжка, меня запутала! Не померла еще, так и говори, что не померла, а нечего за упокой лезть** (А. Чехов. Канитель) – недовольство, недоумение; – **Потолкай его... Просунь палец! Да ты глухой, черт, что ли? Тьфу!** (А. Чехов. Налим) – раздражение, негодование; – **Тьфу, чтоб тебя черти! ... – возмущается горбач. – Поедешь ты, старая холера, или нет?** (А. Чехов. Тоска) – возмущение, недовольство; **Ясочка моя, красавица! ... Вот радость! Дай же я на тебя погляжу, лебедь белая! Тьфу, тьфу, тьфу... чтоб не сглазить!** (А. Чехов. Ива-

нов) – радость, любовь, умиление с оттенком страха, суеверия и т. д.

Эмоциональные междометия, представленные в текстах произведений А. П. Чехова, актуализируют самые разнообразные эмоциональные значения (как положительные, так и отрицательные), важнейшими из которых являются значения: **а)** неприянь, граничащие с негодованием, злостью, яростью, уничтожением, иронией, ехидством, насмешкой; **б)** неприянь, граничащие с отвращением, неприянью, презрением, пренебрежением; **в)** неуверенности, граничащие с удивлением, изумлением, недоумением, сомнением; **г)** сожаления, граничащие с возрастанием эмоционального напряжения; **д)** удивления, граничащие с недоумением, иронией, нервным напряжением; **е)** осуждения, граничащие с разочарованием, порицанием, досадой, огорчением, обидой; **ж)** одобрения, граничащие с восхищением, восторгом, торжественностью, радостью, наслаждением, умилением, похвалой; **з)** осуществленного ожидания, граничащие со снятием эмоционального напряжения, радостью. В сужении и уточнении семантики таких междометий велика роль интонации, мимики, жеста. Большие возможности для смысловых дифференциаций имеет: **1)** изменение звукового облика междометия: **а)** интонационное варьирование гласных: – **Чувствительно вам благодарен... Сколько душ за вас богу молится! И-и-и! ... Страсть!** (А. Чехов. Сельские эскулапы) – умиление, заискивание, боготворение; **А-а-а-а! Очень рад вас видеть** (А. Чехов. Попрыгунья) – радость, восторг; **б)** повторение, удвоение и утроение конечных слогов: **Баба ой-ой-ой** (А. Чехов. Perpetuum mobile) – восхищение; **2)** сложение с местоимением **ты**, которое может либо интонационно сливаться с междометием, либо, напротив, сильно растягиваться в произношении: **Ах ты, цыпка, баловница ... нежно пробормотал Иван Петрович и поцеловал ее в лоб** – умиление (А. Чехов. Ионыч); **Тьфу ты!** (А. Чехов. Иванов) – снятие напряжения, опасения; **3)** синонимическое развертывание, позволяющее сохранить стабильность предмета речи, ведущую смысловую тему: **Вот так мороз! Ну, да и мороз же, бог с ним! Смерть! ... Такой проклятуший мороз, что хуже собаки всякой! ... Сущая казнь!** (А. Чехов. Мороз); **4)** экспрессивная значимость аффиксов – суффиксов субъективной оценки: **огогошеньки, огогохоньки, ойойошеньки, охохонюшки, эгегехоньки, эгегешеньки;** **5)** интонационная насыщенность: – **Это я, да... Батюшки, следовательно!** (А. Чехов. Шведская спичка); – удивление; – **Батюшки!.. Миша! Друг детства! Откуда ты взялся!** (А. Чехов. Толстый и тонкий); – изумление, радость; – **Ой, батюшки!.. Ой, матушки! Ох, света белого не вижу!** (А. Чехов. Лошадиная фамилия) – испуг, испуг и др.

В потоке диалогической речи междометия выделяются с максимальной четкостью. Сопровождаясь восклицательной интонацией, они, как правило, присущи аффективным реакциям и являются стержневыми, обобщенно-концентрированными эмоциональными сигналами, заключающими в себе универсальную способность выражать многообразные оттенки внутреннего (психологического, эмоционального) состояния человека. Общим значением междометия следует признать тот глубинный смысл, который раскрывается при разных переживаниях, поскольку только в эмотивном компоненте значения человеческие переживания реализуются в комплексе, достаточно ясно, полно и концентрированно.

Мы представили лишь наиболее часто употребляемые эмоциональные междометия. Естественно, что перечисленными и проиллюстрированными примерами употребления некоторых эмоциональных междометий не ограничивается их применение в художественном тексте. «Междометная насыщенность», являющаяся одной из органических свойств писательской манеры А. П. Чехова, концентрированно вмещает в себя возможность организации прогрессивного развертывания мысли с одновременным интонационно-ритмическим (эмотивным) и смысловым подчеркиванием ее существенных сторон (элементов), допускает разнообразные «внутренние модификации» (полифункциональность, диффузность, амбивалентность), охватывает разные контексты, в пределах которого формируется и реализуется лексическое значение междометий.

Литература

1. Бабенко, Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. – Свердловск : изд-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с.
2. Русская грамматика : в 2 т. – М., 1980. – Т. 1. – С. 481.
3. Моргунова, Е. Н. Основные проблемы использования эмотивных языковых единиц для придания высказыванию естественности и эмоциональности (на примере английских междометий) / Е. Н. Моргунова. – М., 2002. – С. 5–6.
4. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1972. – 614 с.
5. Германович, А. И. Синтаксис междометий и их стилистическое значение / А. И. Германович // Известия Крымского пед. ин-та, 1949. – Т. XIV. – С. 7.
6. Чехов, А. П. Избранные сочинения : в 2-х т. / А. П. Чехов. – М. : Худож. лит., 1979. – Т. 1. – 702 с.
7. Чехов, А. П. Избранные сочинения : в 2-х т. / А. П. Чехов. – М. : Худож. лит., 1979. – Т. 2. – 701 с.

ТИПЫ И ФУНКЦИИ НОВООБРАЗОВАНИЙ В ПОЭЗИИ И. СЕВЕРЯНИНА

В последнее время значительный интерес современной лингвистики направлен на функционирование новообразований (окказиональных и потенциальных слов). В рамках современной научной парадигмы даже появилось особое направление современного словообразования – теория окказиональности, где: **а)** вырабатываются критерии ограничения окказионализмов от неологизмов (окказиональные и потенциальные слова являются фактами речи, а неологизмы являются фактами языка; **б)** рассматриваются проблемы выделения окказиональных и потенциальных слов (окказиональные – слова, созданные по непродуктивным типам, при образовании которых нарушены закономерности словообразовательной системы; потенциальные – слова, которые созданы (но еще не закреплены традицией словоупотребления) или могут быть изобретены по образцу слов продуктивных словообразовательных типов); **в)** определяются способы и приемы незуального словообразования; **г)** исследуются причины и механизмы словопорождения; **д)** описываются особенности индивидуально-авторского словотворчества; **е)** устанавливается степень проявления лингвокреативности (создание чего-либо, не существовавшего прежде) на различных участках языковой картины мира (фиксация и систематизация «созданных по случаю» слов всегда актуальны, так как новообразования, как и закрепившиеся в языке слова, связаны со своеобразием национальной культуры народа, в каждом из таких слов находят отражение сложность и многогранность мира человека, воплощаются особенности его мировидения и миропонимания).

В создании и употреблении окказионализмов (индивидуальных новообразований, не вошедших в общее употребление) особенно ярко проявляется внимание писателя к деривационным связям в языке, его творческая индивидуальность. Эта группа незуальной лексики заполняет лакуны лексической системы русского языка и расширяет состав авторского идиолекта.

К словотворчеству обращались многие поэты и прозаики, в том числе и И. Северянин [наст. имя и фам. И. В. Лотарев – (1887–1941)], яркий представитель одного из направлений русского футу-

ризма – эгофутуризма. Активизация деривационных процессов на рубеже XIX–XX вв. привела к появлению большого количества новообразований, широко представленных в художественных исканиях русского поэта, «которому открылись тайны стиха и который сознательно стремится усовершенствовать свой инструмент...»¹. Новообразования И. Северянина показывают, как деривационный механизм, словообразовательная система реагирует на актуальные социополитические процессы. Они отражают внеязыковые, экстралингвистические данные, соотносимые с определенным историческим периодом в жизни людей, их культурной и социальной принадлежностью. Тяга И. Северянина к новообразованиям была приметой времени и отражала не только творческую манеру поэта, литературное направление, к которому он принадлежал, но и основные тенденции развития русского языка, совпавшие с рубежами предреволюционной, революционной и послереволюционной эпох. Поэтому изучение языковых новшеств И. Северянина, сумевшего обогатить русскую поэзию тонким чувством языка, стиля и блестящим остроумием, представляет несомненный интерес.

Обращают на себя внимание необычность словесных ударений, морфологических форм, словосочетаний, новых стихотворных форм и ритмов (*миньонет*, *дизель*, *квадрат квадратов*), стилистические контрасты и, конечно, изобретенные самим поэтом слова (например, слово *бездарь*). Северянин может *разлепесточить апельсин*, назвать пустыню *золотой океаной*, *веер блестящим*, *ландыш белоснежным*, сказать *глазы* (вместо *глаза*), *девочка весен восьми* (вместо *девочка лет восьми*), *кружевеет* (по типу *молодеет*), увидеть *осень весенней* и *весну осенней*, создать гнезда авторских новообразований: *чаровый* – *чарователь* – *чаровальщик* – *чарун* – *чарунья* – *чаруйный* – *чарник* – [*чародей*] и т. д.

Стихотворец Северянин виртуозный, поэт музыкальный, языкотворец превосходный, не меньший, чем В. Маяковский, только с голосом нежным, как ландыш:

*Я, белоснежный, печальноюный
бубенчик-ландыш,*

*Шушу в свой чепчик, Зефира легче
Для птичек певчих².*
(«Prelude I»).

В процесс создания незуальных слов поэт вовлекает различную по семантике и происхождению лексику: **исконно-русскую** (*бесчестница*, *непогодь*, *пройтиться*, *дрожко*, *смуь*, *вмолнилась*, *властелиниша*, *чаровый*, *неистолимая*, *далеет*, *небылоза*, *живописует*, *печальник*, *вечеровый* и др.) и **заимствованную** (*дэмимонденка*, *адьютантэсса*, *морейфея*, *эксцессерий*, *эклерезита*, *элежно*, *извиртуозничалась*, *миррэльский*, *фантазно*, *вуалит*, *эмпир*, *поляр*, *нео-мода*, *экстазить*, *грезоломня* и др.). Например:

*Навели смуть былого окарины
Где-то в тихо вечервишем далеке, –
И сирены, водяные балерины,
Заводили хорыводы на реке³.*
(Nocturno);

*Плюет из пушек на поля
И парится в кровавых банях.
Чудовищную чушь меля,
Извиртуозничалась в брани
Умалишенная Земля.*
(Умалишенная).

Заимствованная лексика, с помощью которой создаются новообразования И. Северянина, отражает характерную тенденцию к активному образованию производных на базе иноязычных заимствований (ср.: *поэтно*, *форельность*, *европье*, *осонетенный*, *Берлинство*, *миррэльский*, *ироник*, *миньонет*, *элежно*, *Марсельезия* и др.).

Богатство языка поэта, доходящее часто до словообразовательной «экстравагантности», «чрезмерности» проявляется уже в самом отборе слов, мотивирующих новообразования. Среди них можно встретить не только единицы литературного языка, но и профессионализмы, диалектизмы, арготизмы, просторечную лексику, иноязычные слова, еще не освоенные русским языком, архаизмы. Например: *эксцессерий* – от лат. *excessus* «выход», *ироник* – от франц. *ironie* < лат. *ironia* < греч. < *eironeia* «притворство», *гульдивый* – от *гулливый* (устар. и обл.) < *гульба* (прост.), *невпопадны* – от *невпопад* (разг), *трам* – от англ. *tramway* < *tram* «вагон», *порешил* – от просторечного глагола *порешить*, *чаровый* – от глагола *чаровать* «колдовать, волшебство» (стар), *поэза* – от *поэзия* (греч. *poiesis* «творчество»), *диагнозит* – от *диагноз* (нем. *Diagnose* < *diagnosis* «распознавание»):

*И в этих отгулах рванулись двери, –
И изумительнейший гастроном,
Знаток изысканнейших эксцессерий,
Инстасса въехала на вороном.*
(Поэза трех принцесс);

*Люблю дугою говорливой
Пугать лесов сонливых глушь!
На тройке шустрой и сварливой
Ломать кору дорожных луж!
Эх-ма... В душе моей гульдивой
Живет веселый бес – Разрушь.*
(Поздней осенью);

*А то в певучей Бордигере
Я впрыгивал лазурно в трам;
Кондуктор, певший с Кавальери
По вечерам, днем пел горам.*
(Крымская трагикомедия).

При создании новообразований И. Северянин использует лексику из различных тематических сфер, связанную с разными аспектами деятельности, например: **театра и кино** (*поэзовечера*, *поэзоконцерт*, *озкранен*, *бально-больной*), **литературы и музыки** (*поэза*, *поэзокутерья*, *поэзьясь*, *осонетенный*, *освирелься*, *миньонет*, *славоборчество*, *ироник*, *эготворчество*, *виолончелили*, *элежно*, *Марсельезия*, *арфеет*, *клавишил*, *соловейчы*, *музыкально-поэзо-вокальные*, *соловейчатый*), **живописи и искусства** (*живописует*, *отпечатлеваться*, *кружевеет*), **моды и гламура** (*нео-мода*, *дэмимонденка*, *офранченный*, *златоприческа*, *обеспудрился*), **медицины** (*валерьян*, *диагнозит*, *увечка*, *морейфея*, *возгогрузочные*), **военного дела** (*адьюантэсса*, *всепобедность*), **политики** (*огимнив*, *смуь*, *оцарься*, *королеет*, *популярить*, *отронит*, *центрит*), **религии и чародейства** (*беспопья*, *очудит*, *осуеверил*, *бесчертный*, *небылозы*, *загадная*, *колдуйный*, *чаруйный*, *эгобог*, *окудесила*), **производства и быта** (*трам*, *огорожанился*, *автомобилим*, *трудолюбка*, *поляр*, *овагоня*, *забулавчив*, *испчелились*), **любовных страстей и увлечений** (*поэктазить*, *алогубы-цветики*, *кокет*, *экстазя*, *вселюбовь*, *осупружитья*, *жено-клуб*, *бракоцель*), **космоса** (*межпланетье*, *звездил*, *онебесенный*, *олуненная*), **охоты и рыболовства** (*рыболовить*, *форельность*, *ручейково*, *шустрялся*), **авиации и мореходства** (*оякорили*, *крылолет*), **садоводства** (*зачеремушатся*, *алозы*, *ядоцветы*, *остеблены*, *окустено*, *засируются*) и др.

Новообразования И. Северянина условно можно разделить на две группы. Первая группа отражает деривационные нормы и активные язы-

² Северянин, И. В. Стихотворения / И. В. Северянин ; сост. и предисл. В. Грекова. – М. : Мол. гвардия, 1990. – 237 [3] с.

³ Северянин, И. В. Стихотворения / И. В. Северянин ; сост. и предисл. Е. А. Маркова. – М. : Эксмо, 2010. – 320 с.

¹ Брюсов, В. Я. Игорь Северянин / В. Я. Брюсов // Критика о творчестве Игоря Северянина. – М., 1916. – С. 17.

ковые процессы, протекавшие в языке на рубеже XIX–XX веков. Это «слова, которых фактически нет, но которые могли бы быть... То, что живет в языке подспудной жизнью... прорывается наружу в подобных явлениях языкового новаторства»⁴. Вторая группа новообразований связана прежде всего со стилистической игрой слов. Такие новообразования построены по малопродуктивным моделям, сохранившимся в народной речи, или же создаются неузуальными (ненормативными) способами словопроизводства: депрефиксацией, контаминацией, субституцией.

Среди индивидуально-авторских новообразований обращает на себя внимание прежде всего группа сложных прилагательных. Это весьма удобный способ создания новых, не избитых эпитетов, в «производстве» которых И. Северянин проявляет большую изобретательность. Новообразования-прилагательные в «поэзах» Игоря Северянина отличаются исключительным разнообразием структуры и художественных функций, богатством смысловых оттенков, умением запечатлеть мгновенные и «летучие» мысли. Для стиля писателя характерны словосложения, один из компонентов которых, как правило, выражает оценку, причем эта оценка может усиливаться и вторым компонентом: *разгульно-дикая езда, исхитро-бесовская улыбка, судорожно-страстные ручки, бескровно-мертвенное лицо, стих упоенно-соловьист, он элегантно-чист, что-то литаврово-немое* и др. Например:

*О, существа без крови и без плоти!
О голоса кого-то, но ничьи!
Наструенные выплески в болоте
И судорожно-страстные ручки!..*
(Больная поэза).

В сложные прилагательные свободно объединяются не только основы качественных прилагательных, но и относительные прилагательные и причастия, у которых развивается качественное значение: звонко-майно «Сватовство», лимоннолистный лес, снегоскальный гипноз, тройки бешено-степные, легко-бряцающие сны, снежно-спящие горы, стих вешне-березов, жемчужно-босы ноги и др.:

*Чей чудный стих вешне-березов
И упоенно-соловьист,
И тихий запад бледно-розов;
И вечер благостно-росист;
Он, чьи припевы удалые –
Любви и жизни торжество,
Чья так пленительна Мария,
И звонко-майно «Сватовство»...*
(А. К. Толстой).

В эпитетах Северянина запечатлено удивительное умение писателя видеть, чувствовать, запоминать мир с его красками, запахами, звуками: *опалово-лазорная томленность, музыкально-поэзо-вокальные вечера, голубо-блесткий мартный наст, вид уныло-нагой, запад бледно-розов, сонно-нежное озеро, красота гордо-суровая, снежно-спящие горы, весенне-соловьинная любовь, лоско-матовы картины* и др. Например:

*Если здесь в деревушке подобного
Ничего не найти, кроме сдобного
Хлеба, можно давать вечера
Музыкально-поэзо-вокальные,
Можно пьесы поставить лойяльные
И, пожалуй, плясать до утра.*
(Поэза для беженцев).

Подобные прилагательные многофункциональны: они служат и для создания оксюморона, и для выражения авторской оценки или отражения субъективного восприятия персонажа, и для смыслового усиления или конкретизации. Например:

*Жил Сологуб на даче Мегар,
Любимый, старый Сологуб,
В ком скрыта магия и нега,
Кто ядовит и нежно-груб...*
(У Сологуба);

*Моя безбожная Россия,
Священная моя страна!...
И соловьи ее ночные,
И ночи пламно-ледяные,
И браги древние хмельные,
И кубки, полные вина!*
(Моя Россия);

*И мысль привычно-необычная
Овладевала часто мной,
Но бдит охрана пограничная
Настраженною тишиной...*
(Стихи о реках);

*И вдруг, бесшумно, предо мной
Внезапно, как бы из провала,
Возник, весь в сером, небольшой
Проворный старец блестя-лысый
С седою дымчатой каймой
Волос вокруг головы.*
(Колокола собора чувств).

Среди других прилагательных-новообразований можно выделить несколько групп со зна-

чением: **а)** наличия или отсутствия свойства, качества, признака, обладания чем-либо (*несбывная, неистолимая, мертвовекий, зловивый, чаровый, проозеренный, крыльчатый, ядный*). Например: *Она росла в своем единстве Самодержавна и горда, – И, в чаровом самоубийстве, Шатнулась в мой шатер орда...* (Эпилог); **б)** общей оценки (*уродна, любое, великодарный, златодарна, невпопады, трухлый, зверзче, критинический, старушье*). Например: *И не в тебе ли мой прообраз – Моя загадная душа, Что вдруг из беспричинно доброй Бывает зверзче апаша* (К морю); **в)** света, цвета, звука и их оттенков (*алосиз, настроенные, лимоннолистный, сверкальная, лильчатый, литаврово-немой, златисто-карая, златисто-грезый, элежный, серебристо-радостный*). Например: *День ало-сиз. Лимоннолистный лес Драприт стволы в туманную тунку. Я в глушь иду...* (Версеусе осенний); **г)** отношения к пространству, размеру и времени (*небные, звездонная, длинностебельный, мартные, маевые, ширококрайная*). Например: *Скрылось первое озеро в желтый Длинностебельный лильчатый шарф, Что при солнце слепительно золот...* (Лесные озера); **д)** отношения к лицу (*девье, дотебные, дисциплинный, миррэлский, зелено-тоций, грустно-взорая, печально-тонок*). Например: *Встреч новых не ищю и не горюю О прежних, о дотебных, – никакие Соблазны не опасны. Я целую Твое лицо открытое, Мария* (Музе музыки); **е)** отношения к предмету, действию (*вечеровой, шатучие, скво-зистые, трудолюбный, тунядные, росные*). Например: *Мир – этот дом. Все грязны, кроме Тебя и нескольких сестер. – Республик малых, трудолюбных, Невинных, кротких. Звуков трубных, Тебе не нужно. Твой шатер В тени.* (Письмо из Эстонии); **ж)** конфиксальные лексемы с начальным *без-/бес-*, которые нередко совмещают наивысшую (положительную или отрицательную) оценку явления с актуализацией смыслов (*бесчертный, беспопья, безлучно-стальная, безвыкрутасная, бездревный, бездельный*). Например: *Поэтичность религии, где ты? Где поэзии религиозность? Все «бездельные» песни пропеты, «Деловая» отныне серьезность...* (Пасха в Петербурге) и др.

Кроме прилагательных, можно отметить и другие группы новообразований: **1)** группа отвлеченных существительных, образованных при помощи суффикса *-(н)ость* (*ненужность, непобедность, медность, форельность, одарность, безденность*). Например: *Когда-нибудь Не будет зарослей над речкой, И будет выглядеть увечкой Она, струя отбросов муть Взамен форельности кристальной Своей теперешней...* (Наверняка); **2)** группа существительных с суффиксом *-тель(ниц)*, мотивированных глаголами; их словообразовательное значение – ‘носитель процессуального признака, активный деятель’

(*чарователь, вседержатель*). Например: *Бог, Вседержатель неба, солнечный Вседержатель, Сам себя сотворивший...* (Койт и Эмарик); **3)** группа существительных со значением лица разных словообразовательных типов: **а)** по роду деятельности (*вешневод, поляр*). Например: *Вдали, в долине, играют Грига. В игранье Грига такая нега. Вуалит негой фиордов сага. Мир хочет мира, мир ищет бога. О, сталь поляра! о, рыхлость юга* (Рифмодиссо); **б)** по отличительным чертам, индивидуальным способностям (*ироник, кокет, эгобог, увечка, печальник, сероптичка*). Например: *Пускай критический каноник Меня не тянет в свой закон, – Ведь я лирический ироник: Ирония – вот мой канон* (Двусмысленная слава); **в)** по проводимому или характерному для них действию, не связанному с производительной деятельностью (*природоцап, грезэр, аполлонец, полюбловник*). Например: *Я упоен. Я вешций. Я тихий. Я грезэр.* (Фиолетовый транс); **4)** наименования, выражающие различного рода отношения (*эксцессерий, встречанье, бракоцель, грациозы*). Например: *Как пошло вам! Вы кутаетесь в плэд И, с отвращеньем, хмуря чернобровье, Раздражена, теряя хладнокровье, Вдруг видите брильянтовый браслет, Как бракоцель, повиснувший на кисти Своей руки: вам скоро... много лет...* (В березовом коттедже); **5)** наименования, выражающие различные интересы и увлечения (*желтокофтцы, жено-клуб, поэзовечера*). Например: *Я в комфортабельной карете, на эллипсических рессорах, Люблю заехать в златополдень на чашку чая в жено-клуб, Где вкусно сплетничают дамы о светских дрязгах и о ссорах, Где глупый вправе слыть не глупым, но умный непременно глуп...* (Клуб дам); **6)** наименования лиц женского пола (*адьюаетесса, трудолюбка, бесчетница, безжалостница, ближница, далечница, лесофея, белоза, небылоза, Миррэлия, поэтнички, лимонница, Эклерезита, Дэмимонденка, горизонталки, властелиниша, карусельница, грезэрка*). Например: *И часто в ложе, на пестрой опере, Когда ей сердце мечты оторопили, Она кусает платок, бледнея, – Дэмимонденка и лесофея!* (Лесофея); **7)** наименования, выражающие эмоциональную оценку (*бедламство, алогубы-цветики, Куяльник* [Кукольник Н. В.], Людобою [любодей], предгневье). Например: *Но что мне может дать Куяльник Какой-нибудь, когда печальник Я стал, смотрящий на печаль...* (Колокола собора чувств); **8)** наименования, выражающие значения отвлеченного характера, собирательности (*Нью-Йорчество, озромство, межпланетье, отвечанье, повечерье, эготворчество, поэзокутерья, Лондонство, европье, Берлинство, славоборчество, эгополонез*). Например: *Пусть на турнирах славоборчества Стиха титаны и кроты Берлинства, Лондонства, Нью-Йорчества Меня сразить раскроют рты: Я – я! Значенье эготворчества – Плод искушен-*

⁴ Винокур, Г. О. Маяковский – новатор языка / Г. О. Винокур. – М.: Наука, 1943. – 15 с.

ной Красоты! (Самогимн); **9)** наименования, выражающие явления понижывающего, неустойчивого, короткого, рывкового свойства (сквозь, ветропросвист, промельк, скользь, голь, **част**). Например: Неистолимою прохладой Туда, где крапчатый лосось, Где чайка взрела Элладой, Влекусь я в моревую сквозь (Вербэна); Люблю на лыжах скользь шагов... Скольжу, в движениях лыжных част... Лист чуется сквозь веток голь... (На лыжах); **10)** наименования, выражающие названия предметов по какому-либо признаку, свойству, качеству (слезовик, миньонет, гуд, поэзоконцерт, эгополонез, сереброструи, кленоход, алозы, снегопыль, фиал). Например: О, Лилия ликеров, – о, Crème de Violette! Я выпил грез фиалок фиалковый **фиал**... (Фиолетовый транс); **11)** названия населенных пунктов, отношение к местности (Симферо, иностранна, Марсельезия, Миррэлия). Например: **Миррэлия** – светлое царство, Край ландышей и лебедей. Где нет ни больных, ни лекарства, Где люди не вроде людей (Увертюра) и др.; **12)** глаголы (как совершенного, так и несовершенного вида), атрибутивные глагольные формы: драприт, зальдись, золотет, взорлил, автомобилем, астрил, залимонуют, экстаза, газелит, обездарят, объутопили, отмолодал, обессмерчивать, виолончелили, засентябреет, бирюзась, зачеремушатся, взыскует, королеет, ночует, рыболовить, обеспудрился, обезольдилось, изнедриваются, запчелила, поэзьясь, тавридит, водопадит, кружевеет, центрит, весенится, далеет, накорзинив, вуалит, клавишил, испчель, зальдит, техцветились, соседают, диагнозит, забулавчив и др. Например:

Пора **популярить** изыски,
утончиться вкусам народа,
На улицу специи кухонь,
огимнив эксцесс в верилэ!
(Мороженое из сирени);

В двадцать лет он так нашустрил:
Проституток всех **осестрил**,
Астры **звездил**, звезды **астрил**.
Оставалось только – выстрел.
(Пятицвет П);

Арфеет ветер, далеет Нарва,
Синеет море, **златеет** тишь.
Душа – как парус, душа – как арфа.
О чем бряцаешь? куда летишь?
(Поэза раскрытых глаз).

Достаточно широко в стихотворениях И. Северянина представлены лексемы с префиксом **о-** (продуктивный тип): слова, мотивированные именными основами, глаголы совершенного и несовершенного вида, атрибутивные глагольные формы: *отропили, огимнив, остолблен, окораля, олуненный, осупружиться, оякорили, онезде-*

ишься, озкранен, отряхаю, олетено, окудесила, огневею, оцарься, осетрил, отемнил, освирель, окустено, оплотены, оречу, отипил, ограндиозить, овагоня, отронит, ожизнил, отолпен, оголубил, овьюжилась, огрубит, очудит, опишьмил, одевить, опрозаиченный, онебесенный, огрязнены, овосторженная, опроборенные, осветозарено, остеплена, офранченый, олазорено и др. Например:

*Покачнетесь Вы вправо, – Улыбнется Вам
Слава И дохнет Ваше имя, как цветы райских
клуб; Прогремит Ваше имя, И в **омолненном**
дыме Вы сойдете на Землю, – мирозданья Ко-
лумб!*

(Качалка грезэрки);

*Познакомился в опере и влюбился, как юнкер.
Он готов **осупружиться**, он решился на все. Пе-
ред нею он держится, точно мальчик, наструнке,
С нею в паре катается и играет в серсо.*
(Нелли).

В литературном языке префикс **о-** полифункционален, поскольку выполняет не только формообразующую функцию, но и словообразующую: *смотреть – осмотреть, долг – одолжить, травить(ся) – отравить(ся), баба – обабить(ся), экран – озкранен, куст – окустено* и др. Подобные новообразования являются своеобразными «маркерами стилистических эффектов»: *И сердце вновь **олетено**, Кипит, как Редерер... Вам сердце **окудесила** Проказница-весна (Песенка-весенка); Моей весны сирень грузила в грезы разум, Пила мои глаза, вплетала в брови сон, И, мозг испепелив, **офлерила** экстазом Сирень моей весны... (Сирень); По аллее, раскинутой над черной смородиной, Чем подгорье **окустено** вплоть до самой воды, Мы проходим дорогою, что не раз нами пройдена, И все ищем висячие кружевные сады... (Узор по канве); В тебе уверенность не поколеблена, В твоей корректности тому залог. Но все мне кажется, что ложь **остеплена** И распускается ее листок (Поэту); Оттого я, не зная тоски, Так спою, что и ты запоешь, **Овосторженная** молодежь! (Увертюра).*

Семантическая и структурная необычность слов с суффиксом **о-**, образованных префиксально-суффиксальным способом, проявляется в отсутствии в литературном языке производящего глагола и в непривычной сочетаемости морфем. Но это не вызывает особых языковых трудностей и неясностей, поскольку поэт вводит в поэтический текст «осмысленные новообразования», которые, участвуя в организации ритмической стройности и метрической сообразности, позволяют «высветить» скрытые смыслы. Структурные особенности глагольных новообразований обуславливают их семантическое своеобразие и

конструктивную роль в поэтическом тексте. Так, например, морфологическая принадлежность ряда слов к глагольному классу (*онебесенный, олетено, опрозаиченный, офранченый, оснеженный, олуденные, осонетенный, опроборенные, отлетенный, олуненный* и др.) становится зыбкой, не столь четкой (грамматической фикцией), поскольку в атрибутивности таких образований не содержится указаний на временной интервал. Обозначая постоянный признак, они перемещаются в зону имен прилагательных (или находятся на периферии) и выступают в функции оценочных компонентов. Например: *Вы в **осонетенном** Коктэбле, А я у ревельских камней, Где, несмотря на знои дней, Поля вплотную не нахлебли... (Письмо на юг); Как раздражают эти станции! **Олуденные** поезда! Как в город хочется Константины! Как ей наскучила езда! (Поэза о тшете); И сердце вновь **олетено** (что сделано? какое?), Кипит, как Редерер... И вот – Елизаветино! И вот – дебаркадер! (Песенка-весенка); И на лице ее угаслом К **опрозаиченной** земле Читаю нежное презренья... (Баллада).*

Способы, которые использует поэт в глагольном словообразовании, разнообразны: **а)** префиксальный (*вздожат – дрожь, взгрустит – грусть, освирель – свирель, вскрылю – крыло, воззарю – заря, оречу – речь, провидя – видя; с морфологическим изменением производящей основы префиксальный способ изменяется в префиксально-суффиксальный, например: вскрылил – крыло, взорлить – взор, воззаря – заря*); **б)** суффиксальный (*ночует – ночь, утреет – утро, эскизя – эскиз, кружевеет – кружево, арфеет – арфа, морефея – морей/морфий*); **в)** префиксально-суффиксальный (*заосенило – осень, накорзинив – корзина, разузорена – узор, зареяв – реять, озкранен – экран, запчелила – пчела*); **г)** суффиксально-постфиксальный (*оканитесь – океан, юнись – юный, весеньтесь – весна, ручьись – ручей, бирюзась – бирюза*); **д)** префиксально-суффиксально-постфиксальный (*затинились – тина, поэкстазить – экстаз, зальдись – лед, за льдом, обезольдилось – без(о)льда, оцарься – царь, осупружиться – супруг, онездеишься – нездеишний, зачеремушатся – черемуха, обананаситься – ананас, освирелься – свирель*); **е)** словосложение (*солнцеветют – веять солнцем, рыболовить – рыбу ловить, водопадят – вода падает*); **ж)** сложение с наложением (*живописует – пишет живо(пись)*); **з)** сращение в сочетании с суффиксацией и постфиксацией (*изнедриваются – (вырываются) из недр*).

Глагольные новообразования (*трелили, водопадит, отронит, газелит, автомобилем; арфеет, далеет, ночует, утреет, златеет* и др.) созданы по аналогии с продуктивными словообразовательными типами. Однако введению их в литературный оборот препятствуют некоторые ограничения, например: **а)** отсутствие

в литературном языке производящего глагола (мотивированы простыми или сложными существительными), например: *Врач **диагнозит**, даже бровью Не поведя: «Немного жар. Обычный случай малокровья. И деньги, как в резервуар кладя: «*Ai te voir*» – С улыбкой сквозь зубы цедит... И в тот же вечер, **овагоня** Ее, я проводил домой: К родителям спешила Соня В свой Минск, напудренный зимой (Колокола собора чувств); б)* «нарочитая причудливость» (в качестве мотивирующих основ в деривационном процессе используются преимущественно основы существительных иноязычного происхождения; если образующее слово имеет исконно русский характер, производное все равно выступает в качестве иноязычного эквивалента: *трелили – пели, клавишил – играл, газелит – двгается (подпрыгивая), рыболовить – ловить рыбу, королеет – приобретает новый (королевский) статус, автомобилем – двигаемся на автомобиле, утреет – становится светло, арфеет – звучит (как арфа), ночует – становится темно*), например: *Струнец благородный, он слушал прилежно, Как плакал букет бирюзовых цветов, И вторить букету рояль был готов, И **клавишил** – это ль не песня без слов? – «*Был брошен небрежно*... (Кэнзель VIII); *Когда натянем повод Салазок и начнем зигзаги Пути продельвать, в овраге Рискуя размозжить мозги... **Ночует**. Холодно. Ни зги (На салазках); в)* семантико-стилистические особенности производящих прилагательных (переносный смысл, который формируется на метафорической или метонимической основе, с одной стороны, и семантическая прозрачность, как бы поддерживаемая продуктивными словообразовательными образцами, с другой стороны, усиливают в семантике глагольных новообразований значение признака, указывает на то, что источником словообразования является основа прилагательного, а не существительного), например: *Тридцатый год в лицо мне веет Веселый светлый майский день. Тридцатый раз **сиреневет** В саду душистая сирень (В тот май); Градоначальница зевает, облокотясь на пианино, И смотрит в окна, где истомно бредет хмелеющий Июль. Вкруг **золотет** паутина, как символ ленных пленов сплина, И я, сравнив себя со всеми, люблю клуб дам не потому ль? (Клуб дам); г)* отсутствие того, что названо производящей основой (использование слов со значением отрицательности, лишенности, запредельности, образованных посредством присоединения к основе приставок *без-/бес-, вне-* и др.), например: *И море в день **обезольдилось**, Опять на нем синеет итиль; Всесозиданью возродилось, И вновь зашевелилась пыль (Март); 13)* группа слов с начальным компонентом *полу-* (*полудневный, полутруп, полувиденье, полувек*), например: *О ты, Миррэлия моя! – **Полустрана, полувиденье!** В тебе лишь оцущаю я Земли небесное**

волнение... (Баллада IX); **14**) сложения с первым компонентом **само-, все-** (вселюбовь, всечеловечность, вседержатель, самогимн), например: *Начальники и рядовые, Вы, проливающие кровь, Да потревожат вас впервые **Всеоправданье** и любовь! О, если бы в душе солдата, – Но каждого, но навсегда, – Сияла благостно и свято **Все-человечности** звезда!... Не разрешайте спора кровью, – Ведь спор ничем не разрешим. **Всеоправданьем, вселюбовью** Мы никогда не согрешим!* (Начальники и рядовые); **15**) группа слов со значением особой интенсивности действия и предельной степени качества, образованных с помощью приставок **раз-/рас, пре-, при-, наи-, без-, бес-** и др. (*беззаконце, неистолимая, раздоре, раскрывается, **разлесь**, испчель, призаливные, проржавей, пристрожьтесь, извиртуозничалась, прелестницы, преумно-скуп, пребудь, разузрена*), например: *Остановись у криволапой лпы И моментально удочку разлесь: Форелей здесь встречаются все типы, У обезволенных так силпы всхлипы, А иногда здесь бродит и лосось...* (Поэза верной рыболовке); **16**) наречия (*повсеграднo, повсесерднo, неразлюбчиво, дрожко, голубо-серебристо-ало, ручейково, поэтно, влпамь, грозово, всероссно, ожиданно, элежно, фантазно*), например: *Я, гений Игорь-Северянин, Своей победой упоен: Я повсеграднo **озра-нен!** Я повсесерднo **утвержден!*** (Эпилог).

Среди узуальных способов словообразования наиболее частотными являются: суффиксация, префиксация, сложение, сращение и такие смешанные узуальные способы словообразования, как префиксация + суффиксация, суффиксация + постфиксация, префиксация + суффиксация + постфиксация; реже – безаффиксный (*зуд – зудеть*).

Из окказиональных способов словообразования представляет интерес **контаминация** (служит для двойного осмысления создаваемого слова, характеризует называемое явление с точки зрения его эмоционального восприятия субъектом речи и выражает различные коннотации; это своеобразный способ выражения авторских оценок): *алозы* (алые + розы), *крэмозы* (кремовые + розы), *белоза* (белая + роза), *небылозы* (не было розы), *яблоновых* (яблоневых + новых), например: *Несу фиалки и мимозы, **Алозы, розы и крэмозы, И воскурю фимиам, И на иконах **небылозы, Рубинные роняя слезы...***** (Виденья введенья) и **субституция** (представляет собой замену компонента в морфемной структуре слова на другой компонент с целью «столкновения» образуемой единицы и образца, по которому она создана: *адьюантесса* (поэтесса), *повсеграднo, повсесерднo* (повсеместно), *крылолет* (вертолет), *неистолимая* (неистощимая), *зломозгло* (промозгло), *Куяльник* (Кукольник), *печальник* (паяльник, матюкальник), *осестрил* (обабил), например: *О, безжалостница добрая! Ты, штрихующая профили Мне чужие, но знакомые, с носом мертвен-*

*но-прямым! Целомудренную чувственность мы **зломозгло** обутопили Чем-то вечно ожидаемым и литаврово-немым...* (Никчемная).

В ряде случаев можно говорить о семантическом окказионализме (то есть слово существует как общеупотребительное, но автор использует его необычно, например: *И сел на сером клене в атласный **интервал*** – «щегольский экипаж»), в других случаях – это словообразовательные окказионализмы (необычно использованные с точки зрения современного литературного употребления аффиксы; переносный смысл формирует метафорический образ; формальное образование от одной части речи, а семантически мотивированы от другой, потому что в них, как правило, заключено сравнение: колдуйный, чаруйный; апельсинно, морефея – «кайфуя от морфия»), например: *Как обольстительное пойло – **Колдуйный** нектар морефей, – Влечет меня к себе Эст-Тойла Волнами моря ветвей* (Эст-Тойла); *Улыбка, бледно-розовея, Слетает с уст, как мотылек... Ты цепенеешь, **морефея, И взгляд твой близок и далек...*** (Не улетаи); *Пусть век прошел, как некий **Людобой** (**Любодей?**), **Век похоти и прихоти минутной...*** (Мариинский театр) – приносится новый смысловой оттенок, допускающий двоякую интерпретацию.

Со временем меняется стилистика поэзии Северянина. Многие словообразовательные «экстравагантности» исчезают из стихов. Отдельные новации теперь почти не заметны, потому что уместны: *И море в день **обезольдилось*** (Март); *И вот опять вдали Эст-Тойла С лазурью волн, с **ажурью пен*** (Опять вдали). Былые «качеляющие» ритмы сменяются чеканными и «затрудненными», а «самодавляющая» игра слов уходит в шуточные строки: *Когда бывало к нам на Суду... съезжался суд, В пустую не смотрел посуду... И, **удаясь до отвала, С почтеньем смотрят на посуду...***; служит созданию издевательской иронии: *Вы посмотрите-ка, вы посмотрите-ка, Какая подлая в России критика... Так в **критиническом** размахе рычала критика досель...* (Любители «Гелиотропа»).

Поэзия позднего Северянина устремляется в открытое пространство воды, земли и звезд: *Выхожу я из дома, что построен на горке, – и открыты для взора В розовеющей дымке **повечерья** и утрам в золотой бирюзе Грудь **свежащие** бодро, в хвойных линиях леса, ключевые озера, Где **леицихи** играют и пропеллером вьется стрекоза к стрекозе. Никуда не уеду я, лишь стою перед домом, созерцая навлиний Хвост заката, что солнце, удаляясь на отдых, распустило в воде. Зеленеют, синяя, зеркала, остывая, и, когда уже сини, В них звезда, окунаясь, шлет призыв молчаливый **надозерной** звезде... И тогда осторожно, точно крадучись, звезды, совершая купанье, наполняют озера, ключевые озера, и тогда Я домой возвращаюсь, преисполнен вос-*

*торга, преисполнен сознанья, Что она **звездоносна, неиссячная** эта питьевая вода!* (Купанье звезд) – здесь ритм намеренно затруднен, а новообразования (*неиссячная, звездоносна, повечерье, надозерная, свежащие*) построены по открытым словообразовательным моделям; свежесть смысла достигается необычной сочетаемостью (хвойные линии, золотая бирюза, розовеющая дымка) слов и словосложением. Ср.: *ряды березок **удочкообразных*** (Озеро Рэк).

Функции новообразований в произведениях И. Северянина различны. Они столь же разнообразны, как и модели, по которым строятся слова. Можно назвать следующие: **1)** собственно-номинативная (свойственна новообразованиям, призванным обозначить предметы, явления, состояния, действия и др., которые, по мнению И. Северянина, не имели наименований в русской языковой практике того времени), например: *предвесень, чаровый, популярить, грозово* и др.; **2)** экспрессивная (индивидуально-авторские новообразования не только раскрывают сущность процессов современного русского языка, показывают, какие события и факты являются релевантными для общества, но и служат средством экспрессивизации, выразительности текста), например, **а)** «типично русский способ концептуализации множества как нерасчлененного целого посредством собирательных форм с суффиксом –**л**», которые сами по себе обладают максимумом экспрессии⁵: *бездушье, европье, воспетье, предгневье, встречанье, влюбленье* и др.; **б)** заменительная деривация, при которой в узуальных словах заменяется та или иная морфема: *громкокипящий* (ср.: *громкозвучающий*), *зломозгло* (ср.: *промозгло*), *бракоцепь* (ср.: *брачные узы*); **в)** в качестве экспрессивного средства

нередко выступают новообразования с неспециализированными в этом отношении суффиксами, в частности с суффиксами отвлеченной при знаковой или процессуальной семантики **-ость, -ств(о)**: *непобедность, бедламство, безразумность* и др.; **3)** компрессивная (служит для замены синтаксической конструкции или сочетания слов однословным наименованием), например: *дотебных* (до тебя), *поэзокутерьма* (поэтический беспорядок, поэтическая суматоха), *ветропросвист* (сквозняк, просвист ветра) и др.; **4)** характерологическая (описание внутренних и внешних черт), например: *трудолюбный, бесчестница, уныло-нагой, трудолюбка, бездельные, увечка, бально-больной, чаруйный, кокет* и др.; **5)** интригующая и деавтоматизирующая (с помощью особых средств заинтересовать читателя; новообразование фокусирует на себе внимание, становится своеобразным центром содержания, усиливая его действенность и преодолевая автоматизм восприятия), например, непонятные заголовки: *Эгополонез, Миньонет, Предгневье, Самогимн* и др.

При всем многообразии оценок языка и стиля И. Северянина несомненно одно – этот основатель «вселенского» футуризма в России, эгофутуризма, внес достойный вклад в развитие неолексикона поэтической речи, обогатив его новыми лексическими единицами. Индивидуально-авторские новообразования И. Северянина отражают, с одной стороны, активные словообразовательные процессы в языке русской литературы XIX–XX веков и выявляют широкие возможности русской словообразовательной системы, с другой стороны, позволяют выделить характерные особенности его идиостиля.

⁵ Радбиль, Т. Б. Национально-обусловленные модели языковой концептуализации мира в русском языке последних лет // Т. Б. Радбиль // Новые тенденции в русском языке начала XXI века. – М.: Флинта, 2015. – С. 15.

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОВЛИЯНИИ МОЛОДЕЖНОГО ЖАРГОНА В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Интерес к исследованию такого лингвистического явления как жаргон, возник так же рано, как и сам термин. Одна из причин этого – частота употребления лексики данной категории в практике речевого поведения.

Жаргон существует практически во всех языках мира и включает в себя как множество различных вариаций и искажений нейтрально-стилевой лексики, так и собственно жаргонный лексический запас.

Впервые жаргон как явление был описан и классифицирован по историческим меркам не так уж давно – в начале XIX века. Попытка описать и классифицировать жаргонную лексику на практическом материале была представлена в знаменитом словаре С. Микуцкого (1832 г.).

В дальнейшем исследование жаргона было продолжено такими видными отечественными лингвистами, как Б. А. Ларин и В. В. Виноградов. Рассмотрение этой стороны языковой жизни общества было начато ими с изучения просторечия и продолжено в ходе исследования различных жаргонов. Позднее к анализу разнообразных жаргонов и просторечий, а также их непосредственного влияния на русский литературный язык обращались В. Г. Костомаров, Л. И. Скворцов и др. Описанием профессиональных разновидностей жаргонов занимался известный отечественный лингвист В. А. Хомяков. Изучением данного явления занимались и зарубежные лингвисты, такие, как О. Еспесен, Э. Партридж и многие другие. Так, Э. Партридж в своих работах уделял особое внимание древности происхождения английского жаргона.

Множество жаргонизмов описано в знаменитом словаре В. И. Даля. Нужно отметить, что в своем труде В. И. Даль не только описывает жаргонную лексику, но и проводит ее анализ, в частности, выделяет два основных типа современных ему жаргонизмов:

1. Профессиональная группа, к которой относится «язык офеней» (бродячих торговцев-коробейников);
2. «Байковый язык» (язык городских воришек).

С развитием и пополнением речевого пласта жаргонной лексики многие исследователи языка стали проявлять интерес к данной теме. Периодом особого интереса к изучению жаргона как явления стал послереволюционный период в СССР (1920-е годы). В это время в речь молодежи активно входят слова из сленга так называемых «беспризорников», в огромном количестве порожденных революцией и гражданской войной. Так, Г. Виноградова в своей статье «Детский блатной язык (Argot)» (1926 г.) ярко описывает примеры жаргонов того времени.

К сожалению, с течением времени эта тема была обозначена советским правительством как «недостойная внимания». Для исследований жаргонизмов требовались обтекаемые формулировки – например, забота о чистоте языка подрастающего поколения.

Большинство словарей блатной лексики в этот период составлялось не профессиональными исследователями-лингвистами, а юристами. Эти словари предназначались для работников спецслужб и сопровождалась грифом «Не подлежит разглашению».

Второй период особого интереса к исследованию жаргонизмов, преимущественно молодежных, приходится на «времена стилияг» – 50-е годы прошлого века. Это связано опять-таки с активным распространением специфических сленговых речевых элементов в среде советской молодежи, с чем призывалось «активно бороться».

Третья вспышка интереса происходит в период застоя – время, когда в СССР 1970–1980-х гг. появляются новые молодежные течения и субкультуры, отличавшиеся не только стилем одежды, но и использовавшие свой особый язык, как знак протеста против «заплесневевшей тоталитарной системы»¹.

Перестройка кардинально изменила существующее положение дел. В стране начался настоящий бум исследования жаргонной лексики. Не только в научных, но и в популярно-массовых средствах массовой информации появляется множество статей, затрагивающих рассматриваемую тему. В 1990-е годы в России

появлялось ежегодно до нескольких десятков тысяч работ, посвященных исследованию жаргона, в том числе и молодежного. Впервые неформальная молодежная речь начинает изучаться как характеристика современной языковой культуры, пример тому – книга В. С. Елистратова «Русское арго в языке, обществе и культуре», вышедшая в 1995 году². На телевидении ведутся бурные дискуссии на эту тему, участниками которых наряду с именитыми лингвистами становятся сами подростки – носители изучаемого пласта лексики.

Впоследствии, ближе к рубежу веков, ажиотаж вокруг темы молодежного жаргона немного спал, но и сегодня интерес к этой области языка не исчез. Для того, чтобы убедиться в этом достаточно ввести в любой из поисковых интернет-программ словосочетание «молодежный жаргон». Как количество, так и качество найденных ссылок способно поразить: интернет-словари, научные статьи, диссертации и прочее.

Прежде, чем обращаться к сравнительному исследованию русского и английского молодежного жаргона, необходимо рассмотреть основные характеристики данного явления.

«Краткий справочник по современному русскому языку» дает следующее определение исследуемому термину:

«Жаргон – социальная разновидность речи, употребляющейся людьми, объединенными общностью интересов, привычек, занятий, общественного положения»³.

В «Советском энциклопедическом словаре» это понятие определяется так:

«Жаргон – социальная разновидность речи, отличающаяся от общенародного языка специфической лексикой и фразеологией»⁴.

Обе этих языковых дефиниции по своей сути являются верными и дополняют друг друга. Действительно, жаргон по своей природе – сугубо социальное языковое явление, и, следовательно, он может употребляться только определенной социальной общностью (профессиональной, половозрастной и так далее). При этом жаргон отличается от других лексических пластов языка специфическими бытующими в нем единицами (жаргонизмами). Нужно также отметить, что могут существовать не только лексические отличия жаргона от нормативно-литературного языка, но и морфологические, синтаксические и т. д. Жар-

гону может быть присущ свой фонетический рисунок, как правило, пришедший из того или иного диалекта.

Смежное с жаргоном понятие – арго; при этом очень часто оба этих понятия смешиваются, особенно в бытовом, повседневном употреблении, что никак не может быть допустимо.

В «Советском энциклопедическом словаре» слово «арго» определяется следующим образом:

«Арго – диалект определенной социальной группы (первоначально воровской язык), создаваемый с целью языкового обособления. Характеризуется специфической (узкопрофильной) или своеобразно освоенной общеупотребительной лексикой»⁵.

В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой арго определено как «язык отдельных социальных групп, сообществ, искусственно создаваемый с целью языкового обособления (иногда «потайной» язык), отличающийся главным образом наличием слов, непонятных людям, непосвященным»⁶. Исследователь русской речевой практики Д. А. Кузнец считает арго не средством повышения выразительности, а прежде всего средством зашифровки речи.

«Жаргон» и «арго» – действительно довольно близкие и схожие понятия. Для их четкого разграничения помимо упомянутой «шифровки», необходимо обратить внимание и на социальную среду, в которой бытует арго. Как мы видим, изначально арго представлял собой воровской язык. Если при этом криминализированную, преступную среду рассматривать как профессиональную группу, то возможно считать «арго» одной из разновидностей жаргона. Так мы и поступим; здесь и далее под арго нами будет пониматься исключительно воровской жаргон.

Еще одним близким к жаргону понятием является сленг. В российском языкознании чаще всего приводится определение В. А. Хомякова:

«Сленг – это относительно устойчивый для определенного периода, широко употребительный, стилистически маркированный (сниженный) лексический пласт, компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, весьма неоднородный по своим истокам, степени приближения к литературному стандарту»⁷.

Сленг – это популярная просторечная лек-

¹ Береговская, Э. М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. – М., 1996. – № 3. – С. 33.

² Елистратов, В. С. Русское арго в языке, обществе и культуре / В. Елистратов. – М., 1995. – 200 с.

³ Краткий справочник по современному русскому языку / Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, П. А. Лекант. – М., 2016. – С. 43.

⁴ Советский энциклопедический словарь. – М., 1984. – С. 762.

⁵ Там же. – С. 121.

⁶ Розенталь, Д. Э., Теленкова, М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1985. – С. 98.

⁷ Хомяков, В. А. Введение в изучение сленга – основного компонента английского просторечия / В. А. Хомяков. – Вологда, 1971. – С. 102.

сика, не соответствующая требованиям языка и часто в той или иной степени фамильярная. Эмоциональная окраска подобных слов и словосочетаний может варьироваться от шуточной и дружелюбной до пренебрежительной и циничной. Сленг преимущественно употребляется в ситуации непринужденного общения. Примеры сленгизмов: доставать – надоедать, врубиться – понять, отпад – превосходно. Часто сленговая лексика пополняется путем обращения к другим языкам. Например, в слове «агриться» (злиться) отдаленно прослеживается заимствование из английской речи.

Таким образом, понятия сленг и жаргон очень близки. Для их разграничения нужно помнить, что для жаргона характерна более жесткая социальная-групповая направленность. Часть жаргонной лексики имеет отношение к особой терминологии, доступной для понимания лишь некоторых людей. Отличие жаргона от сленга состоит в том, что жаргонизмы появляются в конкретной группе, часто в связи с какими-то нововведениями, разработками. Сленг же, помимо собственного словообразования, нередко черпает свой материал из жаргона разных групп общества, отбирая наиболее употребительное и популярное. На основании этого сленг иногда называют общим жаргоном.

Сейчас жаргон используется в средствах массовой информации, на радио и телевидении. Жаргонизмы употреблялись всегда, но никогда не имели столь широкого распространения. Это часть культуры не только нашего общества, но и всей страны в целом. Также жаргон употребляют авторы в своих художественных произведениях, лишь для того чтобы показать и отразить атмосферу или деяния. Например, некоторые авторы употребляют жаргон в детективной литературе, в историческом романе.

Жаргон стал особенно популярен среди молодежи в начале XXI века, с появлением интернета. Молодые люди в социальных сетях или блогосфере активно употребляют обценную лексику, жаргонизмы, сленг и другие категории просторечия. В этом прослеживаются определенные тенденции, схожие с причинами появления арго – зашифровать свое послание, сделать его непонятным для «непосвященных» (в данном случае представителей других молодежных субкультур или более старших современников, не являющихся носителями данного речевого пласта).

Английский жаргон родился и рождается в недрах самого английского языка, в разных сферах и возрастных группах как стремление к краткости, выразительности, иногда как протест против приевшегося или длинного слова, как желание по-своему окрестить предмет или его свойства. В молодежных же кругах, где жаргон особенно распространен, кроме всего прочего явно выражено стремление обособиться от мира

взрослых, зашифровать свой язык, стремление к специфической для данного коллектива речевой экспрессии, к выражению особого (иронического, пренебрежительного, презрительного) отношения к жизни.

Основные особенности молодежного жаргона в структурно-морфологическом плане заключаются скорее не в наличии каких-либо особых признаков, а в специфическом использовании общеязыковых словообразовательных возможностей. Вероятнее всего, в жаргоне современных молодых англичан и американцев может потенциально использоваться любая литературная словообразовательная модель. Это объединяет лексику молодежного жаргона с другими формами городской разговорной речи и включает ее в общеязыковые тенденции.

Английские жаргонизмы образуются по четырем типам⁴:

- Аббревиатуры. Например, в студенческом жаргоне: trig (trigonometry), ec (economics), prof (professor), prezy (president).

- Общеобиходные слова и словосочетания, употребляемые в специальном значении. Например, в военном жаргоне: picture-show (=battle, action), sewing-machine (machine-gun), egg «лечтик-новичок», dug-out «призванный на службу отставной солдат»; в школьном и студенческом жаргоне: fag («трудная работа») – «школьник, служащий на побегушках у старшеклассника», to cut a lecture «себжать с лекции», to swot «зубрить».

- Сложные слова или устойчивые выражения, имеющие фигуральное значение. К ним относятся военные жаргонизмы: jaw-breakers (=sea-biscuits), put in a bag (=killed), deep sea turkey (=cod-fish).

- Специальные термины, употребляемые в фигуральном общем значении. Например, big gun «важная персона», cracks «прогаммы-взломщики», freaking «подключение к телефонным линиям».

Для английского молодежного жаргона в целом характерно стремление к аббревиации, стяжению. Рассмотрим несколько наглядных примеров:

- going to (собираться) превращается в gonna;
- want (хотеть) – wanna;
- I'm (я есть) – am;
- yes (да) – уер (американский вариант);
- don't know (не знаю) – dunno;
- because (потому что) – cause (также служит самостоятельным словом, которое на русский переводится как «причина»);
- betcha – спорить;
- dammit (сокращенно от damn it) – черт побери;
- dreamboat – красивый человек;
- gimme (американский вариант от give me) – «дай мне».

На каждом шагу в интернет-общении употребляются различные сокращения в написании сленговых выражений. Разберем несколько акронимов разговорной речи:

- U (you) – ты, вы.
- Сочетание букв BRB (be right back – скоро вернусь) используется в тех случаях, если вы вынуждены куда-либо отлучиться и в это время не сможете отвечать.

- G2G (got to go – нужно идти) неплохой способ закончить разговор, прежде чем покинуть чат.

- Вместо того, чтобы писать довольно длинное (in my opinion), можно коротко черкнуть IMO и продолжить писать свое мнение.

В российском молодежном жаргоне присутствует множество английских слов. Многие подобные элементы являются кальками или прямыми заимствованиями из английского языка, а также других языков. Можно привести следующие примеры из современного молодежного жаргона:

- Апдейт (англ. update) – процесс обновления программных продуктов.

- Апгрейд (англ. up – повышение, grade – качество) – увеличение производительности системы, путем замены модулей или добавления дополнительных элементов. Данный термин обычно используется для обозначения перекомпиляции устаревших моделей персональных компьютеров, или полной замены системных блоков.

- Апгрейдить (англ. upgrade) – обновить что-либо.

- Геймер (англ. gamer) – игрок, человек, постоянно играющий в компьютерные игры.

- Емеля, мыло – электронная почта (от русского прочтения английского слова e-mail).

- Конфа:
 1. конференция, форум;
 2. конфигурационный файл программы, в котором записаны настройки этой самой программы. Образовалось из-за того, что первоначально многие конфигурационные файлы имели расширение cfg (англ. config).

- Лаг (англ. lag) – задержка в передаче данных по сети.

- ЛОЛ (англ. lol – «Laugh[ing] out loud») – громко хохотать.

- Лайк (англ. like) – положительная оценка.

- Ник (англ. nickname, nick) – псевдоним, прозвище.

- Пост (англ. post) – новость, опубликованная на интернет-ресурсе. Соответственно, «постить» значит «добавлять новости», а «постер» (или «топикстартер», «ТС») – это пользователь, который добавляет эти новости.

При этом в процессе заимствования иностранные слова зачастую приобретают слово- и формообразующие морфемы русского языка,

приобретая при этом признаки той или иной части речи. К примеру, молодежь использует иностранные слова, не меняя их смысловую и морфологическую форму, заимствованные слова так же употребляются в русском жаргоне приблизительно в том же самом смысле. Например, «мэн» (от англ. «men») – мужчина.

Достаточно часто можно услышать русские жаргонизмы, в основе которых лежит иностранное слово с добавлением русского суффикса. Например, «литловый» (от англ. «little») – означает маленький, небольшой.

Английские глаголы в русском языке приобретают русские глагольные суффиксы: -а(ть), -ну(ть):

- аскать (от англ. «ask» – спросить),
- камать (от англ. «come» – приходит),
- дринкать (от англ. «drink» – пить),
- эскейпнуть (от англ. «escape» – сбежать, убежать),
- рингануть (от англ. «ring» – звонить) и др.

Зачастую данные глагольные суффиксы не меняют исходного значения глагола, они используются для удобного употребления заимствованных глаголов в разговорной речи.

Английские существительные в русском языке приобретают русские суффиксы имен существительных и прилагательных: -ов(ый), -ат(ый). Например, такие слова, как крейзовый (от прилагательного crazy – сумасшедший), образованы при помощи суффикса -ов(ый). При образовании таких слов, как хайрастый (от существительного hair – волосы), крейзанутый (от прилагательного crazy – сумасшедший), используются суффиксы -аст(ый), -нут(ый).

Таким образом, мы видим, что русский молодежный жаргон характеризуется проникновением иноязычной, в частности, английской лексики, а также определенных морфологических элементов. Это может быть обусловлено большим распространением английского языка в качестве языка международного общения, а также тем, что английская лексика в большинстве своем непонятна старшему поколению (обязательное изучение английского языка в российских общеобразовательных школах началось относительно недавно). Англоязычные заимствования как символ противопоставления себя (как условных представителей западного мира) советской действительности употребляла еще молодежь 1970-х гг. («герла» – от англ. «girl», девушка; «флэт» – от англ. «flat», квартира и т. д.).

Кроме того, огромным по важности фактором, оказавшим влияние на развитие молодежного жаргона, явилось широкое распространение сети Интернет, в частности, социальных сетей, форумов (свободных интернет-площадок для обмена мнениями) и блогов. Именно интернет-жаргон наиболее пронизан англоязычными заимствованиями. Это связано как с пресловутой

международностью, глобальностью Всемирной сети; так и с тем, что сам интернет как явление связан преимущественно с разработками англоязычных стран. Большинство компьютерных терминов пришло в русский язык из английского – это утверждение сегодня никто не будет оспаривать.

Испытывает ли жаргон англоязычной молодежи влияние русских жаргонных и сленговых элементов – покажет время. Как нам кажется, подобное влияние обязательно должно осуществляться, хотя и в значительно меньших размерах. Эта тема все еще ждет своего вдумчивого исследователя.

ВАСИЛИЙ НАРЕЖНЫЙ И ДАВИД ТЕНЬЕР: К ВОПРОСУ О ТОМ, КАК ИЗОБРАЖАТЬ «НИЗКУЮ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ»

Давид Тенирс Младший¹, выдающийся фламандский художник XVII века, был хорошо известен не только в местных кругах ценителей живописи, но и в России. Ему приписывают более 2000 работ, которые сегодня хранятся в Дрезденской галерее, Эрмитаже и других музеях. Влияние теньеризма на творчество русских писателей XVIII века несомненно. Теньер был известен в России как мастер жанровых сцен из деревенской жизни, содержащих бытовые подробности, аллегоричные портреты и пейзажи. Так, в картине «Сельский праздник в кабачке «Полумесяц» (1641) изображено сельское веселье с участием музыкального ансамбля и веселыми танцами поселян.

В XIX веке в рецензиях П. А. Вяземского² и В. Г. Белинского³ имя фламандского художника XVII века Давида Тенирса Младшего³ стало своеобразным ключом к осмыслению творчества В. Т. Нарезного, Н. В. Гоголя и ряда других писателей, оценки их «теньеровского таланта».

В работах современных исследователей XX и XXI веков, например, Т. Д. Кузовкиной, также устанавливается идейно-эстетическая общность произведений Н. В. Гоголя, Ф. В. Булгарина, В. Т. Нарезного с фламандской школой живописи⁴. Важное методологическое значение имеют наблюдения искусствоведа Р. Я. Штеренгарца. Он анализирует влияние традиций голландской живописи в части создания «живого портрета»⁵ в произведениях русских писателей XVIII–XIX веков.

Нас интересует проявление теньеризма в произведениях таких прозаиков конца XVIII – начала XIX веков, как А. Е. Измайлов, В. Т. Нарезный и другие. Первое свидетельство близости указанных нами русских писателей с Теньером

появилось уже на страницах романа А. Е. Измайлова «Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и общества»⁶. Любопытно, что автор в тексте положительно отзываясь о Василии Нарезном, создавшим яркие сатирические портреты представителей «нового дворянства».

В эпизоде посещения героем романа Евгением библиотеки, оставшейся после смерти помещика Небезина, перечисляются книги, составляющие круг его домашнего чтения. Рядом со сказками и переводами готических романов здесь соседствует анонимная и авторская проза русских писателей: «1) Азбучные игрушки..., 2) старинные русские сказки о Бове Королевиче, 3) романы славнейшей английской писательницы госпожи Радклиф, 4) романы российских писателей, как-то: «Непостоянная фортуна, или Похождения Мирамонда», «Бессчастный Флоридор», «Несчастный Никанор, или Приключение жизни российского дворянина Н*****», «Эмилия, или Следствия безрассудной любви», «Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и общества» (сочинение **Российского Теньера первого**) (выделено нами – Л. Р.), «Похождения Совестьдвала», «Российская Памела», «Русский Жилблаз» (сочинение **Российского Теньера второго**) (выделено нами – Л. Р.) и прочие...»⁷.

В этом списке выделены два произведения, авторы которых не уступают Теньеру в мастерстве создания бытовых сцен сельской жизни. Сам А. Е. Измайлов себя называет «российским Теньером первым», а молодого писателя В. Т. Нарезного – «российским Теньером вторым». На протяжении первой половины XIX века сравнение с Теньером довольно часто будет использоваться при анализе произведений Ф. В. Булгарина, Н. В. Гоголя и других.

¹ Имеется в виду Давид Тенирс Младший (нидерл. David Teniers (1610–1690) – один из наиболее значимых художников и гравёров фламандской школы наряду со своими соотечественниками Рубенсом и Ван Дейком.

² Вяземский, П. А. Разбор комедии Гоголя «Ревизор» / П. А. Вяземский // Современник, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. – СПб., 1836.

³ Белинский, В. Г. Русская литература в 1841 г. / В. Г. Белинский // Отечественные записки. – СПб., 1842. – Т. XX.

⁴ Кузовкина, Т. Д. Гоголь и Булгарин («диалог» в историко-литературном контексте) / Т. Д. Кузовкина // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение III. – Тарту, 1992. – С. 650–659.

⁵ Штеренгарц, Р. Я. Тайна обаяния Н. В. Гоголя в литературе, театре и изобразительном искусстве / Р. Я. Штеренгарц. – М.: Прогресс, 2008.

⁶ Измайлов, А. Е. Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и общества : в 2 ч. / А. Е. Измайлов. – СПб., 1799–1801.

⁷ Сочинения Измайлова А. Е. : в 2 т. – СПб., 1849. – Т. 2. – С. 612–614.

Сатирический нравоописательный роман XVIII века был унаследован писателями XIX века от предшественников. Василию Трофимовичу Нарезному одинаково легко удавалось вводить в текст не только элементы натуралистического нравоописания, но и активно решать задачи эмпирического бытописания и сатирического освещения нравов русского общества того времени. Это и позволило современникам называть его «русским Теньером».

В литературе начала XIX века формируется представление о том, что развитие прозы отличается от законов создания поэзии, ощущается нарастание критических тенденций. В «Обзрении русской словесности 1830 года» критик М. А. Максимович, подводя некоторые итоги развития русской литературы, заметил: «Сим годом словесность наша, доканчивая третье десятилетие XIX века, сделала новое движение, состоявшее в заметном ее сближении с жизнью. Она уже перестала быть предметом и занятий, и наслаждений, отдельных от действительной нашей жизни... В сем году внятнее заговорили о литературе как о выражении общества»⁸. Среди писателей, отмеченных сатирическим талантом и создающих правдивые картины действительности, был назван и В. Т. Нарезный.

Оценка художественного совершенства произведения может меняться с течением времени. То, что в начале века было ново в прозе В. Т. Нарезного, в 30-е годы стало уже нормой для всех. Общим местом критических разборов этого времени стало сравнение В. Т. Нарезного и Ф. В. Булгарина как романистов: «Российского Жилблаза»⁹ и «Ивана Выжигина»¹⁰. Мнение о романах Ф. В. Булгарина складывалось из диаметрально противоположных оценок. В 1829 году сразу после выхода в свет «Ивана Выжигина» делались попытки принизить значение романов В. Т. Нарезного. С этого времени в критике и литературоведческой науке споры о приоритете в создании русского романа не утихали.

Признание превосходства Булгарина некоторое время было принято в его литературном окружении. Например, есть свидетельство Н. И. Греча: «Обстоятельства долгое время препятствовали изданию в свет «Российского Жилблаза» и публика, слыша о том, что **эта книга не может быть напечатана**, вообразила, что в ней заключается не весть что. Обнародование некоторых повестей Нарезного (все выделено Н. И. Гречем. – Л. Р.) ее разочаровало. Справедливость побуждает меня сказать, что первый русский роман написал и издал у нас Фадей Булгарин»¹¹.

Необходимо критически относиться к хвалебным высказываниям в адрес Ф. В. Булгарина. Уже в момент публикации роман «Иван Выжигин» превратился в объект пародий и насмешек. Так, например, А. А. Орлов в таких произведениях, как «Смерть Ивана Выжигина», «Родословная Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина» и ряде других¹² настойчиво развенчивал жизненную карьеру Ивана и Петра Выжигиных как авантюристов, способных ради осуществления карьеры на аморальные поступки. Сама фамилия «Выжигин» стала в его произведениях нарицательной¹³.

Продолжение дискуссии об успехе первых русских романов находим в работах Н. А. Добролюбова, отмечавшего, что «в романах этого (Ф. В. Булгарина. – Л. Р.) писателя заметна наблюдательность, умение составить несколько недурных очерков, но в целом они далеко не удовлетворяют современным требованиям вкуса и критики»¹⁴.

Они, действительно, могут играть полезную роль источника знаний о времени и нравах, но остаются на уровне произведений подражательных, копирующих известные образцы или ограниченных вкусом определенной части общества. Известно, что роман Ф. В. Булгарина был с самого начала задуман как подражание юношескому произведению Измайлова о Евгении Не-

годяеве и первому роману Нарезного о похождении Гаврилы Симоновича Чистякова.

Виссарион Григорьевич Белинский подвел итог спорам о начале русского романа, справедливо заметив, что «Иван Выжигин» «особенно понравился низшим слоям читающей публики, которая, поверив на слово сочинителю, не затруднилась увидеть в его безличных изображениях верную картину современной русской действительности... Добряки не заметили, что все это – старые погудки на новый лад... Публике показалось новостью – роман с русскими именами. Она забыла, что какой-то А. Измайлов, в этом отношении, предупредил г. Ф. Булгарина целыми тридцатью годами...

Публика того времени, по свойственной ей забывчивости, не догадалась также, что г. Булгарин предупрежден был, как романист, писателем новым и даровитым, и что в 1824 г. вышел «Бурсак», а в 1825 – «Два Ивана» Нарезного. Эти два замечательные произведения были первыми русскими романами. Они явились в такое время, когда еще публика не была в состоянии оценить их, и лучшие юмористические очерки характеров и сцен простонародного быта назвала **сальностями** (выделено Белинским. – Л. Р.), а немножко таланта увидела в романтической развязке «Бурсака». Все это было с руки г. Булгарина и помогло ему прослыть первым романистом на Руси»¹⁵.

Белинский подчеркивает, что в первом двадцатилетии XIX века четко прослеживается преемственность с романом XVIII века, прежде всего, на уровне жизненного материала. Особую роль здесь сыграли романы В. Т. Нарезного, уловившего запросы времени, потребность в «русском Жилблазе», открывшего для русской литературы этот тип. Узнаваемость характера подтверждается как появлением литературных «копий», так и пародий.

В музее Эрмитаж выставлена картина Теньера «Пейзаж с пастухами и стадом» (1640), которая в старых каталогах называлась «Заключенный торг». Что мы видим? Типичная картина жизни поселян: на заднем плане перед кабачком мы становимся участниками сцены заключения сделки по продаже скота. В группе крестьян выделены двое, ударяющих по рукам в знак завершения торговой сделки. Крупным планом показано стадо – овцы, коровы, козы, свиньи. Подобное изображение Малороссии Нарезным «в слишком голой наготе» поразило героев романа «Иван Выжигин» – корректора Пахома Силича Правдивина и Феклы Кузьминишны, увидевших

«точность в портретах!» и «кипящую жизнь в действиях!»¹⁶.

В романе Нарезного «Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» немало любовных сцен. Многие из них, несомненно, навеяны картинами Теньера. Так, на полотне художника «Дуэт» (1640), выставленной в зале фламандских художников в Эрмитаже, мы видим любовный дуэт молодой крестьянки, исполняющей песню, и юноши, играющего на дудке. Издавна пение и музицирование считалось любовными символами. Любовь крестьянки Аннушки и Андрея у Нарезного искренняя. Но финал ее драматичен.

Писателя уже не удовлетворяет условное изображение действительности, свойственное просветительской литературе. Совершенно справедливо Нарезный был оценен Белинским как автор «романов, запечатленных талантом, оригинальностью, комизмом, верностью действительности...»¹⁷.

Действительность еще острее врывается в роман В. Т. Нарезного «Два Ивана, или Страсть к тяжбам». Суляжничество составляет отличительную особенность как малороссийских, так и русских нравов. Из факта бытового и мало-значительного автор делает художественное обобщение, стремясь изобразить типичную национальную особенность нравов. В романе это конкретизировано в одной из сцен первой части романа: «Когда прочтены были в канцелярии жалобы наша и ненавистного Харитона, то сотник, подумав несколько, сказал: «Погляжу, посмотрю, подумаю!» Я знал, что это значит, ибо и в мое время клали подобные решения, то сообщил моему другу, Ивану старшему, и мы на другой день рано поутру – прямо к дьяку. Он принял нас ласково, а еще ласковее наши приносы: рубль деньгами, кадушку меду и бочонок пеннику. «Я постараюсь, чтобы ваша взяла», сказал он весело...» (322). И все-таки решение суда оказалось не в пользу Иванов, так как Харитон «вновь сунул дьяку кое-что». Очевидна аналогия с «Мертвыми душами» Н. В. Гоголя, в частности, с описанием деятельности Чичикова в канцелярии.

Нарезному, как и Теньеру, удавалось достичь художественного совершенства в изображении деревенских гуляний. Фламандец в 1464 г. создал картину «Деревенский праздник». Действие происходит во время праздника в честь святого Георгия, изображенного на красном знамени, древко которого вставлено в окно трактира. Дата на знамени, может быть, указывает на то, что художник был свидетелем

⁸ Максимович, М. А. Обзрение русской словесности 1830 года – Денница на 1831 год / М. А. Максимович. – М., 1831. – С. 1. ; Об альманахах начала XIX в. см.: Батурина, Т. К. Страницы русских альманахов (Духовные искания литераторов пушкинского круга) / Т. К. Батурина. – М., 2010. – 148 с.

⁹ Нарезный, В. Т. Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова / В. Т. Нарезный. – СПб., 1813–1814 гг.

¹⁰ Булгарин, Ф. В. «Иван Выжигин» / Ф. В. Булгарин. – СПб., 1829. – Ч. I–IV.

¹¹ Греч, Н. И. Чтения о русском языке : в 2 ч. / Н. И. Греч. – СПб., 1840. – Ч. I. – С. 333.

¹² Писатель повторил судьбу В. Т. Нарезного. В 1830-м году он напечатал большое число произведений, ориентированных на традиции бытовой прозы XVIII века, снабжая их типичными подзаголовками: «нравственно-сатирический роман», «нравственно-повествовательный роман», «критический роман», «нравоучительный роман» и т. п. Противники Булгарина использовали имя Орлова в снижено-полюемических целях, пренебрежительно отзываясь о нем, что создало неверную оценку его деятельности. Бесхитростное изображение жизни «нижних сословий», картины социальной несправедливости привлекли к нему внимание цензуры. В 1834–1835 годы был наложен запрет на все публикации, что было катастрофой для человека, живущего на доходы от литературной деятельности.

¹³ А. А. Орлов «Родословная Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина» (1831), «Смерть Ивана Выжигина» (1831), «Крестный отец Петра Выжигина» (1831), «Бегство Петра Ивановича Выжигина в Польшу» (1832) и др.

¹⁴ Добролюбов, Н. А. Собр. соч. : в 9 т. / Н. А. Добролюбов. – М.–Л., 1961–1964. – Т. 1. – С. 96–97.

¹⁵ Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. / В. Г. Белинский. – М., 1953–1954. – Т. VIII. – С. 53.

¹⁶ Цит. по: Надеждин, Н. И. Литературная критика. Эстетика / Н. И. Надеждин. – М., 1972. – С. 95.

¹⁷ Белинский, В. Г. Русская литература в 1841 г. / В. Г. Белинский // Отечественные записки. – СПб., 1842. – Т. XX.

этого веселого праздника. В главе «Ярмарка» в «Двух Иванах» Нарезного дана не менее яркая картина настроения селян: «На другой день ярмарка открылась. Далеко от места ее расположения слышны были звуки гудков, вольнок и цимбалов; присоединя к сему ржание коней, мычание быков, блеяние овец и лай собак, можно иметь понятие о том веселии какое ожидало там всякого...» (310).

Вяземский замечает, что Нарезный «не берется быть живописцем природы изящной, а сбивается более на краски Теньера, Гогарта, или Пиго. Картины его имеют обыкновенно черты карикатурные, но не менее того обнаруживаются везде ум оригинальный, веселый, смешливый в наблюдениях, а кое-где и прорываются искры истинной чувствительности»¹⁸.

Здесь мы опять находим яркие портреты во вкусе Теньера, происходит гармоническое соединение реального и идеального, прозы с поэзией, которая тем же звуком струны отдается в сердце читателя, когда он закрывает книгу. Автор нашел красоту в этой провинции, сумел разглядеть ее среди запахов солений и варений, жужжания мух – для этого понадобилась великая сила веры писателя в человека. Стремясь изобразить «частную истину», писатель не всегда мог до-

стичь сопряженности универсальному смыслу. Но для автора, чье художественное мышление формировалось под воздействием сатирической литературы XVIII века, ориентированной на выявление порока, изображение вещно-материального мира явилось шагом вперед в художественном познании мира.

Русский максимализм и порыв охватить всю жизнь и всего человека слышатся в исканиях и потерях героев от «Российского Жилблаза» до «Двух Иванов». Проза В. Т. Нарезного неожиданна в своих откровениях, в поэтическом прозрении существа действительности и ее парадоксов. Теньеризм романов Нарезного позволяет нам видеть в нем предтечу Гоголя. Определение «комедия жизни» может быть применимо к романам Нарезного. Не забавный смех, а комическое проявление самой жизни, ее грустной оборотной стороны. Что мы видим в его повестях и романах? Это смешные комичные ситуации, глупые поступки героев, и в то же время пронзительность чувств, стремление найти себя в жизни, способность сострадать, жалеть и любить окружающих. Собственно это и называется жизнью. Развитие русской прозы первых десятилетий XIX века подготовило утверждение реализма.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ

Вера в уникальность и значимость человека, в его интеллектуальный и моральный потенциал особенно актуальна в современном обществе, в деле воспитания нравственных возможностей личности, управления «человеческими качествами»¹. Каждый из нас должен думать не только о благополучии мира вообще, но стремиться, прежде всего, изменить самого себя, постигнуть искусство становиться лучше. Наше общество переживает период нестабильности, наблюдаются кризисные явления, большинство социокультурных проблем связано с падением уровня духовности, ориентацией на рост материальных потребностей.

Современный период в российской истории и образовании – время смены ценностных ориентиров. В период смены ценностных ориентиров нарушается духовное единство общества, размываются жизненные ориентиры молодежи, происходит девальвация ценностей старшего поколения, а также деформация традиционных для страны моральных норм и нравственных установок.

В концепции духовно-нравственного воспитания формулируются цели и задачи воспитания и социализации обучающихся, раскрывается система базовых национальных ценностей. В основе организации учебно-воспитательного процесса лежит национальный воспитательный идеал, понимаемый как высшая цель образования, высоконравственное (идеальное) представление о человеке. В определении современного национального воспитательного идеала необходимо опираться на отечественные традиции и сохранять преемственность по отношению к нравственным идеалам предшествующих эпох.

В сфере личностного развития школьников духовно-нравственное воспитание должно обеспечить: их готовность и способность к духовному развитию, формирование морали – осознанной обучающимся необходимости определенного поведения, основанного на принятых в обществе представлениях о добре и зле, должном и недопустимом; принятие ими базовых общенациональных ценностей, национальных духовных традиций.

«Культура», «религия», «духовность», «нравственность» являются базовыми понятиями для определения духовно-нравственного воспитания. Понятием «культура» (в переводе с латинского – возделывание, воспитание, развитие) обозначается среда обитания человека. Традиционно культура делится на материальную и духовную. Если культура материальная включает в себя бытовую и производственную сферы, то духовная представлена идеологией, искусством и религией, формирующими систему духовных ценностей, социальных норм и отношений человека к Богу, миру, людям.

Понятиями «духовность» и «нравственность» традиционно обозначалось все, что отнеслось к душе, духу, Богу, церкви, жизни по законам правды, чести, чистой совести. Под духовно-нравственным воспитанием мы понимаем процесс содействия духовно-нравственному становлению человека, формированию у него, прежде всего, таких нравственных чувств, как совесть, долг, вера, ответственность, патриотизм, а также нравственной позиции, проявляющейся в способности к различению добра и зла, проявлению самоотверженной любви, готовности к преодолению жизненных испытаний.

В Федеральном государственном стандарте процесс образования понимается не только как усвоение системы знаний, умений и навыков, составляющих инструментальную основу компетенций учащихся, но и как процесс развития личности, принятия духовных, социальных, семейных и других ценностей.

Литература – важнейший предмет эстетического цикла, изучаемый с первого по одиннадцатый классы. Ее влияние на формирование личности огромно. Чтение – источник духовного обогащения, это окошко, через которое дети видят и познают мир и самих себя. Читательская культура является одним из показателей духовного развития общества. Вот почему на уроках литературного чтения у учителя есть больше возможностей коснуться души ребенка. Безусловно, задача воспитания патриота, гражданина, человека решается школой на всех уроках и во внеурочной деятельности. Однако именно лите-

¹ Боткин, Дж. Инновационное обучение, микроэлектроника и интуиция / Дж. Боткин // Перспективы. Вопросы образования. – Париж, 1983. – № 1. – С. 40.

¹⁸ Московский телеграф. – М., 1825. – Ч. VI. – № XXII. – С. 183.

ратура как искусство слова формирует духовно-нравственные ценности человека и оказывает влияние на его отношение к людям, окружающему миру.

В настоящее время произошли серьезные изменения в сфере образования. Принятие федеральных государственных образовательных стандартов для образовательных учреждений не только повлекло за собой пересмотр давно сложившейся системы преподавания, но и позволило учителям по-новому формировать школьное образовательное пространство. Учитель русского языка и литературы должен продумывать шаги, позволяющие сформировать литературоведческие знания, необходимые для совершенствования и внесения изменений в организацию читательской деятельности школьников. Среди задач следует назвать:

- совершенствование методики преподавания литературного чтения,
- формирование практических умений и навыков, необходимых для обучения школьников литературному чтению,
- формирование читательской самостоятельности школьников,
- разработку принципов организации читательской деятельности,
- стимулирование самостоятельной деятельности по освоению дисциплины и формированию необходимых компетенций,
- обучение приемам самостоятельного поиска необходимой научной и методической информации.

Произведения древнерусских авторов, включенные в школьную программу, дороги нам своими высокими этическими принципами. В них авторы формируют представление о духовных ценностях, о нравственном облике человека, создают идеал человека Древней Руси. На протяжении семи веков с самых первых из дошедших до нас текстов слышится уважительное отношение к книге и чтению. Авторы считают своим долгом воспитывать любовь к книгам, которые учат уважать человеческое достоинство, быть правдивыми, честными, духовно свободными.

Древнерусские авторы всегда были требовательными и взыскательными к себе, много и тщательно работали над своими произведениями, отшлифовывая их содержание и форму, находили точные, ясные, простые слова для выражения в художественных произведениях глубокого содержания. Основными особенностями любого текста являются: лаконизм изложения, краткость, точность, глубокая нравственная проблематика.

Важнейшей задачей сегодня является воспитание любви к книге. После сообщения темы и целей урока учитель предлагает использовать словосочетания, которые позволят выразить собственное отношение к проблеме и героям произ-

ведения: «Я думаю, что... Я считаю, что... Мне кажется... По-моему... и др.».

Прежде, чем начать работать с текстом, учитель предлагает прочитать текст и отгадать загадки: «Она все знает – просто шок! А сама всегда молчок! Чтобы с нею подружиться, нужно чтению учиться!», «Пером сеют, глазами жнут, головой едят, памятью переваривают», «Говорит она беззвучно, а понятно и не скучно. Ты беседу чаще с ней – станешь вчетверо умней» и др.

Во вступительном слове учителя необходимо напомнить, что на прошлом уроке учащиеся закончили изучение большого раздела «Устное народное творчество» и узнали, что жанры устного народного творчества передавались из уста в уста. Следующий период развития литературы – древнерусская литература. В это время на Руси начинают создавать рукописные книги, затем появляется первая печатная книга.

В своем слове учитель или подготовленный ученик рассказывает о том, что первая печатная книга была издана в Китае в первой половине XI века. В Европе книгопечатание относят к 40-м годам XV века, когда Иоганн Гуттенберг издал «Библию», а первые славянские печатные книги вышли в 1491 году. Первая датированная книга в Москве – «Апостол» – напечатана в 1564 году Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем.

Школьникам можно сообщить, что до печатной книги были книги рукописные. Рукописная книга – это рукопись в виде отдельных тетрадок, сшитых вместе и переплетенных. Тетрадь пришивалась к ремням, которые прикреплялись к деревянным доскам-переплетам. Доски снаружи обтягивались кожей или какой-нибудь тканью. Корешок переплета в Древней Руси делался плоским или округлым. К переплетам прикреплялись кожаные завязки или застёжки.

В «Похвале учению книжному» неизвестный автор повествует о процессе формирования русской книжности. Здесь важно подчеркнуть патриотическое настроение, обратить внимание на необходимость знать историю своей страны, любить книги, позволяющие лучше знать свою Родину.

В 6 классе изучается отрывок «Похвала князю Ярославу и книгам». Слова: «похвала», «учение книжное», «поучение» предлагается прочитать с разной интонацией: удивления, радости, обращения, вопроса. Учащиеся выполняют задание учителя и перечитывают текст с разной интонацией. Выбираем ту, которая ближе всем. Не менее важна работа, позволяющая объяснять новые слова и словосочетания и развивать словарный запас. Работа ведется с трудными словами, значение которых не все знают. В тексте это «наслаждаться учением», «пища неоскудевающая», «засеял книжными словами», «пожинаем ученье книжное».

С помощью Толкового словаря ученики уз-

нают, что в Древней Руси под словосочетанием «пожинаем ученье книжное» подразумевается первый свод законов, который назывался «Русская Правда». За его составление князя называли еще и Правосудом. До него подвластные русским князьям народы жили каждый по своим племенным обычаям. Теперь же, объединившись, они должны были подчиняться законам, общим для всех. В основу «Русской Правды» были положены древние обычаи, которые существовали на Руси еще с языческих времен.

Из слова учителя или сообщений учащихся о князе Ярославе Мудром становится известно о том, что с детства Ярослав тянулся к книжной премудрости. Он любил беседовать с монахами и постоянно читал священные книги. Его сын Владимир Мономах вспоминает, что «знал Ярослав, сидя дома, много иностранных языков, и была ему оттого честь от других стран». Отовсюду собирал он лучших писцов и «грамотеев» и заставлял их переписывать рукописи и переводить книги с греческого языка на язык славянский. Ярослав и сам перевел несколько книг. Он хотел, чтобы на Руси было больше грамотных русских священников, и потому стал заводить специальные школы:

«Любил Ярослав книги, читая их часто и ночью и днем. И собрал писцов многих, и переводили они с греческого на славянский язык. И списали они книг множество, ими же поучаются верные люди и наслаждаются учением божественным. Будто кто-то землю вспахал, а другой засеял, иные же теперь пожинают и едят пищу неоскудевающую: отец его **Владимир землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил**, Ярослав же засеял книжными словами сердца верных людей, а мы пожинаем, ученье принимая книжное.

Велика ведь бывает польза от учения книжного: книгами наставляемы и поучаемы на путь покаяния, ибо от слов книжных обретаем мудрость и воздержание. Это ведь реки, напоющие вселенную, это источники мудрости; в книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся; они – узда воздержанья. Велика есть мудрость. Если прилежно поищешь в книгах мудрости, то найдешь великую пользу душе своей.

Ярослав же, как мы уже сказали, любил книги и, много их написав, положил в церкви святой Софии, которую создал сам. Украсил ее золотом, серебром и сосудами церковными. И другие церкви ставил по городам и по их местам, поставляя попов и давая им от богатств свой урок, веля им учить людей. Радовался Ярослав,

видя множество церквей и людей христианских, а враг сетовал, побеждаемый новыми людьми христианскими»².

Необходимо подчеркнуть, что любовь к книгам – это деятельная любовь, которая всегда основывается на свободном желании человека. В статье Ф. М. Достоевского «Русское решение вопроса» мы находим его озабоченность опасностью формального подхода к добру, любви и милосердию. Для него главное – это искренняя сердечность: «Всякий, кто искренно захотел истины, тот уже страшно силен... Кто хочет приносить пользу, тот и с буквально связанными руками может сделать бездну добра. Истинный делатель, вступив на путь, сразу увидит перед собою столько дела, что не станет жаловаться, что ему не дают делать, а непременно отыщет и успеет хоть что-нибудь сделать. У нас одно изучение России сколько времени займет»³. и далее не менее ценно продолжение его рассуждения: «Надобно заботиться о усилении любви... Да в сущности и не надо даже раздавать непременно имения, ибо всякая *непременность* тут, в деле любви, похожа будет на мундир, на рубрику, на букву. Убеждение, что исполнил букву, ведет только к гордости, к формалистике и к лениности... Напротив, если чувствуете, что будете полезны всем как ученый, идите в университет и оставьте себе на то средства. Не раздача имения обязательна и не надевание зипуна: все это лишь буква и формальность; обязательна и важна лишь решимость ваша делать все ради деятельной любви... Будьте только искренни и простодушны»⁴.

При первичном ознакомлении с текстами «Похвала князю Ярославу и книгам» и «Поучение Владимира Мономаха» важно совместить чтение учителя и хорошо читающих подготовленных учеников. После завершения чтения необходимо проверить первичное восприятие и впечатление от текста: «С каким настроением слушали?», «О чем задумались?», «Как поняли основную идею летописца?», «Каким представляете идеал человека Древней Руси», «За что особенно ценили и почитали книгу?».

Затем следует перечитать текст еще раз для формирования и совершенствования навыка чтения. Ученики обычно читают по очереди, по ходу чтения учитель задает вопросы по содержанию текста. Предлагается еще раз перечитать фрагменты текста, чтобы выявить основную мысль.

Таким образом, для развития и подготовки к дальнейшему чтению текста была проведена

² Незабываемая старина: Древнерусские повести / сост. Т. Г. Тетенькина. – Калининград, 1996. – С. 32–34.

³ Достоевский, Ф. М. Дневник писателя / Ф. М. Достоевский. – М.: Эксмо, 2011. – С. 436.

⁴ Достоевский, Ф. М. Дневник писателя / Ф. М. Достоевский. – М.: Эксмо, 2011. – С. 436–437.

речевая разминка, которая и была направлена на тренировку эмоционального чтения. Ребята с интересом выполнили это задание, подбирали темп, необходимую громкость для более выразительного чтения.

Для совершенствования навыков чтения было использовано первичное чтение хорошо читающими учениками. Беседа после прочтения помогла выяснить, какое впечатление произвел отрывок рассказа на слушателей. Ребята активно участвовали в объяснении своих чувств.

Также перед первичным чтением была проведена словарная работа. Она помогла учащимся объяснить сложные слова, которые затрудняют восприятие текста. Один из вопросов может быть сформулирован так: «Почему у Владимира было такое прозвище, что оно означало?». Ответ очень важен для более полной характеристики героя, ведь он был сыном великого князя Всеволода Ярославича и прозван Мономахом по роду матери, которая предположительно была дочерью императора Константина IX Мономаха.

Одной из важных задач, поставленных учителем в работе над «Поучением Владимира Мономаха», следует считать выявление значения идейных и нравственных принципов, содержащихся в тексте. Следует сформулировать ряд заданий для учеников:

1. Можно ли считать Владимира Мономаха продолжателем дела Владимира Святославича и Ярослава Мудрого?

2. Чем прославился Владимир Мономах до того, как стал великим киевским князем?

3. В чем значение им написанного «Поучения детям» – первого литературного произведения в жанре светской проповеди?

4. Почему Владимир Мономах решил оставить своим потомкам такое произведение?

Далее задаются вопросы, позволяющие выявить отношение рассказчика к Владимиру Мономаху. Ученики находят подтверждение словами из текста. Особое внимание необходимо обратить на мастерство летописца в создании психологического портрета героя.

Среди различных приемов, позволяющих перечитать текст, можно назвать использование литературных задач.

Литературная задача № 1: «... имел 12 сыновей, и не от одной жены: матери у них были разные. Старший сын Вышеслав, после него – Изяслав, третий – Святополк, который и замыслил злое убийство. Мать его, гречанка, прежде была монахиней. Брат ... Ярополк, прельщенный красотой ее лица, расстриг ее и взял в жены, и зачал

от нее окаянного Святополка. ... же, в то время еще язычник, убив Ярополка, овладел его беременной женою. Вот она-то и родила этого окаянного Святополка, сына двух отцов-братьев. Поэтому и не любил его ..., ибо не от него был он. А от Рогнеды ... имел четырех сыновей: Изяслава и Мстислава, и Ярополка, и Всеволода. От другой жены были Святослав и Мстислав, а от жены-болгарки – Борис и Глеб». Литературная задача содержит вопрос: «Назовите этого любвеобильного и многодетного великого князя. В каком веке он жил?».

Литературная задача № 2: «В 1109 году в Киеве умерла сестра Владимира Мономаха. Ее первым мужем был маркграф Генрих Длинный Штаденский, вторым – император Священной Римской империи Генрих IV. С ним у императрицы произошел скандал, повлекший развод. Она была вынуждена выступать на церковных соборах и рассказывать о развратных действиях мужа. Генрих был осужден, бывшая жена не понесла даже церковного наказания. Потеряв двух зарубежных мужей, сестра Мономаха возвратилась на Русь и ушла в монахини. Смерть настигла ее в тридцатипятилетнем возрасте».

Организация работы с текстом невозможна без опоры на авторский комментарий. В этой части работы над текстом следует предложить ученикам сравнить описание Руси в начале текста до принятия христианства и появления первых книг и после того, как Русь крестилась и появились первые книги. Задаем вопросы: «Что же произошло во второй части?» «Что люди узнали из книг?» и др.

Изучение «Похвалы учению книжному» из «Повести временных лет»⁵ в школе показывает, что очень важно дать первое представление о древнерусской литературе, условиях ее возникновения и формирования, отличительных особенностях. Очень важно внимательно прочитать текст «Похвалы учению книжному» и проанализировать его содержание.

Не менее важно развивать навыки монологической речи. Уже достигнутое в младших классах и пятом классе умение анализировать текст необходимо дополнить умением сравнить, выделять главное, устанавливать причинно-временные связи. Так, например, «Похвалу учению книжному» можно сопоставить с другим фрагментом текста «Повести временных лет» – «Поучением Владимира Мономаха». Изучение древнерусских текстов имеет особые возможности для воспитания бережного, уважительного отношения к книге, способствует формированию эстетического

вкуса, умению воспринимать текст.

При работе с повторным чтением можно использовать чтение про себя. После чтения необходимо задать вопросы по содержанию текста, которые целенаправленно возвращают ребят к выборочной работе с текстом. Эти задания помогают им ориентироваться в тексте, уметь находить необходимый материал, выделять главное по заданию учителя. Как правило, на протяжении всего урока учащиеся работают активно, стараются отвечать на поставленные вопросы.

Можно остановиться подробнее на какой-либо части анализируемого текста, воспринимающейся как сложная художественная структура, каждый из элементов которой представляет собой динамическую систему эстетически организованных языковых средств.

Мы слышим голос автора: «Велика ведь бывает польза от учения книжного; книги наставляют и научают нас пути покаяния, ибо мудрость обретаем и воздержание в словах книжных. Это – реки, напоющие вселенную, это источники мудрости, в книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся; они узда воздержания...».

Уже в первом абзаце автор использует яркую антитезу: «Как бывает, что один землю распашет, другой же засеет, а третьи пожинают и едят пищу неоскудевающую. Так и здесь. Отец ведь его Владимир землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил. Этот же засеял книжными словами сердца верующих людей, а мы пожинаем, учение получая книжное».

Затем автор начинает постепенно вводить читателя во внутренний мир героя, стремясь показать духовное взросление князя Владимира...

В следующей части... автор пользуется приемом сравнения (композиционный прием). Летописец использует необычные метафоры («двери глотали людей») и сравнения («двери, как рты»).

Новым в тексте является создание биографии князя... В этом абзаце наблюдается переплетение словесных и композиционных приемов усиления субъективации повествования. Особенно удивительно то, что во многих эпизодах герой сам рассказывает о себе, что сближает читателя и героя. В этом проявляется жанровое новаторство. Таким образом, в данном тексте очень активно используются и словесные, и композиционные средства субъективации формы повествования.

При изучении древнерусских текстов в школе может использоваться большое разнообразие форм и приемов работы. Среди них не только такие традиционные, как рассказ учителя, фронтальный опрос, выразительное чтение, но и речевая разминка, работа с иллюстрациями, активизация читательской деятельности.

Могут быть также такие, как создание презентаций, создание речевого портрета, фантазия на тему по рассказу и др. Это поможет учителю избежать распространенной ошибки, заключающейся в том, что при разработке урока, на котором происходит знакомство с древнерусскими текстами, видится лишь внешняя привлекательность необычных исторических фактов, эпизодов биографии первых князей. Нравственная же проблематика, которая поднимается в рассказах, ускользает от их понимания.

Не утратило своей ценности высказывание Н. А. Бердяева: «Гуманизм, возрождение, просвещение... Христианская мысль должна ответить на вопрошания нового времени... Наше мышление не могло оставаться изолированным»⁶. Таким образом, основная задача учителя – донести до учащихся всю смысловую ценность произведений русской классики, начинающей свой отсчет с древнерусских текстов, научить их читать.

Таким образом, мы видим, насколько сильны возможности литературы. А именно литературного чтения в духовно-нравственном развитии школьников. Учитель, опираясь на удачно подобранные произведения, воспитывает в детях любовь к Отечеству, своему народу, его языку, духовным ценностям, толерантности.

Важнейшая задача учителя заключается в формировании таких личных качеств, как совесть, долг, честь и достоинство. А их нужно воспитывать с рождения в любом обществе, при любых социально-экономических условиях. Можно отметить, что по данным статистики, научно-технический прогресс и достижение высокого уровня жизни в развитых странах при одновременном резком снижении нравственности и христианской религиозности приводит все больший процент людей к разочарованию в жизни, потере ее смысла, нравственным отклонениям.

Духовно-нравственное воспитание наших детей необходимо для духовного возрождения России.

⁵ Рабочая программа по литературе для общеобразовательных учреждений (5–9 классы) / авторы: М. Г. Белова, М. Б. Багге, В. Н. Белова [и др.] ; Рабочие программы. Литература. 5–9 классы : учебно-методическое пособие. – М. : Дрофа, 2014. – С. 208.

⁶ Бердяев, Н. А. О русской философии / Н. А. Бердяев. – Свердловск : изд-во Уральского университета, 1991. – Ч. 2. – С. 9.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО НАМЕРЕНИЯ В РЕКЛАМНЫХ ПРОДУКТАХ КАК УСЛОВИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ УСПЕШНОСТИ

В соответствии с Федеральным законом от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О рекламе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2015) реклама представляет собой информацию, распространенную любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованную неопределенному кругу лиц и направленную на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке.¹

В данной статье мы уделяем особое внимание телевизионной рекламе, поскольку, во-первых, она достаточно распространена; во-вторых, телереклама, в отличие от других видов рекламы, одновременно воздействует и на зрительные, на и слуховые рецепторы, поэтому процесс восприятия информации происходит активнее.

Реклама и язык рекламы давно привлекают внимание многих ученых и исследуются специалистами различных отраслей современной науки – лингвистами, социологами, психологами, экономистами, юристами и многими другими. Конечно, все они преследуют разные цели в своих исследованиях: лингвисты анализируют функционально-стилистические особенности языка рекламы, социологи – влияние рекламы на общественное мнение, психологи – языковое манипулирование и его влияние на потребителя, экономисты – процентное соотношение рекламы и роста продаж. Это доказывает, что реклама занимает значительное место в развивающейся глобальной мировой культуре и ее необходимо изучать со всех точек зрения.

Нужно отметить, что реклама представляет собой, с одной стороны, продукт, призванный привлечь внимание потребителя к товарам или услугам, с другой стороны, продукт речевой деятельности (коммуникации). Реклама характеризуется наличием определенной структуры, каждый из компонентов которой обладает

определенным набором языковых и неязыковых средств.

В настоящее время активно исследуются проблемы взаимоотношения рекламного дискурса и рекламного текста. Многие исследователи, в том числе И. Г. Пендикова и Л. С. Ракитина, рассматривают образный строй рекламы (архетип и символ в рекламе).² Процесс создания эффективного рекламного текста рассмотрен во всей полноте А. Н. Назайкиным.³ Вопросами реализации коммуникативных намерений в устной и письменной речи занимались известные теоретики риторики – доктор педагогических наук Т. А. Ладыженская, доктор филологических наук Л. Е. Тумина, доктор педагогических наук Н. Д. Десяева и др.

С позиции медиалингвистики, занимающейся всесторонним изучением функционирования языка в сфере массовой коммуникации, реклама определяется как один из функционально-жанровых типов медиатекстов. К основным признакам рекламного текста относятся: многомерность, многократная, избыточная повторяемость и коллективный способ создания, или корпоративность.

С позиции стилистики рекламный текст можно считать стилистическим субстратом, т. к. ему могут быть присущи черты разнообразных функциональных стилей. Стиль рекламы многослоен, сочетает в себе черты публицистического, научного, научно-популярного, отчасти разговорного и делового стилей. Такое сочетание вытекает из самой природы рекламы, из ее основных функций – сообщения и воздействия.

В коммуникативистике (прикладной лингвистической науке) рекламный продукт – коммуникативный акт, текстовое произведение. Любой текст или коммуникативный акт характеризуется с точки зрения успешности. В современной лингвистике принято использовать термины *коммуникативная удача/неудача*, которые за-

висят от реализации коммуникативного намерения. От воплощения коммуникативного намерения зависит то, правильно ли сработает реклама: заставит потребителя воспользоваться товаром или услугой или вызовет раздражение.

В силу особенностей массовой коммуникации мы рассматриваем не индивидуальных, а коллективных автора и адресата (реципиента).

Под *коллективным автором* мы понимаем ряд субъектов, имеющих отношение к созданию рекламного продукта. Коллективный автор включает рекламодателя, который заказывает рекламу и финансирует рекламную кампанию, специалистов по рекламе, социологов, психологов, непосредственных исполнителей: дизайнеров, текстиков, графиков, художников, актеров и др.

Адресаты рекламной коммуникации представляют собой также сложное, социально неоднородное образование, состоящее из *целевых групп*. Целевая группа – это совокупность людей или учреждений, на которых направлены рекламные мероприятия для достижения конкретной цели рекламной кампании.

Для характеристики конкретной целевой группы существенными могут быть следующие социально-демографические признаки: возраст, пол, образование, религия, семейное положение, материальное состояние, социальная принадлежность, территориальная принадлежность; психологические признаки: мотивации, представления, потребительское поведение.

Реклама достигает цели лишь в том случае, если при составлении рекламного текста учитываются особенности человеческой психики. Каждое рекламное сообщение строится в соответствии с общими человеческими особенностями восприятия информации. Внимание чаще всего привлекается иллюстрацией и заголовком, демонстрирующими реальные выгоды для покупателя и обращающимися к его интересам.⁴

Текст в рекламе – это текст объявления или текст, который произносится в роликах, печатается в газетах, журналах, на баннерах, рекламных щитах и т. д. Считается, что он должен быть запоминающимся, конкретным, логичным, кратким и оригинальным. В целом реклама направлена на создание четкого, заранее продуманного образа в сознании человека. При создании текстов должны учитываться особенности языка, культуры, менталитета, географического расположения и др.

Под языком и стилем рекламных текстов в работе понимается система языковых и внеязыковых средств выражения содержания рекламных текстов, их речевая организация, обусловленная

функционированием в сфере массовой коммуникации.

Чаще всего реклама не только информирует читателя, но и формирует у него яркий рекламный образ через систему изобразительно-выразительных средств языка. Имея своей целью интенсивное концентрированное воздействие, язык рекламы постоянно требует обновления, так как выразительные средства изнашиваются и, быстро распространяясь, начинают воспроизводиться механически. В результате стирается образность, а значит, снижается убедительность рекламы.

Для того чтобы реклама оказала эффект, она должна быть замечена человеком и произошли определенные когнитивные процессы (распознавание, смысловая атрибуция, кодирование в памяти). Не обязательно, чтобы все эти процессы были человеком осознаны, но для «запуска» неосознаваемых (часто неправильно называемых «подсознательными») процессов все равно необходима длительность контакта, что любой из читателей может подтвердить собственным опытом.

Рекламный текст представляет собой пример максимально эффективного использования языковых средств. Прагматический аспект рекламного текста непосредственно проявляется в его своеобразной организации (выбор грамматических и лексических единиц, стилистических приемов, особый синтаксис, организация печатного материала, использование элементов различных знаковых систем). В основе создания рекламных текстов лежат две тенденции: сжатость, лаконичность выражения и выразительность, емкость информации.

Характерным для языка рекламы являются игра слов и образов, искажение правописания и идиом, «неправильный» синтаксис и необычное использование знаков препинания, что нередко способствует созданию наиболее выразительных и успешных рекламных сообщений.

В рекламе активно используются сленг (жаргон) и разговорные выражения, что служит для создания эмоционально-экспрессивной окраски, образности, доходчивости и действенности рекламного текста, который предназначен для массового читателя, а значит, близок ему по структуре.

Следует отметить, что огромную роль в восприятии рекламного сообщения играют не только языковые средства, а к ним относятся слова, предложения, текст, средства выразительности, но и невербальные, т. е. графические средства. Важно не только, что написано, но и как написа-

¹ Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О рекламе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2015) – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/

² Пендикова, И. Г. *Архетип и символ в рекламе : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Реклама», «Маркетинг», «Коммерция (торговое дело)» / И. Г. Пендикова, Л. С. Ракитина ; под ред. Л. М. Дмитриевой. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 303 с. – (Серия «Азбука рекламы»).*

³ Назайкин, А. Н. *Эффективный рекламный текст в СМИ / Н. А. Назайкин. – М. : изд-во Моск. ун-та ; Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2011. – 480 с.*

⁴ Кафтанджиев, Х. *Тексты печатной рекламы / Х. Кафтанджиев. – М. : Просвещение, 2006. – 145 с.*

но – каким шрифтом, цветом, размером сделана надпись, а также ее положение в тексте. Выделяются следующие части рекламного текста: заголовков, основной текст и девиз. Кроме указанных элементов, исследователи рассматривают подзаголовков, вставки, рамки, печати, логотипы и автографы (подписи). Заголовок считается самой важной частью рекламного текста, так как именно он привлекает внимание потребителя, и от степени его выразительности зависит, насколько потенциальный потребитель заинтересуется в прочтении основного текста.

Вместо заголовка часто используется слоган. Проанализировав литературу по рассматриваемой проблеме, можно прийти к выводу, что слоган способен выполнять функции эхо-фразы – заключительной части рекламы. Слоган находится на последнем месте, но ему отводится немаловажная роль, так как он подчеркивает преимущества товара или услуги, придает рекламному тексту законченный вид.

Основной текст рекламного сообщения может быть повествовательным, изобразительным, трюковым; он может быть написан в форме монолога или диалога.

В основном рекламном тексте приводятся главные аргументы в пользу конкретного товара. Текст рекламы выполняет две основные функции – информирует и воздействует; он может быть предельно кратким, очень длинным, очень простым, очень подробным, строго фактическим или глубоко эмоциональным.

Исследования психологов показывают, что люди воспринимают рекламное объявление следующим образом:

- 1) сначала они смотрят на иллюстрацию;
- 2) затем читают заголовков;
- 3) и, наконец, читают текст рекламного объявления.

Отмечается, что число людей, читающих заголовки, в пять раз превышает число людей, читающих основной текст. Если хотя бы одно из перечисленных выше действий не выполняется по какой-либо причине, то эффективность такого рекламного объявления значительно снижается.

На основе структурного анализа текстов англо- и русскоязычной рекламы мы можем сделать вывод о том, что в некоторых анализируемых нами рекламных текстах та или иная часть может быть опущена, но заголовков и слоган являются незаменимыми элементами.

Согласно исследованиям Ю. К. Пироговой, выделяют рекламные тексты-примитивы и ре-

кламные тексты-дескриптивы. Рекламные тексты-примитивы обладают одночастной структурой, состоят из одного рекламного лозунга и рекламируют обычно товары повседневного спроса (продукты питания, одежду и т. п.), товары известных торговых марок, например, Hugo Boss, Chanel, Swatch и т. д.

Тексты-дескриптивы концептуально представляют продукты интеллектуального труда (идеи, технологии, ноу-хау и т. п.), сложное электронное оборудование и т. п. Таким образом, дескриптивный рекламный текст – целостная структура, связанная единым замыслом, и наиболее адекватно отражающими его суть терминами являются термины «макроструктура» и «суперструктура».

Любой рекламный текст, независимо от его разновидности, представляет собой вид коммуникативного акта, то есть действие, при анализе которого используются по существу те же категории, которые необходимы для характеристики и оценки любого действия: субъект, цель, способ, инструмент, средство, результат, условия, успешность и т. п. Проблема коммуникативной эффективности рекламы является одной из самых сложных и слабо разработанных как на уровне ее теоретической постановки, так и на уровне прикладных изысканий.

Для того, чтобы рекламный текст стал эффективным, он должен в первую очередь быть уместным, иначе разработчиков рекламы ждет коммуникативная неудача. Как указывает в своей статье М. С. Алексеева, рекламный коммуникативный акт, как и речевой, характеризуется условиями успешности, несоблюдение которых ведет к коммуникативным неудачам.⁵

В данной статье мы, опираясь на определение Е. А. Земской, под коммуникативной неудачей будем понимать «полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, то есть неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего».⁶

Причины коммуникативных неудач могут заключаться в засилье иноязычной лексики, употреблении нелитературных, вульгарных слов и выражений, использовании незнакомых прецедентных текстов и, следовательно, могут быть связаны с различием фоновых знаний адресатов и адресанта, то есть зависеть от интерпретационной деятельности адресата. Еще одним фактором возникновения коммуникативной неудачи в рекламном тексте может стать наличие языковой игры. Языковая игра, как манипулирование

языком (его вербальной и невербальной составляющими), часто может иметь не тот конечный результат, на который адресант изначально рассчитывал, например, адресат может не понять языковую игру, интригу, заложенную в ней, так как она является слишком сложной, или она может показаться ему неуместной, нарушающей этические нормы⁷, например:

ОКНА за ОКНА – Меняем старые окна на новые с доплатой! Идеальное соотношение цены и качества (реклама «Фабрики окон»).

Ср.: «Око за око!»

Рекламный текст может быть эффективным и неэффективным в зависимости от различных факторов, в частности контекста, адресата и гипертекста. Рекламный текст как акт коммуникации содержит в своей структуре адресанта, адресата и информацию, транслируемую с помощью различных языковых и внеязыковых средств.

Согласно исследованиям в области культуры речи и речевой коммуникации, коммуникативные неудачи представляют собой недостижение инициатором общения коммуникативной цели и, шире, прагматических устремлений, а также отсутствие взаимодействия, взаимопонимания и согласия между участниками общения. Причины коммуникативных неудач в рекламе связаны в первую очередь с чуждой коммуникативной средой, засильем иноязычной лексики (нарушение фактора адресата); неуместным использованием фотографий и текста сообщения (нарушение фактора контекста); ошибками национальной специфики, наличием ошибок в тексте.

Стоит отметить, что несмотря на огромное количество людей, занимающихся разработкой рекламы в наши дни, коммуникативные неудачи не являются редкостью. Зачастую они связаны с нарушением фактора адресата и фактора контекста. Часто коммуникативно неудачная реклама воспринимается адресатами как раздражающая.

Опираясь на результаты проведенных исследований, мы можем выделить следующие раздражающие факторы в рекламе:

- Большое количество рекламы.
- Частые перерывы во время фильмов/передач.
- Более громкий звук, чем при обычной трансляции.
- Табуированные проблемы (средства от простатита, для эрекции, женские гигиенические средства и др.).
- Гендерные стереотипы.
- Навязчивая музыка.
- Неграмотный и некачественный рекламный контент.

На раздражение той или иной рекламы не

влияет возраст человека или его приверженность той или иной профессии. Проведенное нами исследование показало, что даже пол в основном мало влияет на выбор раздражающей рекламы. Когда респондентов попросили привести пример хорошей или плохой, по их мнению, рекламы, отвечающие указали практически одни и те же примеры, что мужчины, что женщины. Также исследование показало, что относительно большой процент опрошенных не смотрит рекламу пропускает ее или совсем ее не запоминает.

Каким же образом возможно избежать коммуникативных неудач при создании рекламного текста и, соответственно, сделать его эффективным? Со стороны теории речевой коммуникации реклама представляет собой сложную структуру и может быть представлена в виде четырех факторов, выделенных еще Р. Якобсоном: контекст, адресат, адресант и контакт (код). Для достижения коммуникативной успешности необходимо тщательно соблюдать правила, связанные с каждым из данных факторов.

Фактор контекста в рекламе означает то, что размещение рекламных текстов должно полностью соответствовать адресату: нет смысла размещать рекламу дорогих ювелирных украшений, других предметов роскоши в печатных изданиях, рассчитанных на среднего потребителя, и наоборот, предложения со скидками на колбасу в местном магазине вряд ли будут уместны в глянцево издании и заинтересуют потребителя с высоким уровнем дохода.

Фактор адресата предполагает целенаправленное воздействие на определенную целевую аудиторию, обладающую собственными индивидуальными характеристиками и моделями мира. При этом рекламный текст будет эффективным в том случае, если адресат не только воспримет информацию, содержащуюся в тексте, но и примет ее, соотнесет с ценностями собственной картины мира.

Немаловажное значение имеет и *фактор гипертекста*: это означает, что лингвистическая составляющая рекламы должна соответствовать визуальному образу. Так, использование фотографии полуобнаженной девушки на рекламе магазина деловой литературы является явной коммуникативной неудачей.

Как мы видим, для достижения эффективности рекламного текста, отсутствия коммуникативных неудач, необходимо соблюдение ряда условий и правил коммуникации. На наш взгляд, немаловажен и внешний контроль с стороны государственных органов. Реклама – социальное явление, она является формой распространения

⁵ Алексеева, М. С. Прецедентные феномены как источник коммуникативных неудач в рекламе предприятий ресторанного бизнеса / М. С. Алексеева // Политическая лингвистика. – № 2 (25). – 2008. – С. 122.

⁶ Земская, Е. А. Особенности мужской и женской речи / Е. А. Земская, М. А. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русский язык в его функционировании / под ред. Е. А. Земской и Д. Н. Шмелева. – М.: А-медиа, 2005. – 602 с.

⁷ Ильяслова, С. В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С. В. Ильяслова, Л. П. Амири. – М.: Флинта, 2015. – 296 с.

массовой информации и контролируется государством. Некоторые приведенные нами выше примеры не только являются коммуникативно неудачными и неэтичными, но и могут быть признаны нарушающими законодательство РФ (в частности, Закон РФ «О рекламе»). Тем не менее, подобные материалы продолжают создаваться, –

скорее, в связи с нехваткой квалифицированных кадров в области построения рекламного текста, чем намеренно (в целях создания «шок-рекламы» и т. д.). Отсюда с необходимостью вытекает тезис об улучшении качества подготовки создателей рекламы, и эта подготовка обязательно должна включать филологический аспект.

Т. Г. Хатнюкова-Шишкова, Е. А. Лунгу

АНАЛИЗ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ И В НОРМЕ

В языке обычно выделяют четыре основных уровня: фонетический, морфологический, лексический, синтаксический. Языковые единицы каждого из этих уровней могут быть либо стилистически нейтральными, либо стилистически окрашенными.

Эмотивную функцию языка выделяют все авторы трудов по общему языкознанию. В общей системе языка большую роль стилистически отмеченной (эмоционально-оценочной) лексике отводят Л. С. Выготский, Е. И. Вольф, М. Р. Львов и другие.

Под стилистической окраской языковой единицы понимают дополнительные (коннотативные) к ее основному (номинативному, предметно-логическому и грамматическому) значению эмоционально-оценочные, экспрессивные и функциональные свойства. Эти свойства ограничивают употребление единиц языка определенными сферами, стилями, жанрами и условиями общения (ситуацией) и тем самым несут стилистическую информацию. Стилистически окрашенные единицы не могут употребляться повсеместно, а только в определенных условиях.

Выделяют два типа стилистической окраски: функционально-стилистическую и эмоционально-оценочную.

1. Функционально-стилистическая (стилевая) окраска. Она обусловлена регулярным употреблением той или иной единицы языка в определенном функциональном стиле языка. Это приводит к тому, что и сама данная единица языка (слово и т. п.) получает окраску, отпечаток той сферы или стиля, в которой оно обычно встречается, т. е. слово несет на себе окраску деловой, официальной, научной, публицистической и т. п. речи (например: *социальный* – публицистическое, *синхрофазотрон* – научное, *дебет* – деловое).

2. Эмоционально-оценочная (стилистическая) окраска. При помощи слов с эмоционально-оценочной окраской осуществляется «окраска» не самого слова как языковой единицы, а самих обозначаемых объектов, выражается отношение к ним, производится их оценка и т. п. Эта окраска органически свойственна языковой единице, неотделима от ее значения. Она проявляется в любой сфере использования этой единицы, в самых минимальных контекстах и даже изолированно.

Эмоционально-оценочная лексика служит

средством выражения чувств, эмоций, переживаний ребенка, является основой для развития словесного творчества.

В психологических исследованиях имеются данные о том, что именно в дошкольном возрасте интенсивно развиваются эмоции и чувства (Л. И. Божович, Л. С. Выготский, А. В. Запорожец, Я. З. Неверович, А. Н. Леонтьев и др.), происходит развитие представлений ребенка о себе и другом (Е. А. Панько, Т. А. Репина, Е. О. Смирнова), развивается чувство эмпатии как способности к чувствованию, постижению эмоционального состояния другого человека (О. О. Косякова).

Выделяется несколько степеней вовлеченности в эмоциональные переживания другого человека. У ребенка первого года жизни уже имеются признаки синтонии (способности к эмоциональному отклику на эмоциональное состояние другого человека) при общении с близким взрослым. Следующим этапом развития эмпатии можно считать так называемую предикативную эмпатию – наличие у ребенка способности к предсказанию эмоциональных реакций другого человека в конкретных ситуациях взаимодействия на основании учета своего собственного поведения и поведения партнера по общению. Именно от нравственного отношения к другому зависит моральное развитие детей (О. О. Косякова).

Установлено (А. Г. Рузская, А. Э. Рейнштейн), что у детей старшего дошкольного возраста на основе перехода к внеситуативно-личностному общению проявляется интерес к миру человеческих взаимоотношений. В связи с этим в их речи наблюдается большее количество слов, служащих для вербализации эмоций, чувств, настроений.

Речь является полноценным средством общения лишь тогда, когда сформированы или (в случае недоразвития речи) приведены в норму все ее структурные компоненты.

В работах многих авторов (Н. С. Жуковой, Е. М. Мастюковой, Т. Б. Филичевой) подчеркивается, что у детей с общим недоразвитием речи различного генеза отмечается ограниченный словарный запас. Нарушения формирования лексики у детей с общим недоразвитием речи проявляются в ограниченности словарного запаса, резком расхождении объема активного и пассивного словаря, неточном употреблении слов, многочисленных вербальных парафазиях, не-

сформированности семантических полей, трудностях актуализации словаря.

Дети с общим недоразвитием речи пользуются в основном общеизвестными, наиболее часто употребляемыми в обиходе словами и выражениями. Эмоционально-экспрессивная лексика используется дошкольниками с речевыми нарушениями выборочно и фрагментарно. А между тем это особый лексический пласт, который наиболее близок детям. Данная лексика помогает осуществлять межличностное общение, служит средством коммуникации между дошкольниками, наиболее ярко выражает симпатии или антипатии детей.

Изучению особенностей лексики дошкольников с речевой патологией придается большое значение (Н. С. Жукова, 1994; Р. Е. Левина, 1986; Л. Ф. Спирина, 1980; Т. Б. Филичева, Г. В. Чиркина, 1999). Развитие словаря, уточнение значения слова, формирование лексической системы играют важную роль в развитии познавательной деятельности ребенка, так как слово, его значение являются средством не только речи, но и мышления (Л. С. Выготский, 1934).

Однако остается недостаточно изученной проблема формирования лексики как особой семантической системы, развитие которой зависит от интеллектуального уровня, мотивационной сферы, развития речи детей, в частности, вопрос формирования эмоционально-экспрессивной лексики, позволяющей детям точнее оценить и выразить свои переживания и чувства.

Основной целью экспериментального исследования было исследование эмоционально-оценочной лексики и особенностей ее употребления у детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи III уровня и у детей с нормальным речевым развитием.

Научный эксперимент проводился на базе Учебно-методического речевого центра СахГУ в 2014–2016 гг. В эксперименте приняли участие 12 детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи III уровня и 10 детей с нормальным речевым развитием.

В экспериментальном изучении использовалась методика, предложенная И. Ю. Кондратенко.

Предварительно было проведено целенаправленное наблюдение за детьми, в процессе которого мы выявляли, используют ли дошкольники эмоционально-оценочную лексику в повседневной жизни.

По итогам целенаправленного наблюдения за дошкольниками нами было обнаружено, что в повседневной жизни в большинстве случаев им присуще использование общеоценочной лексики. Частнооценочный тип лексики дети демонстрировали обычно, когда находились в ситуации конфликта с кем-нибудь из сверстников, в состоянии эмоциональной взволнованности или когда скучали по кому-то.

В процессе экспериментального исследования было установлено, что частота употребления эмоциональной лексики в устной речи детей с общим недоразвитием речи незначительно меньше, чем у дошкольников с нормальным речевым развитием. Однако по характеру проявления экспрессивности в исследуемых группах наблюдались существенные различия. По сравнению с нормально развивающимися детьми, у дошкольников с общим недоразвитием речи в три раза чаще встречалась отрицательно окрашенная эмоциональная лексика. Было отмечено, что отрицательным значением обладает не только эмоционально-оценочная (*плохой, злой, страшный*), но и нейтральная лексика (*убивать, драться, ломаться*).

При определении и назывании эмоциональных состояний по фотографиям, предметным картинкам и пиктограммам дошкольники с нарушениями речи смешивали эмоциональное состояние злости с грустью, удивления с радостью и испугом. Сходные проблемы наблюдались и при соотношении эмоциональных состояний удивления и испуга с соответствующими этим состояниям междометиями. Максимальная успешность была достигнута в определении и назывании эмоциональных состояний радости, грусти и злости. Дошкольники с общим недоразвитием речи обнаружили низкие результаты при определении и назывании эмоций испуга и удивления. Интересно, что дети без речевых нарушений затруднялись в основном при определении и назывании такого эмоционального состояния, как «злость». Также в ответах дошкольников с общим недоразвитием речи наблюдалось недостаточное употребление эмоционально-оценочной лексики и склонность к невербальному обозначению эмоциональных состояний, что нередко было связано с ориентацией на внешние проявления эмоций, а не на их смысловое содержание.

В речи дошкольников с общим недоразвитием речи были выявлены многочисленные специфические ошибки в установлении синонимических и антонимических отношений. При подборе синонимов большинство ошибочных ответов у детей с общим недоразвитием речи и детей с нормальным речевым развитием имело сходный характер, что свидетельствовало об общности процесса формирования парадигматических отношений (отношений противопоставленности и функционального тождества языковых элементов). Однако если у детей с нормальным речевым развитием преобладали ошибки, связанные с заменой синонима объяснением слова-стимула (испуганный – *ему страшно*; удивленный – *у него хорошее настроение*; злой – *ест детей*), то ошибки детей с общим недоразвитием речи при подборе синонимов сводились к изменению слова-стимула (грустный – *грустненький*; злой – *зленький*; удивленный – *удивленненький*). При

подборе антонимов дети из обеих исследуемых групп в основном демонстрировали ошибки, проявляющиеся в замене нужного слова лексемой, имеющей широкое значение (вкусный – плохой, добрый – *плохой*, интересный – *плохой*), и назывании слова-стимула с отрицанием (хороший – *нехороший*, радостный – *нерадостный*, красивый – *некрасивый* и т. д.). Однако у детей с общим недоразвитием речи перечисленные ошибки имели более стойкий характер. Эти варианты ошибок свидетельствовали о том, что дети понимали смысл задания и осознавали поставленную перед ними задачу, но в силу недостаточной сформированности парадигматических отношений и ограниченного словарного запаса выполняли задание неточно.

В коротких высказываниях, а также при составлении рассказов по сюжетным картинкам и серии сюжетных картин детям с речевыми нарушениями были свойственны затруднения в понимании связи событий, неумении дать оценку поступкам героев. В связи с этим в речи детей с общим недоразвитием речи было мало слов, относящихся к эмоционально-оценочной лексике.

Таким образом, состояние эмоционально-оценочной лексики детей с общим недоразвитием речи, по сравнению с нормально развивающимися сверстниками, имеет существенные отличия, как в количественном, так и в качественном отношении. Дошкольники, имеющие речевое недоразвитие, используют в активной речи общеизвестные, наиболее часто употребляемые в обиходе слова и словосочетания (*хороший, плохой*). Дети с нормальным речевым развитием обнаруживают большую вариативность при употреблении эмоционально-оценочных лексем (*добрый, радостный, несчастный, злобный, ужасный*). Дошкольники с общим недоразвитием речи гораздо реже используют прилагательные и наречия, относящиеся к эмоционально-оценочной лексике, и данный вид лексики у этих детей представлен в основном именами существительными и глаголами. Дошкольники с недоразвитием речи, как правило, не знают многих слов эмоциональной оценки, например, таких, как *радостный, удивленный, глупый, больной, скучный, бесполезный*. Они не умеют отбирать из лексикона и правильно употреблять в речи слова, наиболее точно выражающие смысл высказывания (*радостный – смешной; грустный – бедный*). В их речи имеются специфические ошибки в виде изменения слова-стимула (*грустный – грустненький; зло – зленький; удивленный – удивленненький*). У детей экспериментальной группы обнаруживается стремление к невербальному обозначению эмоциональных состояний (испуг: *втягивает голову в плечи, широко открывает рот*; злость: *скрещивает на груди руки, морщит лоб, угрожающе произносит «У!»*). Выявленные недостатки

развития эмоционально-оценочной лексики свидетельствуют о несформированности целостной системы лексических значений. Лексика детей с общим недоразвитием речи также отличается от лексики нормально развивающихся дошкольников по характеру проявления экспрессивности. Речь детей с недоразвитием характеризуется большей отрицательной окрашенностью. При этом негативный оттенок имеет и эмоционально-оценочная (*плохой, злой, страшный*), и нейтральная лексика (*убивать, драться, ломаться*). Анализ высказываний детей и результатов анкетирования их родителей позволяет проследить взаимосвязь между играми и занятиями детей и характером лексической экспрессивности. В процессе игр дети отдают предпочтение пистолетам, роботам, драконам, скелетам, человеку-пауку и черепашкам-ниндзя. Преобладающими видами игр и занятий дома являются компьютерные игры и рисование. Из читаемых детям книг первое место по популярности занимают «Аладдин» и «Смешарики».

Таким образом, по итогам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Результаты экспериментального изучения эмоционально-оценочной лексики детей 5 лет с общим недоразвитием речи подтверждают и дополняют имеющиеся в литературе данные о специфике развития данного лексического пласта при общем недоразвитии речи.

2. Общим недоразвитием речи объясняют следующие особенности эмоционально-оценочной лексики:

– меньшую вариативность в применении эмоционально-оценочных лексем в активной речи;

– преимущественное использование имен существительных и глаголов и редким употреблением прилагательных и наречий, относящихся к эмоционально-оценочной лексике;

– незнание и недостаточное понимание многих слов эмоциональной оценки;

– трудности выбора и правильного употребления в речи слов, наиболее точно выражающих смысл высказывания.

Кроме того, дети с общим недоразвитием речи демонстрируют склонность к невербальному обозначению эмоциональных состояний, что свидетельствует о несформированности целостной системы лексических значений.

3. Лексика детей с общим недоразвитием речи отличается от лексики нормально развивающихся дошкольников по характеру проявления экспрессивности. Речь детей с недоразвитием характеризуется большей отрицательной окрашенностью. При этом негативный оттенок имеет как эмоционально-оценочная, так и нейтральная лексика. Прослеживается очевидная взаимосвязь между играми и занятиями детей и характером лексической экспрессивности.

Литература

1. Ионова, С. В. Лингвистика эмоций: основные проблемы, результаты и перспективы. Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности / С. В. Ионова. – М. : сб. науч. труд. – Волгоград : ВГПУ, ЦОП «Центр», 2004.
2. Косякова, О. О. Логопсихология: учеб. пособие для вузов / О. О. Косякова. – М. : Феникс, 2007. – 254 с.
3. Мартинович, Г. А. Стилистически окрашенная лексика в русском языке / Г. А. Мартинович. – Режим доступа : http://lit.lib.ru/m/martinowich_g_a/
4. Палкин, А. Д. Лексико-морфологические средства выражения эмоций в онтогенезе речевой деятельности : дис. ... канд. пед. наук / А. Д. Палкин. – М., 2002. – 212 с.
5. Петрищева, Е. Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка / Е. Ф. Петрищева. – М. : Наука, 1984. – 222 с.

РАЗДЕЛ II

ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

ЯЗЫКОВАЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА СТУДЕНТОВ ДЛЯ УЧАСТИЯ В ПРОГРАММАХ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Развитие трансграничного образования повлияло на увеличение потоков международной мобильности студентов и преподавателей. Примером тому может служить Сахалинский государственный университет, который имеет широкие связи с зарубежными университетами. Значительное количество студентов СахГУ выезжает на полугодовые стажировки в Республику Корея, Японию, Китай и другие страны. Участие студентов в этих программах требует целенаправленной подготовки, комплекса мер, направленных на успешную адаптацию в новой инокультурной образовательной среде.

Каждый вуз имеет собственную систему управления студенческим обменом. В Сахалинском государственном университете складывается эффективная система управления процессом академической мобильности: Департамент высшего образования – Международный отдел – Институт. Успешная реализация программ академической мобильности складывается из целого ряда услуг:

1. Регулярная переписка с координаторами вузов-партнеров.
2. Участие в приеме делегаций и проведение переговоров о студенческом обмене, составление рабочих программ.
3. Оформление документов для приглашений.
4. Составление внутренних документов.
5. Консультации по выбору курсов и составление учебных планов.
6. Консультации по оформлению документов и отправка их в вузы-партнеры.
7. Он-лайн консультации во время поездки.
8. Сбор и обработка отчетов после возвращения.

Важной составляющей подготовки студентов является курирование, которое осуществляется на протяжении всей программы. Со студентами-кандидатами проводятся индивидуальные консультации, студенты обеспечиваются информационными материалами, знакомятся с отчетами стажеров, вернувшихся после учебы в зарубежных вузах. Также организуются встречи с иностранными студентами, прибывшими из вузов-партнеров, куда отправляются на учебу российские студенты. На заключительном этапе подготовки проводится собрание, где затрагиваются вопросы между-

турной коммуникации. Координатор обмена должен контролировать обучение студентов за рубежом. Он должен быть уверен, что учебные, бытовые и психологические проблемы студентов в должной мере решаются сотрудниками принимающего вуза. Если студент испытывает какие-либо трудности, он сообщает координатору о возникшей проблеме и получает от него необходимую помощь.

Одним из основных условий успешного обмена является обеспечение академического соответствия обучения, то есть перезачет дисциплин. Решение проблемы дает использование ECTS. На начальном этапе можно использовать кредиты только как трансферную составляющую оценки, но в дальнейшем необходимо обеспечить и аккумулирующую составляющую, т. е. на уровне факультетов решить вопросы перевода учебных единиц. Кредиты ECTS помогают перевести абсолютные оценки разных стран. Информация о методах трансфера оценок должна быть доступна студентам. Важно иметь четкую систему перезачета. Как правило, система зависит от установленных правил университета, но важно, чтобы студент понимал правила.

Основной документ мобильности – это соглашение об обучении (learning agreement), содержащее информацию об индивидуальном учебном плане. Подписанный документ удостоверяет, что все три стороны согласовали условия обучения, что является гарантией академического признания и обеспечивает качество образования. Вторым студенческим документом является итоговый сертификат (Transcript of records). Сертификат должен быть отправлен на адрес международного вуза-партнера, координатор студенческого обмена вручает их студентам.

Реализация программ мобильности требует постоянного контроля соответствия условий обучения и пребывания представителями вузов-партнеров. Если студенты из года в год сталкиваются с проблемами бытового или учебного характера, то от работы с таким вузом лучше отказаться. Контроль успеваемости студентов за рубежом может подсказать направление дальнейшего развития программы мобильности: повышению или снижению требований к пребыванию студентов за рубежом, повышению требований к отбору студентов. Значительную роль играет консультирование студентов по вопросам подготовки до-

кументов для оформления визы, вида на жительство, разрешения на пребывание.

В подготовке студентов к участию в программах обмена особая роль отводится языковой и культурологической подготовке, способной помочь в преодолении культурного барьера, который гораздо опаснее и неприятнее языкового тем, что культурные ошибки воспринимаются обычно намного болезненнее, чем языковые, как правило, не прощаются и производят самое отрицательное впечатление.

В связи с вышесказанным, вызывает интерес подход к профессиональной подготовке на основе таких учебных пособий, как серия учебников Oxford English for Careers, Everyday English for Hospitality Professionals, English for Customer Care, International Tourism, English for Restaurant Workers, Highly Recommended и т. д. Структура данных учебных пособий такова, что в содержание каждого раздела можно легко интегрировать упражнения и тексты, отражающие специфику не только англоязычных, но и других культур, имеющих региональное значение.

Ориентация на межрегиональные связи отражается в изучении языков стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Помимо международного (английского) языка межрегиональное сотрудничество университета предполагает владение национальным языком вузов-побратимов (японским, корейским, китайским). Овладение данными языками достаточно трудоемко, требует большого количества времени и практики, использования специальных методов обучения.

В Сахалинском государственном университете дисциплина «Второй иностранный язык» (в данном случае японский и корейский языки) присутствует в учебном плане не только языковых специальностей. Например, изучение восточных языков предусмотрено в учебном плане бакалавров сервиса и туризма: «Язык и бытовые традиции корейцев», «Деловой корейский язык», «Социокультурный компонент в изучении корейского языка» и др. Обучение данным языкам строится с учетом следующих тенденций:

- процесс языковой подготовки по темам, непосредственно выходящим на формирование специалиста как посредника между культурами;
- обновлены методы и формы лингвострановедческой подготовки, которые способствуют не только формированию языковой компетенции, но и социокультурной, а также выходят в практику применения межкультурных коммуникаций;
- процесс обучения строится с учетом реальных потребностей субъектов общения в будущей профессиональной деятельности.

Решая задачу интернационализации учебных программ, обучение иностранным языкам становится подлинно профессионально-ориентированным; основное содержание учебных курсов иностранных языков ориентировано на профес-

сиональную деятельность работников данной сферы с использованием материалов регионального компонента образования.

Для успешного участия в программах международной академической мобильности необходимо овладеть культурологическим компонентом коммуникации. Незнание национальных особенностей вербального и невербального общения, правил коммуникации, в том числе и в академической среде, часто приводит к неудачам и разочарованию. Незнание глубоких корней традиции, и, как вытекающее, особых правил и норм этикета по отношению к старшим (учителям, родителям, и др.) приводит к появлению непонимания, неуважения и неконтактности с людьми данного ранга.

Ученые А. Фэрнхэм и С. Бочнер провели исследование и обнаружили, что уровень трудностей, испытываемых пребывающими в чужой стране в ежедневном преодолении барьеров, напрямую относится к культурной дистанции между культурой иностранца и культурой страны пребывания. Они утверждали, что стресс, испытываемый иностранными студентами, во многом порожден отсутствием набора социальных навыков, с помощью которых можно преодолевать специфические социальные ситуации.

Некоторые культурологические особенности рассматриваются студентами в рамках программ изучения иностранного языка, однако этих знаний им будет недостаточно для эффективного общения в межкультурной академической среде. Для успешной реализации международного сотрудничества в учебный план некоторых образовательных программ подготовки вводится дисциплина «Межкультурная коммуникация». В рамках этой дисциплины изучаются международные политические отношения, международные бизнес-отношения и собственно межкультурные отношения между разными странами. Изучение данной дисциплины предполагает практические занятия, в которые включены межкультурные тренинги. Знания по межкультурной коммуникации интегрируются в содержание других предметов, особый акцент при этом ставится на изучение культуры и традиций, на культуру тех стран, с которыми осуществляется наиболее тесное сотрудничество. Обучение студентов межкультурным коммуникациям будет способствовать формированию их коммуникативной компетенции и повышенного уровня лингвострановедческих знаний. В условиях межрегионального сотрудничества межкультурная коммуникация становится основополагающим принципом построения системы и формирования содержания профессионального образования.

При подготовке к участию в программах обмена студентов неязыковых специальностей необходимо предлагать им курсы интенсивной

языковой и культурологической подготовки, направленные на количественное пополнение словарного запаса, необходимого студенту для «выживания» в новой социокультурной среде. Продолжительность предлагаемой программы – два месяца (это примерно то время до поездки, когда студент точно знает, что ему предстоит стажировка). Основная цель обучения на интенсивных курсах: за короткое время пополнить словарный запас студента, используя методы быстрого запоминания слов, адаптированные для изучаемого языка, развить необходимые коммуникативные навыки.

В основе программы лежит использование нетрадиционных методов запоминания, в частности, метод ассоциативного запоминания по принципу внутреннего связывания посредством звуковых ассоциаций. Необходимо подбирать ассоциацию именно к звучанию, а не написанию слова (ведь во многих языках звучание и написание слов очень сильно отличаются). В некоторых языках (например, корейском) существует проблема схожести по звучанию ряда звуков. Метод же фонетических ассоциаций помогает запомнить значения слов, что в первую очередь необходимо для разговорной речи, когда не нужно писать, а только говорить.

Данный метод запоминания возник из-за наличия большого количества схожих по звучанию слов в разных языках мира. Иногда человек использует этот метод, сам того не осознавая. В 70-х годах прошлого столетия изучением применения ассоциаций в процессе овладения языком занимался профессор Стенфордского университета Ричард Четем Аткинсон. Он и его коллеги предлагали группе студентов, изучающих русский язык, запоминать слова, применяя «Keyword method» («метод ключевых слов»), в то время как контрольная группа запоминала те же самые слова традиционными методами. «Ключевые слова» у Ричарда Аткинсона – это не что иное как слова, являющиеся звуковыми ассоциациями к запоминаемым словам, слова-созвучия. Многочисленные эксперименты Аткинсона и его коллег доказали высокую эффективность применения этого способа запоминания иностранных слов. Метод фонетических ассоциаций как метод запоминания иностранных слов становится все более и более популярным в мире.

Рекомендуемое для изучения количество слов в день – от 25 и выше в зависимости от способностей студента к запоминанию. Описанный выше режим работы позволит, используя методы эффективного запоминания, пополнять словарный запас от 75 новых слов в неделю, что позволит в достаточной мере подготовиться к предстоящей поездке. Для подготовки к программе предлагаются следующие тематические блоки слов:

1. Прибытие в аэропорт
2. Автобус, такси

3. Вокзал
4. Общежитие, квартира
5. Покупки
6. Университет
7. Уличные указатели, ориентировка на улице.

Программа также ориентирована на развитие навыков самостоятельного составления тематических блоков слов, используя дополнительные материалы (учебные пособия, словари и др.). В дальнейшем студент, освоив методы эффективного запоминания слов, сможет применять их для самостоятельного изучения иностранного языка. В ходе самостоятельных занятий рекомендуется изменять список предложенных блоков, так же как и добавлять другие лексические единицы, убирать слова из блока в том случае, если данный блок или слова в блоке не актуальны для студента, занимающегося по программе интенсивной языковой подготовки.

Техника использования метода звуковых ассоциаций:

1. Иностранные слова, которые необходимо заучить, нужно выстроить в тематические блоки по 20–40 слов и записать эти блоки для того, чтобы в любой момент к ним можно было бы обратиться. Блоки могут быть любой тематики в зависимости от нужд учащегося. В программе интенсивной языковой подготовки предполагаются блоки слов, необходимые лишь на первое время пребывания.

2. К каждому иностранному слову нужно подобрать созвучное русское слово, взяв за правило, что чем необычнее это слово будет звучать, тем ассоциация будет более крепкой. Самыми эффективными приемами являются слова, вызывающие воспоминания из детства, слова, вызывающие эмоции (улыбку, смех).

3. Мысленно провести ассоциацию между заучиваемым словом и словом-связкой и составить небольшой, но яркий сюжет, используя все возможности своего воображения.

4. Несколько раз мысленно повторить придуманный сюжет в воображении и повторить его через некоторое время.

5. На следующий день выученные слова и все сюжеты необходимо повторить еще раз.

Метод фонетических ассоциаций эффективен в условиях ограниченного количества времени. Система интенсивной языковой подготовки рассчитана на студентов, уже овладевших практическими навыками письма, хорошо овладевших фонетическим и грамматическими аспектами языка. Эта система не гарантирует стопроцентную эффективность для всех, успех зависит от способности студента к самоорганизации, его воображения, настроенности к учебе, желания участвовать в программе обмена.

Помимо получения образования, обучение в зарубежных вузах направлено на решение еще одной важной задачи – формирование мульти-

культурной личности, признающей культурный плюрализм и поддерживающий его. Подготовка студентов к участию в программах академической мобильности требует помощи и поддержки, которая реализуется в системе образовательных услуг вуза. Наличие комплекса отлаженных образовательных услуг по консультированию, помощи в подготовке документов, развитию языковых и межкультурных навыков снимает ряд проблем адаптации студентов в новой инокультурной образовательной среде.

Литература

1. Балицкая, И. В. Академическая мобильность как один из факторов профессионального туристского образования на Сахалине / И. В. Балицкая, Р. В. Якименко. – Казань : Казанский издательский Дом, – 2012. – № 3. – С. 77.
2. Дмитриева, Н. К. Академическая мобильность как личностное качество субъектов образовательного процесса / Н. К. Дмитриева //

Непрерывное образование: XXI век. – Вып. 4. – 2013. – Режим доступа : DOI: 10.15393/j5.art.2013.2165

3. Плужник, И. Л. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции студентов в процессе профессиональной подготовки / И. Л. Плужник. – М. : ИНИОН РАН, 2013. – 255 с.

4. Типы языковых курсов // Study abroad. 2013. – Режим доступа : http://studytr.com/ru/courses_types.html (дата обращения : 15.03.2013).

5. Furnham A., Bochner S. Social difficulty in a foreign culture: An empirical analyses. In S. Bochner (Ed.), Culture in Contact: Studies in Cress-Cultural interaction Oxford: Pergamon, 1982. – Pp. 161–198.

6. 10 reasons for studying in a foreign country // Dream FOUNDATION. – URL : <http://dreamfoundation.eu/pages/why/why> (дата обращения : 25.08.2016).

7. Ward C., Kennedy A. The measurement of sociocultural adaptation. International Journal of Intercultural relations. – 1999. – # 23. – Pp. 659–677.

ВЛИЯНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА КУЛЬТУРУ РОССИИ

Английский язык начал распространяться в мире еще в начале XVII века с появлением колонистов из Англии в Северной Америке. Чуть позже английский язык появился в Канаде. В XVIII веке английские поселения разместились в Австралии. В XIX веке английский язык проникает в Африку и Азию. В это же время в ряде регионов появляется *индийский английский*. Английский язык стал укореняться в культуре разных народов, впитывая в себя их языковую форму и культурное содержание. Распространение английского языка по странам и континентам, включая Европу, было связано с участием США во Второй мировой войне и ее итогами. Американская экономика превратилась в ведущую экономическую систему мира. Американский доллар стал использоваться в качестве главной накопительной валюты для государств, компаний и частных лиц. Именно в период после Второй мировой войны наметилась тенденция к глобализации английского языка и распространению американской культуры.

На планете появляется множество «английских языков», каждый из которых характеризуется не только лингвистическим своеобразием, но и проникает в иную культуру, взаимодействуя с другим языком и укореняясь в нем. Распространение английского языка в разных странах, включая Россию, становится сегодня заметным явлением и привлекает к себе внимание не только лингвистов, но и методистов. Все больше осознается необходимость обучать учащихся не британскому или американскому варианту английского языка, а именно тому региональному варианту, на котором реально требуется осуществлять общение, включая местные слова и выражения, региональные особенности грамматики, а также традиционный для конкретного сообщества речевой этикет. Заметно возросла культурная осведомленность российских учителей английского языка и учащихся о жизни и быте за рубежом.

Всего пару десятков лет назад некоторым россиянам мало что говорили слова типа *yoghurt, kiwi, ketchup, muesli*¹. Более новым явлением становится зависимость представлений об англий-

ском языке в России от географической близости к пограничным странам. Например, учащиеся южной Сибири имеют больше шансов общаться по-английски с китайцами и узнать английский язык в его «китайском варианте».

Учителя английского языка и школьники Дальнего Востока и Сахалина имеют практические представления о «японском английском». Учащиеся европейской части России больше ориентированы на британский и в меньшей степени на американский вариант английского языка. Английские слова калькируются, то есть буквально воспроизводятся в русском языке, например, *чипсы, хот-доги, дистрибьютор*². Калькирование нередко сопровождается изменением значения: *parole – пароль*. Семантическое калькирование состоит в том, что в русский язык переносится английская семантика и для этого меняется значение слова или создаются новые слова. Например, в русском языке слово *картина* стало означать «кинофильм» под влиянием английского слова *pictures*.

Особый интерес вызывает новое для русского языка включение английских слов в спонтанную устную речь. В русский речевой обиход вошли выражения типа *эксклюзивное интервью, инвестиция, аудиторская проверка*. В процессе письменной речи иногда даже сохраняется английская орфография (*MP3-плеер, CD-плеер, DVD* и др.) В русском языке появились слова: *файл, сервер, браузер, сканер, смайлик*. Академические степени «бакалавр» и «магистр» перестали быть экзотикой и стали реальностью российских университетов.

В России английский язык все больше ассимилируется, начиная функционировать как средство выражения особенностей не только иностранной, но и русской культуры. Например, ассимилировалось в русском языке слово *экин*, которое употребляется в контексте жанра искусства, где средством выражения является физическое действие. В русском языке все чаще наблюдаются новые для речевой культуры конструкции, например, *хит-парад, шоп-тур, реалити-шоу, фейс-контроль*. Ранее такие конструкции имели ограниченное распространение

(*царь-пушка, царь-колокол*). Всем понятными стали слова *ноу-хау, ноутбук, нетбук, кофемейкер, фреш, чипсы, сникерс*. Возникло не только слово *бойфренд*, но и относительно новое для России явление «гражданского брака». Появился даже искусственно сделанный императив «*Сникерсни!*» или выражение «*Давай поскайпимся!*».

Одной из особенностей русского варианта английского языка является его относительная упрощенность. Формальные правильные фразы более охотно запоминаются большинством учащихся, чем идиомы. Простые глаголы оказываются легче для усвоения, чем фразовые глаголы. Недостаточное знание фразовых глаголов и словосочетаний до сих пор ощущается не только в речи учащихся, но и у учителей. При этом нередко наблюдается несоответствие в значении некоторых словосочетаний и их ошибочное употребление. Например, «смешные цены» в русском языке – низкие цены, в то время как *ridiculous prices* в английском языке – высокие цены.

Многие английские слова становятся известными российским учащимся, студентам и специалистам, они узнают эти слова без словаря. Английские слова особенно легко узнаются в следующих сферах: информационные технологии (*file, server, browser, multimedia, scanner, printer*); экономика и бизнес (*leasing, investor, realtor, leasing, broker*); обществознание и политология (*security, establishment, impeachment, monitoring*); педагогика и образование (*campus, credit, bachelor, master*); шоу-бизнес и средства массовой информации (*thriller, casting, bestseller, hit, talk show, star galaxy*); сервис и торговля (*popcorn, cheeseburger, second-hand*)³ и многие другие.

Соприкосновение русского и английского языков осуществляется не только в «языковой», но и в «концептуальной» сфере, то есть посредством языка осуществляется обмен не только речевыми средствами, но и языковыми формами мировосприятия. Например, недавнее распространение в русском языке слова «вызов» (*challenge*) трансформировало это слово, которое стало ассоциироваться с ситуациями, требующими опережающей активности, самоутверждения, достижения личного успеха, победы в конкуренции, здорового авантюризма. Примером могут служить выражения типа «жизненные

вызовы», «глобальные угрозы и вызовы», «в ответ на эти вызовы» и др.

Анализ ассимиляции английского языка в России показывает, что этот процесс осуществляется достаточно активно и может влиять на методическую культуру, способствуя преодолению межъязыковых и межкультурных барьеров, создавая элементы иноязычной языковой среды для учащихся, ориентируя учителей на использование таких явлений, грамматических ассимиляций и межъязыковых заимствований в учебном процессе. Распространение элементов английского языка влияет на узнаваемость английских слов и речевых структур учащимися, а также облегчает их понимание и усвоение. Во всяком случае, грамматическое окончание *-ing* уже не столь ново для российских школьников, знакомых со словами *серфинг, шейпинг, бодибилдинг, прессинг, шопинг, тьюнинг, пирсинг, боулинг, лифтинг* и др.

В результате обучения английскому языку в России появляется возможность обращаться к случаям языковых заимствований и грамматических ассимиляций для объяснения и преподавания явлений английского языка российским учащимся. Раньше такие возможности были ограничены интернациональными словами. Русский язык, как и любой другой язык на планете, сопротивляется проникновению чужого языка в свою среду, и одним из характерных явлений можно считать несоответствие значений одних и тех же слов в английском и русском языках. Например: *academic – ученый*, а не *академик*, *herb – трава*, а не *герб*, *magazine – журнал*, а не *магазин* и многие другие. В России наполняются новым смыслом некоторые английские слова, например, *брутальный* означает мужественность, но не жестокость. Слово *гламур* в современном русском языке относится к роскошному стилю жизни, высокой моде, глянцевым журналам, а в английском языке это слово означает *шарм* и *обаяние*. Подобные случаи требуют сегодня повышенного внимания в обучении английскому языку российских учащихся, погруженных в языковую среду «русского английского языка».

Таким образом, ассимиляция английского языка в России и иных культурах оказывает влияние на языковую среду и, следовательно, на методическую культуру его преподавания.

¹ Мильруд, Р. П. Методическая культура: переключение кодов / Р. П. Мильруд // Просвещение. Иностранные языки. – № 3. – 2012. – С. 12.

² Там же. – С. 13.

³ Murray, N. English as a Lingua Franca and the Development of Pragmatic Competence. ELT Journal. Oxford University Press. – № 3. – 2012. – P. 111.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПЛАНИРОВАНИЮ ШКОЛЬНОГО УРОКА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ФГОС НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Сегодня обучение становится той универсальной категорией, которая сопровождает человека на протяжении всей его жизни. Известные американские педагоги Гордон Драйден и Джаннет Восс в своей книге «Революция в обучении» пишут о том, что существующую модель обучения должна заменить модель индивидуального подхода к обучению. Эта модель должна базироваться на принципах познавательной психологии: обучение через самостоятельные открытия, осмысление понятий, активное участие в процессе обучения и адекватная оценка собственных достижений.

Меняются цели и содержание образования, требования к результатам; появляются новые технические средства и технологии обучения, а урок, оставаясь основной дидактической единицей образовательного процесса, должен обеспечить развитие качеств выпускника, отвечающих требованиям современного общества.

В соответствии с учебным планом и графиком учебного процесса студенты направления «Педагогическое образование» проходят педагогическую практику в школе в течение двух месяцев на четвертом курсе обучения. В настоящей статье мы попытаемся остановиться на основных изменениях в школьных стандартах, которые необходимо учитывать при планировании урока, выделим проблемы студентов, проходящих педагогическую практику в школе.

В области образования действуют национальные стандарты, в которых закрепляются цели воспитания и образования. Благодаря стандартам образования в сочетании со средствами педагогического измерения появляется возможность оценить качество образования, его прогресс. Стандарты образования не остаются «застывшими». По мере прогресса общества они изменяются, что фиксируется в законодательных документах. Образовательные стандарты России обновляются, разрабатываются раз в 10 лет, утверждаются Правительством в установленном порядке, закреплены в нашей стране конституционно.

Главный смысл разработки ФГОС второго поколения заключался в создании условий для решения задачи развития российского образова-

ния – повышение качества образования, достижения новых образовательных результатов.

В стандартах предлагается новое понимание понятия «образовательные результаты», которые могут быть использованы при решении значимых для личности проблем. Конечным образовательным результатам соответствуют **личностные** (сформированные у учащихся основы гражданской идентичности, овладение навыками адаптации в динамично развивающемся мире, в целом сформированность у учащихся социальных компетенций), **метапредметные** (овладение навыками постановки целей, задач, поиска средств выполнения заданий, планирования, самоконтроля и самооценки; овладение УУД межпредметного значения) и **предметные результаты** (которые включают овладение учащимися системными языковыми знаниями и представлениями, сформированность коммуникативной компетенции и ее составляющих).¹

Федеральный компонент ФГОС устанавливает:

- обязательный минимум содержания основных образовательных программ;
- требования к уровню подготовки выпускников;
- максимальный объем учебной нагрузки обучающихся, а также нормативы учебного времени.

Сегодня под стандартом понимается система требований: требования к результатам освоения основных образовательных программ, требования к их структуре, требования к условиям их реализации. Эти требования существенным образом влияют на организацию деятельности системы образования. Требования к результатам освоения основных образовательных программ являются основой для проведения итоговой аттестации выпускников и аккредитации образовательных учреждений. Требования к структуре основных образовательных программ – это требования к организации образовательного процесса. Это базисный учебный план, примерные программы, которые включают в себя планируемые результаты, программы внеурочной деятельности, программу воспитания и социализации. То есть огромное количество документов, обеспечивающих достижение планируемых результатов. Требования к усло-

виям реализации основных образовательных программ – это совокупность регламентов и нормативов, которые обеспечивают успешное функционирование ОУ.

К результатам, которые подлежат проверке и аттестации, по концепции ФГОС, относятся:

- 1) научные знания и представления;
- 2) умения учебно-познавательной, исследовательской, практической деятельности, обобщенные способы деятельности;
- 3) коммуникативные и информационные умения;
- 4) умение оценивать объекты окружающей действительности;
- 5) способность к контролю и самоконтролю;
- 6) способность к творческому решению учебных и практических задач (то есть метапредметные и предметные образовательные результаты).

Федеральный компонент – основная часть государственного стандарта общего образования. Он структурирован по ступеням общего образования: начальное общее, основное общее, среднее (полное) общее образование; внутри ступеней – по учебным предметам. Цели общего образования конкретизируются на каждой его ступени и по отдельным учебным предметам.

Федеральный компонент Федерального государственного стандарта среднего (полного) общего образования представлен на базовом и профильном уровнях. Обязательный минимум представлен в форме набора предметных тем, включаемых в основные образовательные программы. Обязательный минимум представлен в двух форматах:

1. Содержание, изучение которого является объектом контроля и оценки в рамках итоговой аттестации выпускников.
2. Содержание, которое подлежит изучению, но не является объектом контроля и не включается в требования к уровню подготовки выпускников.

А требования к уровню подготовки выпускников – это результаты освоения выпускниками обязательного минимума федерального компонента Государственного стандарта общего образования, необходимые для получения государственного документа о достигнутом уровне общего образования. Методологической основой Стандарта является системно-деятельностный подход, который обеспечивает²:

- формирование готовности обучающихся к саморазвитию и непрерывному образованию;
- проектирование и конструирование разви-

вающей образовательной среды образовательного учреждения;

- активную учебно-познавательную деятельность обучающихся;
- построение образовательного процесса с учетом индивидуальных, возрастных, психологических, физиологических особенностей и здоровья обучающихся.

Требования задаются в деятельностной форме. Деятельностный подход необходим для формирования у учащихся соответствующих практических компетенций.

ФГОС НОО был утвержден в 2009 году, вступил в силу 1 сентября 2011 года, и с этого момента официально начался переход на новые стандарты. ФГОС ООО был утвержден в 2010 году. ФГОС С(П)ОО утвержден в 2012 году и начнет действовать в полной мере с 2020 года.

Современный урок должен соответствовать запросам государства, то есть должен готовить учащегося к жизни в высокотехнологичном конкурентном мире. Рассмотрим критерии и показатели анализа урока с позиций требований ФГОС³.

1. *Соответствие структуры урока положениям системно-деятельностного подхода:* наличие мотивационного, операционального и рефлексивно-оценочного этапов, участие обучающихся в целеобразовании, планировании, поисковой деятельности по открытию нового знания, осуществление самоконтроля, самооценки, корректирующих действий.

2. *Направленность деятельности обучающихся на формирование универсальных учебных действий:* познавательных, регулятивных, коммуникативных, личностных.

3. *Технологичность структуры урока:* диагностичность целей и задач, адекватность всех компонентов целям урока, соответствие целей результатам, критериальная оценка результата, строгая логика действий учителя и учащихся.

4. *Оптимальный отбор содержания:* ценностные ориентиры, научность, доступность, отражение межпредметных связей, практическая направленность, достаточность и необходимость объема для изучения.

Признаки системно-деятельностного подхода в учебной деятельности:

– ориентация на обеспечение целостности учебной деятельности (наличие основных компонентов учебной деятельности: ценностно-смыслового, операционально-познавательного, контрольно-оценочного, рефлексивного);

¹ Крылова, О. Н. Новая дидактика современного урока в условиях введения ФГОС ООО : методическое пособие / О. Н. Крылова, И. В. Муштавинская. – СПб. : КАРО, 2014. – С. 16.

² Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. – М. : Просвещение, 2011. – С. 5.

³ Крылова, О. Н. Новая дидактика современного урока в условиях введения ФГОС ООО : методическое пособие / О. Н. Крылова, И. В. Муштавинская. – СПб. : КАРО, 2014. – С. 26.

- наличие заданий на выявление эмоционально-ценностного отношения обучающихся (значимость воспитательного аспекта урока);
- ориентация на зону ближайшего развития обучающихся;
- значимость развития теоретического мышления;
- проблематизация учебной задачи, организация поиска способа решения;
- значимость учебного действия моделирования;
- ориентация на развитие самостоятельности, передача ответственности за осуществление учебной деятельности ученику;
- значимость роли педагога как источника психологической поддержки обучающегося;
- организация диалога/полилога;
- организация разных форм обучения (индивидуальная, групповая, парная);
- организация коллективно-распределительной деятельности (совместной) детей;
- значимость фиксации индивидуального прогресса обучающегося;
- ориентация на позитивную обратную связь в процессе обучения;
- использование ошибки для углубления знаний.

Реализация технологии деятельностного метода в практическом преподавании обеспечивается следующей системой дидактических принципов (Петерсон Л. Г.)⁴:

1. Принцип деятельности заключается в том, что ученик, получая знания не в готовом виде, а, добывая их сам, осознает при этом содержание и формы своей учебной деятельности, понимает и принимает систему ее норм, активно участвует в их совершенствовании, что способствует активному успешному формированию его общекультурных и деятельностных способностей, общеучебных умений.
2. Принцип непрерывности означает преемственность между всеми ступенями и этапами обучения на уровне технологии, содержания и методик с учетом возрастных психологических особенностей развития детей.
3. Принцип целостности предполагает формирование учащимися обобщенного системного представления о мире (природе, обществе, самом себе, социокультурном мире и мире деятельности, о роли и месте каждой науки в системе наук).
4. Принцип минимакса заключается в следующем: школа должна предложить ученику воз-

можность освоения содержания образования на максимальном для него уровне (определяемом зоной ближайшего развития возрастной группы) и обеспечить при этом его усвоение на уровне социально безопасного минимума (государственного стандарта знаний).

5. Принцип психологической комфортности предполагает снятие всех стрессообразующих факторов учебного процесса, создание в школе и на уроках доброжелательной атмосферы, ориентированной на реализацию идей педагогики сотрудничества, развитие диалоговых форм общения.

6. Принцип вариативности предполагает формирование учащимися способностей к систематическому пересмотру вариантов и адекватному принятию решений в ситуациях выбора.

7. Принцип творчества означает максимальную ориентацию на творческое начало в образовательном процессе, приобретение учащимся собственного опыта творческой деятельности.

Критерии результативности урока включают в себя⁵:

1. Цели урока основываются на передаче функции от учителя к ученику.
2. Учитель систематически обучает детей осуществлять рефлексивное действие (оценивать свою готовность, обнаруживать незнание, находить причины затруднений и т. п.)
3. Используются разнообразные формы, методы и приемы обучения, повышающие степень активности учащихся в учебном процессе.
4. Учитель владеет технологией диалога, обучает учащихся ставить и адресовать вопросы.
5. Учитель эффективно (согласно цели урока) сочетает репродуктивную и проблемную форму обучения, учит детей работать по правилам и, в то же время, творчески.
6. На уроке задаются задачи и четкие критерии самоконтроля и самооценки (происходит специальное формирование контрольно-оценочной деятельности у обучающихся).
7. Учитель добивается осмысления учебного материала всеми учащимися, используя для этого специальные проемы.
8. Учитель стремится оценивать реальное продвижение каждого ученика, поощряет и поддерживает минимальные успехи.
9. Учитель специально планирует коммуникативные задачи урока.
10. Учитель принимает и поощряет выражаемую учеником собственную позицию, иное мнение, обучает корректным формам их выражения.

11. Стиль, тон отношений, задаваемый на уроке, создает атмосферу сотрудничества, сотворчества, психологического комфорта.

12. На уроке осуществляется глубокое личностное воздействие «учитель – ученик» (через отношения, совместную деятельность и т. д.).

13. Реализация СДП обучения опирается на методы: активные, интерактивные, исследовательские, проектные.

В основе творческого труда учителя находится, прежде всего, умение анализировать свою педагогическую деятельность. Вместе с тем самой распространенной и характерной для педагога трудностью является диагностика уровня развития собственной педагогической деятельности. Причина заключается в несформированности умений анализировать свою работу, в результате чего учителя не всегда понимают закономерности ее протекания и взаимосвязь отдельных ее сторон.

Представляется важным отметить несколько моментов, которые акцентируют роль рефлексии в профессиональной деятельности:

- 1) рефлексия необходима при освоении профессиональной деятельности;
- 2) на ее основании осуществляется контроль и управление процессом усвоения;
- 3) рефлексия необходима при изменении условий профессионально-образовательной деятельности;
- 4) она является одним из основных механизмов развития самой деятельности.

Под *педагогической рефлексией* понимается сложный психологический феномен, проявляющийся в способности учителя исследовать отношение к своей деятельности и к себе как ее субъекту с целью критического анализа, осмысления и оценки ее эффективности для развития личности ученика.

Выделяют следующие функции рефлексии⁶:

- диагностическую – выявление уровня взаимодействия; между участниками педагогического процесса, уровня эффективности данного взаимодействия, отдельных педагогических средств;
- проектировочную – предполагает моделирование, проектирование предстоящей деятельности, взаимодействия, целобразование в деятельности;
- организаторскую – выявление способов и средств организации продуктивной деятельности и взаимодействия;
- коммуникативную – рефлексия как условие продуктивного общения педагога и воспитанника;
- смысловую – формирование в со-

знании участников педагогического процесса смысла их собственной деятельности, смысла взаимодействия;

- мотивационную – определение направленности и целевых установок деятельности;
- коррекционную – побуждение участников педагогического процесса к корректировке своей деятельности, осуществляемого взаимодействия.

Педагогическая рефлексия в качестве необходимого условия преобразования деятельности:

- обеспечивает осознанное отношение субъекта к совершаемой деятельности. Детерминирует продуктивные и инновационные качества творческого мышления;
- осуществляет системную целостную регуляцию педагогической деятельности, что проявляется в индивидуальном стиле деятельности;
- влияет на уровень профессионализма, педагогического мастерства, что проявляется в способности субъекта к постоянному личностному и профессиональному самосовершенствованию и творческому росту на основе психологических механизмов самоанализа и саморегуляции;
- повышает продуктивность педагогической деятельности;
- предохраняет педагога от профессиональной деформации, позволяет преодолевать стереотипность профессионального мышления.

Развитие педагогической рефлексии в качестве значимого механизма преобразования педагогической деятельности требует создания специальных условий. Нельзя развивать рефлексивные умения прямыми методами обучения, как бы увлекательно и эмоционально методисты и преподаватели ни демонстрировали все ее преимущества.

Рефлексия – это не информация, и ее нельзя «взять и передать», ее можно лишь стимулировать, развивать, повышать. Обучение рефлексии чрезвычайно важно для умственного воспитания человека.

Методика организации рефлексии на уроке включает:

1. Прекращение предметной деятельности.
2. Воспроизведение последовательности выполненных действий.
3. Анализ последовательности и содержания действий.
4. Формулировка результатов.
5. Проверка гипотез во время последующей деятельности.

Среди важных условий развития рефлексивных навыков и умений можно выделить следующие⁷:

⁴ Петерсон, Л. Г. *Требование к составлению плана урока по дидактической системе деятельностного метода* / Л. Г. Петерсон, М. А. Кубышева. – М.: Академия, 2006. – С. 106.

⁵ Крылова, О. Н. *Новая дидактика современного урока в условиях введения ФГОС ООО: методическое пособие* / О. Н. Крылова, И. В. Муштавинская. – СПб.: КАРО, 2014. – С. 37.

⁶ Садкина, В. И. *101 педагогическая идея. Как создать урок* / В. И. Садкина. – Ростов н/Д.: Феникс, 2015. – С. 45.

⁷ Афанасьева, Н. В. *Развитие педагогической рефлексии как условие реализации новых образовательных стандартов* / Н. В. Афанасьева // *Источник*. – 2012. – № 1. – С. 23.

ВЫЯВЛЕНИЕ И АНАЛИЗ ФОНЕТИЧЕСКИХ ТРУДНОСТЕЙ У КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

1. Специально организованная рефлексивная деятельность педагогов. При этом построение и организация деятельности опирается на четкое и однозначное содержание понятий и категорий.

2. Наличие рефлексивной среды и рефлексивного сообщества. Создание системы условий для самоисследования и самокоррекции профессиональных ресурсов предполагает использование активных, диалогических форм. Организуется работа со смыслами, ценностями педагогической деятельности (моделирование мини-уроков с последующим самоанализом и обсуждением в группе (паре), ориентация на методы рефлексивной диагностики, психологически безопасная диагностика профессиональных качеств и др.).

3. Обеспечение партнерских отношений в профессиональной группе, где реализуется сотрудничество, сотворчество, активизация отношений между участниками рефлексивной деятельности.

4. Актуализация рефлексивности педагога предполагает появление возможности посмотреть на свою деятельность со стороны, с позиции другого человека, преодолеть педагогический эгоцентризм, стереотипность восприятия.

Особые возможности в развитии педагогической рефлексии имеет психологическое сопровождение образовательной деятельности. Порядок командной работы, в которую в этом случае входит педагог-психолог, может быть следующим.

1 шаг – договор на предстоящую работу, совместное определение целей и задач работы. К примеру, выявить цели и задачи формирования личностных универсальных учебных действий (УУД) в средней школе. Этой работе может предшествовать семинар, практикум по анализу опыта работы школы или конкретного педагога с позиции целевых ориентаций новых стандартов (или конкретного УУД). Проблематизация деятельности. Выделение наиболее значимых проблем и одновременно поиск ресурсов по их разрешению. Определение рабочих понятий, уточнение отношения учителя к недостаточно освоенным и неоднозначно трактуемым понятиям.

2 шаг – операционализация понятий, выбор или построение рефлексивной схемы. Она служит «канвой» для анализа и отслеживания педагогом своих действий в нужном, требуемом направлении, дает возможность постепенного

исследования собственной деятельности с позиции выбранных целевых ориентаций. К примеру, рефлексивная схема, где фиксированы условия развития внутренней мотивации, служит основой для оценки учителем собственной образовательной деятельности на уроке в этом направлении.

3 шаг – организация деятельности, наблюдение и супервизия ее психологом, другими педагогами.

4 шаг – самоанализ деятельности самим педагогом с опорой на рефлексивную схему. Выделение успешно решенных задач, переопределение нерешенных в позитивные цели.

5 шаг – при удовлетворительном решении данной проблемы переход к задачам другого уровня, выбор новой рефлексивной схемы.

Типичные ошибки студентов-практикантов при планировании и проведении урока:

- неправильная формулировка цели и задач урока;
- несоответствие цели урока планируемому результату;
- отсутствие проблемных заданий на разных этапах урока;
- посвящение всего урока грамматическому времени или явлению;
- неумение формулировать коммуникативную задачу и мотивировать учащихся к выполнению задания;
- нарушение последовательности отработки материала и его применения;
- наличие грамматических, фонетических, лексических ошибок в речи студента-практиканта;
- отсутствие рефлексии на уроке;
- отсутствие комментирования домашнего задания.

Таким образом, главная задача, которая возникла перед педагогами XXI века, – научить, как учиться и как мыслить (независимо от возраста), как применять знания для решения любой жизненной и производственной проблемы. Студентам-практикантам необходимо обратить внимание на тот факт, что на уроке должны формироваться навыки самостоятельного и критического мышления, творческое мышление, а также умение работать с информацией, учиться и работать в коллективе.

На начальном этапе изучения русского языка как иностранного важным для учащихся является овладение артикуляционной базой русского языка. На начальном этапе необходимо развивать слухопроизносительный навык, который рассматривается как базовый для формирования всех видов речевой деятельности. Без фонетических навыков не может быть полноценной коммуникации.

Одной из основных проблем, которая возникает при овладении фонетикой русского языка, является отсутствие навыков правильного восприятия и различения звуков.

С целью выявления и анализа типичных ошибок у китайских студентов был проведен диктант, поскольку диктант является одним из средств обучения, отражающий степень усвоения русского языка учащимися. Для диктанта была выбрана звукозапись новостей, приближающаяся к нейтральному стилю, о проведении конкурса журналом «Огонек». Материалом для фонограммы послужил текст из тренировочных тестов Международного экзамена по определению уровня владения русским языком (ТРКИ). От китайских студентов требовалось при слушании содержания звукозаписи записать пропущенные слова.

Задание. Прослушайте звукозапись и заполните пропуски.

У российских болельщиков появилась уникальная 1: назвать двух лучших спортсменов, участвовавших в зимних Олимпийских играх 2006 года. Одного 2 из олимпийской хоккейной команды, второго – из представителей других видов спорта в олимпийской команде.

Это произойдет 3 конкурса «Олимпийская звезда России – 2006», организованного журналом «Огонек». «Огонек» будет 4, если конкурс привлечет к олимпийским трансляциям по телевидению новых 5. Решать, кто станет победителем конкурса, будет не только совет 6, в которое войдут профессиональные спортсмены, 7 спорта, тренеры и спортивные журналисты, но и обычные 8. Основой для оценки станут результативность, спортивное мастерство, 9, смелость и благородство спортсменов. Спортсмены, которые наберут наибольшее

10 баллов, получают подготовленные организаторами конкурса призы – 11 «Мерседес»¹.

Таблица 1

Результаты эксперимента по выявлению типичных ошибок при изучении русского языка как иностранного у китайских студентов

№	Правильные слова	Ошибки
1.	Возможность	вазможность, восможнасть, восмонасть
2.	Выберут	выберли, выбер
3.	В рамках	нормых, ворамках
4.	Счастлив	щаслив, часли, печатан, счасо
5.	Фанатов	ваннах, фаналов, фонах
6.	Жюри	жури, чжури
7.	Ветераны	литеральные, витеранты, вытяаны
8.	Болельщики	полещики, боречны, болещик
9.	Воля к победе	воль в победители, болетповидели, полеровидие
10.	Количество	коричества, каличества
11.	Автомобили	автобили, автомобиль, архатири, автомомили

Результаты эксперимента позволили выявить следующие наиболее типичные ошибки:

1) безударные гласные под влиянием позиционных изменений («вазможность», «витерань», «каличество»);

2) неразличение глухих и звонких согласных («ванаты» вместо «фанаты», «полельщики» вместо «болельщики»);

3) стечение согласных («часли» и «щаслив» вместо «счастлив»);

¹ Центр подготовки и тестирования иностранных граждан по русскому языку МГУ им. М. В. Ломоносова [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – М., 2013. – Режим доступа : <http://russian-test.com>. – Загл. с экрана.

4) многосложные слова («попелушки» вместо «болельщики», «автобали» вместо «автомобили»);
5) неразличение согласных, которые существуют в русском языке и отсутствуют в китайском («чжури» вместо «жюри»).

Теперь попытаемся разобраться, почему появляются данные ошибки и выявим фонетические, а именно слухопроизносительные, трудности, возникающие при изучении русского языка как иностранного китайскими студентами.

Одним из важных факторов, влияющих на степень успешности усвоения иностранного (неродного) языка является сопоставление языков (родного и изучаемого) с целью выяснения их различий. Для выявления фонетических трудностей, возникающих при изучении русского языка как иностранного китайскими студентами, необходимо описать слова в русском и китайском языках с точки зрения фонетики. Однако прежде чем говорить о таких единицах, необходимо учитывать типологические особенности каждого языка.

По типологическим характеристикам русский и китайский языки классифицируются по-разному: русский язык относится к флективному типу, китайский – к изолирующему. Эти два языка часто приводят в пример как языки противоположных типов. Для языка флективного строя характерна развитая морфологическая грамматика, основанная на понятии словоформы и на особенно тесном соединении элементов слова в одно целое (фузия)². Изолирующий строй языка во всем отличается от флективного.

Можно выделить следующие основные черты китайской изоляции.

Ни одна форма слова в китайском языке не используется для выражения синтаксических отношений между словами и не маркирует синтаксическую роль слова.

Из-за отсутствия согласования и морфологически выраженного управления все формы слова показывают полную независимость в речи друг от друга.

В китайском языке почти полностью отсутствуют связи между формой слова и его функциональным использованием, а также между формой слова и синтаксической сочетаемостью.

Сравнение грамматического строя русского и китайского языков приводит к выводу, что такие понятия, как изоляция и флексия, разноплановы.

Резкое отличие между двумя языками наблюдается в сфере аффиксальной морфологии. Русский язык богат словообразовательными и словоизменительными аффиксами (приставками, суффиксами, окончаниями), в китайском языке

окончаний нет вообще, а приставок и суффиксов незначительное количество. Например, приставка ди (第dì) образует порядковые числительные от количественных: и (一yī) – «один», ди и (第一dì yī) – первый; суффикс мэнь (们men) выражает множественное число одушевленных существительных: лаоши (老师lǎoshī) – учитель, лаоши-мэнь (老师们lǎoshīmen) – учителя. Однако употребление этого суффикса не обязательно, он используется тогда, когда необходимо подчеркнуть множественность, отсюда и допущенные ошибки в ходе эксперимента («автомобиль» вместо «автомобили», «болельщик» вместо «болельщики»).

Эти примеры свидетельствуют о различиях в грамматическом строе и в характере слова в русском и китайском языках.

Поскольку русский и китайский принадлежат к разным группам, то и структура слова организована по-разному. Этим во многом обусловлены трудности, возникающие у китайцев при овладении фонетической системой русского языка.

Существенным отличием китайского языка от русского являются различия в количественной и качественной характеристике элементарных единиц³. Для европейских языков, в том числе и русского, единицами языкового мышления являются звуки (т. е. фонемы) в структуре слова, а также словосочетания и предложения. Так как в китайском языке отсутствуют развитые морфологические категории и нет словоизменения, то для данного языка неактуально понятие словоформы, в отличие от русского языка, где основной единицей морфологии и синтаксиса является словоформа. Именно по этой причине китайским студентам трудно осознать, что русское слово может делиться на незначимые части – слоги, которые не совпадают с морфемами.

Слова китайского языка состоят из одного или нескольких слогов, при этом каждый слог имеет лексическое и грамматическое значение. В русском же языке слог не имеет никакого значения (если слог не равен слову, например, в таких словах как «мы», «вы» и др.).

В китайском языке последовательность звуков в слог строго закономерна. Отдельные звуки, входящие в состав китайского слога, размещаются в строгом порядке. Каждый звук занимает фиксированное место в слог. Структура китайского слога полного состава такова: на первом месте всегда стоит согласный звук, за ним следует неслогообразующий гласный, затем слогаобразующий гласный, в конце слога находится конечный полугласный или носовой сонант (n, ng)⁴.

Например, в слог *duan* на первом месте стоит начальный согласный *d*, на втором месте неслогообразующий гласный *u*, на третьем – слогаобразующий гласный *a*, в конце слога – носовой сонант *n*.

В отличие от китайского языка в русском языке последовательность звуков в слог достаточно разнообразна. Слог может начинаться как с согласного звука, так и с гласного; за гласным звуком может следовать один или несколько согласных звуков; почти любой звук может находиться в конце слога.

Русский и китайский слоги также отличаются и по количеству звуков в одном слог. В китайском слог количество звуков не превышает четырех, в русском языке слог может состоять из разного количества звуков.

В слог китайского языка могут быть дифтонги и трифтонги, то есть сочетания двух и более гласных одновременно. В русском языке такое сочетание гласных не наблюдается. Так как русский язык относится к консонантному типу языков, то по правилам сочетаемости звуков в каждом слог русского языка может быть только один гласный. Сочетания гласных в словах встречается, но эти сочетаемые гласные принадлежат разным морфемам.

При этом русский слог может содержать сочетания согласных звуков, что недопустимо в слог китайского языка. Например, сочетания трех и более согласных в словах *здравствуйте*, *всхрап*, *всплеск* чужды структуре слога китайского языка. Вследствие этого различие степеней согласных составляет большую трудность для китайских учащихся.

Кроме того, значительную проблему в овладении фонетическими навыками русского языка китайскими студентами представляет русское ударение, поскольку русский язык характеризуется как акцентный язык, в котором мелодические характеристики не используются на уровне слоговой и словесной просодии. В китайском же языке ударение основано на моделировании тона, соотносится со слогом и несет смысловозначительную роль. В русском слог нет тона, но присутствует ритм, обусловленный выделением ударного слога. В китайском языке отсутствует явление ударности и безударности, и все гласные произносятся одинаково отчетливо⁵. Следовательно, достаточно сложно обстоит дело с безударными гласными в русском языке, которые находятся в слабой позиции, и в потоке речи трудны для различения.

Именно поэтому различие безударных гласных и место ударения вызывает определенные трудности для китайцев. Более того, они часто тонируют слоги русского слова, игнорируя ударение, что нарушает коммуникацию.

Большой процент ошибок допускается в различии между глухими и звонкими согласными. В русском языке согласные стоят в оппозиции, делятся на глухие и звонкие. В китайском языке такого явления нет. Согласные разделяются только на глухие придыхательные и глухие непридыхательные⁶. Поэтому китайским учащимся трудно формировать навыки различия глухих и звонких согласных, и они часто путают глухие согласные со звонкими согласными.

Чередования звуков русского языка также вызывают трудности у китайских студентов. Для китайского языка не актуальны морфологические чередования. Например, для русских слов *друг*, *дружеский* характерно чередование *г/ж*, для группы слов *молоко*, *молочный* и *река*, *речной* – чередование *к/ч*, в китайском языке такая ситуация исключена, поскольку структура китайского языка определяется спецификой строения слога-иероглифа.

Проведенный эксперимент и произведенный анализ выявления ошибок, возникающих при овладении китайскими студентами русским языком как иностранным, позволяют акцентировать внимание на следующих моментах:

1. Представление структуры русского слова в его буквенно-слоговой и морфемной специфике. Дифференциация функций слога и морфемы.

2. Обучение осознанию значения русского слова из суммы ядерной и периферийных морфем (дом – дом-ов-ой; стол – стол-ов-ая и т. п.).

3. Овладение акцентно-ритмической структурой русского слова, в котором ударный слог несет информацию о том, как будут реализовываться гласные предупредительных и заударных слогов в речевом потоке.

4. Понимание значимости фонетических процессов – ассимиляции и диссимиляции – для правильного произношения слов, предложных сочетаний в структуре синтагмы, фразы и предложения.

5. Осознание специфики русской транскрипции для правильного воссоздания фонетического облика русского слова.

Это далеко не весь перечень проблем, от которых зависит успешное овладение фонетическими навыками русского языка как иностранного китайскими студентами.

² Лю, Ли. Фонетическая структура русского слова в преподавании русского языка китайцам : дис. ... канд. филол. наук / Лю Ли. – М., 2004. – С. 17.

³ Богдан, Г. Т. О китайском языке / Г. Т. Богдан. – Челябинск : изд-во ЧГТУ, 1996. – С. 18.

⁴ Спешнев, Н. А. Введение в китайский язык: фонетика и разговорный язык / Н. А. Спешнев. – СПб. : КАРО, 2004. – С. 9.

⁵ Новикова, А. К. Преподавание русского языка в Китае: этнометодические и этнокультурные особенности / А. К. Новикова // Вестник РУДН, серия Вопросы образования: языки и специальность. – 2011. – № 1. – С. 70.

⁶ Богдан, Г. Т. О китайском языке / Г. Т. Богдан. – Челябинск : изд-во ЧГТУ, 1996. – С. 18.

КОНТАМИНИРОВАННОЕ СЛОВО В СТРУКТУРНОМ И ПЕРЕВОДЧЕСКОМ АСПЕКТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

В настоящее время контаминация является одним из активных способов словообразования в английском языке. Слова-контаминанты широко используются во всех сферах жизнедеятельности англоязычного сообщества, особенно в языке СМИ. В связи с этим возникает острая необходимость в разработке принципов перевода контаминированной лексики, поскольку, ввиду структурных и семантических особенностей, перевод данных слов может вызывать определенные трудности.

Прежде всего, необходимо определить значение термина «контаминация», так как в лингвистической литературе, с одной стороны, можно встретить различные синонимичные наименования (блендинг, телескопия, аппликация, амальгамация, стяжение, словослияние), а с другой – различные трактовки этого термина. В рамках данной статьи контаминация рассматривается на лексическом уровне как самостоятельный способ словообразования путем объединения элементов других лексических единиц (как правило, двух), при этом фиксируется наложение компонентов слов-источников и / или усечение как минимум одного из компонентов до морфемного осколка, то есть неполной морфемы.

Предложенное определение отличает контаминацию от других способов образования сложных слов, в частности, от словосложения. При словосложении происходит соединение двух или более основ / корней слов-источников, при этом входящие в состав морфемы представлены целиком, без их усечения или наложения, допустимо лишь наличие соединительных графем или дефиса. Поэтому, например, такие существительные, как *airplane* (*air* + *plane*), *armchair* (*arm* + *chair*), *twin-house* (*twin* + *house*), образованы путем словосложения, а слова *airphoria* (*air* + *euphoria*), *chofa* (*chair* + *sofa*), *twindow* (*twin* + *window*) являются контаминантами.

Что же касается комплексного сокращения, выделяемого некоторыми лингвистами в самостоятельный способ словообразования, то, думается, данный способ следует считать скорее разновидностью контаминации (подобной точки зрения придерживаются Дж. Алджео, Д. Данкс, Р. Фишер и др.). Комплексные сокращения состоят из начальных элементов слов-источников, которые представляют собой морфемные осколки, что не противоречит приведенному опреде-

лению контаминации, а значит может рассматриваться как ее частный случай.

Анализ структурных особенностей контаминированных слов предполагает создание структурной классификации. Однако прежде необходимо определить, какую форму слова анализировать: звуковую или графическую. Комплексный анализ обеих форм вряд ли приведет к созданию непротиворечивой классификации из-за возникновения большого количества спорных случаев. К примеру, в таких контаминантах, как *truemors* (*true* + *rumors*), *quicktory* (*quick* + *dictionary*), *doughtel* (*dough* + *hotel*) наложение компонентов отсутствует, если рассматривать их графический состав, но присутствует, если принимать во внимание их звучание.

В данной статье структура контаминированных слов рассматривается с позиции их написания, поскольку это позволяет четче обозначить границы между элементами или место их соединения. К тому же, подобный подход позволяет избежать некоторых спорных моментов. Так, например, если рассматривать структуру контаминанта *puritea* (*purity* + *tea*), основываясь на его звучании, то сложно сделать вывод о том, имеет ли место усечение первого компонента. С одной стороны, в исходном слове *purity* конечная фонема краткая, в контаминанте же на конце по правилам произношения сложных слов она должна быть долгой. Следовательно, первый компонент является морфемным осколком. С другой стороны, поскольку данная позиция является безударной, в связной речи нередко происходит редукция конечного гласного. В таких случаях произношение контаминанта будет совпадать со звуковой формой первого исходного слова.

Спорные случаи возникают и при наличии нескольких вариантов произношения одного и того же слова. К примеру, слово *obesity*, являющееся одним из слов-источников контаминанта *globesity* (*global* + *obesity*), может начинаться как с дифтонга [эу], так и с монофтонга [э]. Соответственно, в первом случае в структуре контаминанта оно представлено целиком, а во втором – морфемным осколком.

Итак, в основу представленного ниже анализа графической структуры контаминированных слов положена структурная классификация, предложенная Н. А. Лавровой, но с некоторыми

изменениями¹. Н. А. Лаврова, в свою очередь, опиралась на классификации, изложенные в трудах Л. Бауэра, Дж. Алджео, Р. Фишер и С. Гриса.

В первую очередь, представляется целесообразным выделить две группы контаминантов в зависимости от того, присутствует ли в их структуре наложение компонентов слов-источников. Затем каждую группу следует разделить на подгруппы, исходя из целостности входящих в их состав компонентов, которые могут быть представлены либо полным словом, либо морфемным осколком. В результате, отобранный для исследования материал распределился по следующим группам (группы расположены в порядке убывания численности; в скобках указано процентное соотношение, при этом следует заметить, что в группах 1 и 2 приводится процент от общего количества исследуемых контаминантов, в подгруппах же процент вычислялся от общего количества контаминантов в группе; после каждой группы для наглядности приведено несколько примеров).

1. Контаминанты с наложением компонентов слов-источников (68 %)

1) морфемный осколок + морфемный осколок (39 %)

diabesity (*diabetes* + *obesity*)

labradoodle (*labrador* + *poodle*)

jeggins (*jeans* + *leggings*)

2) слово + морфемный осколок (26 %)

fruitarian (*fruit* + *vegetarian*)

sunsitive (*sun* + *sensitive*)

socking (*sock* + *stocking*)

3) морфемный осколок + слово (23 %)

globesity (*global* + *obesity*)

absoludicrous (*absolutely* + *ludicrous*)

Brangelina (*Brad (Pitt)* + *Angelina (Jolie)*)

4) слово + слово (12 %)

windowwall (*window* + *wall*)

eccentricrich (*eccentric* + *rich*)

netiquette (*net* + *etiquette*)

2. Контаминанты без наложения компонентов слов-источников (32 %)

1) морфемный осколок + морфемный осколок (52 %)

snizzle (*snow* + *drizzle*)

geep (*goat* + *sheep*)

swacket (*sweater* + *jacket*)

2) слово + морфемный осколок (42 %)

daycation (*day* + *vacation*)

webinar (*web* + *seminar*)

vodkatini (*vodka* + *martini*)

3) морфемный осколок + слово (6 %)

hangry (*hungry* + *angry*)

elefun (*elephant* + *fun*)

Исходя из результатов проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что в структуре контаминированных слов преобладает наложение компонентов слов-источников. Предположительно, при рассмотрении структуры контаминантов на фонемном уровне процент преобладания слов первой группы (где присутствует наложение компонентов) будет еще выше, поскольку имеется немало случаев, когда наложение не прослеживается графически, но присутствует фонетически. К примеру, *truemors* (*true* + *rumors*), *quicktory* (*quick* + *dictionary*), *cheeryodical* (*cheery* + *periodical*), *doughtel* (*dough* + *hotel*), *newtique* (*news* + *boutique*) и др.

Что касается преобладания определенной структурной модели, то, как видно из процентного соотношения, ее выявить не удалось, поскольку подобная незначительная разница между численностью большинства групп не является достаточно репрезентативной. Подобные результаты свидетельствуют о многообразии путей образования контаминированных слов в современном английском языке, в связи с чем представляется перспективным дальнейшее исследование факторов, обуславливающих образование контаминанта по той или иной модели.

Также представляет интерес исследование контаминированных слов, которые не рассматривались в предложенном структурном анализе из-за недостаточной количественной репрезентативности в отобранном материале для исследования. К ним относятся контаминанты, в состав которых входят три компонента (например, *turducken* (*turkey* + *duck* + *chicken*), компоненты-цифры (например, *3-peat* (*3* + *repeat*)) или компоненты-аббревиатуры (например, *E-lationship* (*E (electronic)* + *relationship*)). Дальнейшее изучение специфики их образования позволит расширить структурную классификацию и сделать выводы относительно продуктивности различных моделей образования контаминированных слов в английском языке.

Итак, контаминированные слова имеют ряд структурных, а также семантических и стилистических особенностей. Это приводит к возникновению немалого количества трудностей при их переводе на другой язык, поскольку в идеале необходимо передать слияние как формы, так и содержания слов-источников, ведь именно это обуславливает появление дополнительных коннотаций, т. е. у контаминанта появляется шуточный, ироничный, саркастический и т. п. оттенок.

Сложности могут возникнуть уже на этапе определения значения контаминанта исходного языка (ИЯ), поскольку большинство конта-

¹ Лаврова, Н. А. Контаминация в современном английском языке: *a fait accompli* / Н. А. Лаврова. – М. : изд-во «Прометей», 2012. – 222 с.

минированных слов являются неологизмами, которые относятся к сленгу. По этой причине большая часть контаминантов не зафиксирована в переводных словарях, и далеко не все из них можно найти в толковых словарях ИЯ. Переводчику приходится пользоваться электронными словарями и справочниками, которые могут пополняться самими пользователями, такими как, например, Multitran², Wikipedia и т. п., что ставит под сомнение достоверность предлагаемых толкований и переводов.

Все способы перевода, которые удалось выявить в результате проведенного исследования, можно разделить на две группы:

1) создание нового слова в языке перевода (ПЯ);

2) использование лексических единиц ПЯ для приблизительной передачи значения единиц ИЯ.

К первой группе относятся следующие способы перевода:

1) создание контаминанта в ПЯ, при этом слово может создаваться из соответствий словам-источникам в ПЯ, например, *cocacolonization* (*coca-cola* + *colonization*) – кокаколонизация (кока-кола + колонизация), *jeggins* (*jeans* + *leggings*) – джеггинсы (джинсы + леггинсы), либо один из компонентов исходного слова транскрибируется / транслитерируется, а для другого подбирается соответствие в ПЯ с последующим его усечением, например, *newtopia* (*new* + *utopia*) – ньютопия (нью + утопия);

2) создание сложного слова путем словосложения, используя за основу мотивирующие слова контаминанта ИЯ, например, *cameracature* (*camera* + *caricature*) – фотокарикатура (фотоаппарат + карикатура), *gasohol* (*gasolin* + *alcohol*) – бензоспирт (бензин + спирт);

3) создание слова путем транскрибирования / транслитерирования контаминанта ИЯ, например, *Laundromat* (*laundry* + *automat*) – Ландромет, *Nicorette* (*nicotine* + *cigarette*) – Никоретте; следует заметить, что такой способ перевода используется преимущественно в тех случаях, когда контаминант является именем собственным, как в приведенных примерах, которые представляют названия торговых марок.

Вторая группа выявленных способов перевода контаминированных слов включает:

1) использование функционального аналога, т. е. слова или словосочетания ПЯ, приблизительно передающего значение контаминанта ИЯ, например, *anecdata* (*anecdotal* + *data*) – непроверенные данные, *needcessity* (*need* + *necessity*) – срочная необходимость, *blatterature*

(*blatter* + *literature*) – низкопробная литература, *dopelomat* (*dope* + *diplomat*) – незадачливый дипломат, *happenstance* (*happen* + *instance*) – случайное происшествие, случайность, *sinfant* (*sin* + *infant*) – незаконнорожденный ребенок, *girlsical* (*girl* + *whimsical*) – капризный, как девчонка;

2) калькирование мотивирующего (исходного) словосочетания контаминанта ИЯ (может рассматриваться как частный случай использования функционального аналога), например, *militerrorism* (*military* + *terrorism*) – военный террор, *apartmate* (*apartment* + *mate*) – сосед по квартире, *seacopter* (*sea* + *helicopter*) – морской вертолет, *wintercation* (*winter* + *vacation*) – зимние каникулы, *infancipate* (*infant* + *anticipate*) – ждать ребенка, *nuplex* (*nuclear* + *complex*) – ядерный комплекс;

3) развернутое объяснение, например, *staycation* (*stay* + *vacation*) – отдых, проведенный дома из-за отсутствия денег, *fruitarian* (*fruit* + *vegetarian*) – тот, кто ест только фрукты, *japanimation* (*Japan* + *animation*) – анимационное кино, производимое в Японии, *greige* (*grey* + *beige*) – сочетание цветов белого и серого, *toytoon* (*toy* + *cartoon*) – мультипликационный фильм с использованием игрушек, *ecotage* (*ecological* + *sabotage*) – агрессивные действия защитников окружающей среды.

Можно предположить, что среди приведенных способов межъязыковой передачи контаминантов наиболее предпочтительным является создание контаминанта в ПЯ, поскольку данный способ позволяет передать как структурные, так и семантические особенности исходного слова. Однако на практике использование данного способа встречается относительно редко. Это скорее всего связано с необходимостью наличия в ПЯ соответствий словам-источникам контаминанта ИЯ, имеющих сходный план выражения, которые, как правило, являются заимствованиями. Так, например, слово *ecotage* может быть передано на русском языке контаминантом *экотаж*, поскольку в ПЯ имеются похожие соответствия мотивирующим словам контаминанта ИЯ: *ecological* – экологический и *sabotage* – саботаж.

Использование способов второй группы, т. е. использование лексических единиц ПЯ для приблизительной передачи значения единиц ИЯ, встречается гораздо чаще (по сравнению с первой). Однако все эти способы имеют один существенный недостаток – даже если переводчику удастся довольно точно передать референциальное значение контаминированного слова, то неизбежно возникают проблемы с передачей его экспрессивно-оценочной коннотации. К приме-

ру, *apartmate* это действительно сосед по квартире, но в переводе отсутствует шуточный оттенок, присущий оригиналу.

Поскольку приведенные способы перевода контаминированных слов были выявлены с использованием лексикографических и справочных электронных источников³, результаты количественного анализа не являются достаточно репрезентативными, так как в такого рода текстах очевидно преобладание способов, предполагающих толкование значения. Поэтому в

дальнейшем представляется перспективным исследование частотности использования того или иного способа перевода контаминантов в текстах различных стилей и жанров с последующим сравнительным анализом и разработкой практических рекомендаций для переводчиков. Подобного рода исследования также целесообразно проводить с целью пополнения существующих переводных словарей, поскольку на сегодняшний день в них зафиксировано относительно небольшое количество контаминированных слов.

³ Электронный словарь Мультитран / под ред. А. Поминова. – Режим доступа : www.multitran.ru. – Загл. с экрана ; OneLook Dictionary Search [Электронный ресурс] : an online collection of dictionaries. – Режим доступа : www.onelook.com. – Загл. с экрана ; Slang Search [Электронный ресурс] : an online dictionary of English slang. – Plan-9 Productions, 2001. – Режим доступа : <http://www.slangsearch.com>. – Загл. с экрана.

² Электронный словарь Мультитран / Под ред. А. Поминова. – Режим доступа : www.multitran.ru. – Загл. с экрана.

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЖАНРА «ФЭНТЕЗИ» (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Актуальность темы исследования обусловлена отсутствием единой тактики перевода жанра «фэнтези», поскольку каждое произведение индивидуально, и переводчику приходится досконально изучать его мифологию и происхождение тех или иных слов. Произведения в жанре фэнтези в значительной степени насыщены именами собственными. И хотя в языке они обладают не настолько глубоким смыслом, в речи художественного произведения они наполняются содержанием, особым значением, важным для понимания характера героя, отношения к нему самого автора и тех ассоциаций, которые возникают при восприятии данного имени. Однако мнения переводчиков о том, как их следует переводить, во многом расходятся: многие аспекты перевода онимов в текстах данной категории продолжают оставаться до конца неизученными, а явный разнобой, наблюдаемый в передаче их на русский язык, несомненно влияет на качество переводов.

Собственные имена существительные, история их появления, значение и смысл, вложенные в них, а также взаимосвязь с окружающим миром с давнего времени изучается многими разделами науки, в том числе и лингвистической. Все многообразие имен собственных подвергается классификации. В современной ономастике оптимальное структурирование ономастического пространства предложено А. В. Суперанской¹ и Д. И. Ермоловичем². Выбрать какую-либо определенную классификацию имен для переводчика практически не представляется возможным. Однако, опираясь на жанр литературы, подлежащей переводу, можно отдать предпочтение тем или иным категориям.

Взяв за основу классификацию онимов А. В. Суперанской³, мы исключили из классификации те категории, которые сочли лишними (в связи с отсутствием в рассматриваемых произведениях онимов, принадлежащих к данным категориям), выделили топонимы в отдельную

катеорию (как сделал Д. И. Ермолович⁴), широко представленную в подборке анализируемых далее имен собственных, и распределили имена собственные на четыре категории:

1) имена живых существ и существ, воспринимаемых как живые (категория включает в себя антропонимы, зоонимы и теонимы) (*Gandalf, Aragorn, Ancalagon the Black, Drowned God*);

2) топонимы (*Kingswood, Dragonstone, Isengard, Hobbiton*);

3) именованная неодушевленных предметов (категория включает в себя космонимы/астрономимы, фитонимы и хрематонимы) (*King's Crown, Longclaw, Silver Tree, Glamdring*);

4) названия обществ, объединений и союзов (*White Council, Fellowship of the Ring, Silent Sisters, Night's Watch*).

Перевод имен собственных в художественных произведениях осложняется тем, что зачастую оним несет большую смысловую нагрузку (так называемые «говорящие» имена). Поэтому все имена собственные можно подразделить на:

1) имена-метки, не обладающие собственным содержанием, а только называющие объект;

2) имена, обладающие определенным семантическим содержанием⁵.

Имена из первой группы транскрибируются, но (скорее как исключение) могут подвергаться семантическому переводу (например, *Maggot* – не говорящее по замыслу автора имя, переводится как Бирюк). Имена второй группы нужно переводить, если их значение важно для понимания и восприятия читателем содержания, а можно (но нежелательно) прибегнуть к практическому или авторскому транскрибированию, если автор перевода предпочитает пожертвовать значением онима и подчеркнуть иноязычное звучание *Noras – sir Horror* (Хорас – сир Страшила) – передано значение, *Hobber – sir Slobber* (Хоббер – сир Боббер) – сохранена авторская рифма, но утеряно значение; варианты – сир Плакса, сир Нытик.

В ходе исследования были проанализированы способы перевода на русский язык 95 онимов из романа «Властелин Колец» Дж. Р. Р. Толкиена и 99 онимов из романа «Песнь Льда и Огня» Дж. Р. Р. Мартина. Материалом для исследования послужили четыре перевода «Властелина Колец», выполненные В. Муравьевым и А. Кистяковским (далее – КМ), М. Каменкович и В. Каррик (далее – КК), Д. Афиногеновым и В. Волковским (далее – АВ), а также В. Грушецким и Н. Григорьевой (далее – ГГ), и два перевода «Песни Льда и Огня» Н. Виленской (далее – НВ) и Ю. Соколова (далее – ЮС).

В процессе анализа указанных переводов были зафиксированы следующие способы межъязыковой передачи имен собственных:

1) практическое транскрибирование (*Tattersals* – Таттерсоллз; *Carroll* – Кэрролл, *Turner* – Тернер, *Nature* – Нейчур);

2) авторское транскрибирование (*Balon* – Белон, *Marsh* – Мурш, *Took* – Тукк, *Gollum* – Горлум);

3) калькирование (*Captains of the West* – *Вожду Запада*, *Misty Mountains* – *Мелустые Горы*, *Shadowcat* – *Сумеречный Кот*, *Last Hearth* – *Последний Очаг*);

4) функциональный аналог (*Maggot* – *Бирюк*, *Torrhen's Square* – *Торрхенов Удел*);

5) освоение (*Olyvar* – Оливер, *Bryce* – Брюс, *Oldtown* – Старгород);

6) конкретизация (*Kingsroad* – Королевский Тракт, *Red Rain* – Багряный Дождь) и генерализация (*Hill of Erech* – *гора Эреч*, *Widow's Wail* – *Вдовий Плач*);

7) модуляция (*Shivering Sea* – Студеное Море, *Hobbiton* – Норгород);

8) опущение (*Council of the Wise* – Совет);

9) добавление (*Scatha the Worm* – Огнедышащий Червь Ската).

Рассмотрим некоторые интересные случаи:

1. *Baggins*. Согласно комментариям автора, оставленным для переводчиков, имя является говорящим и в переводе должен присутствовать элемент, означающий «мешок», «сумка»⁶. КК применили прием практического транскрибирования – Бэггинс. Иностранное звучание было сохранено, но значение утеряно. ГГ применили сочетание приемов калькирования и освоения – Сумникс, в переводах АВ и КМ используется сочетание практического транскрибирования и конкретизации – Торбинс и Беббинс. Последние три перевода содержат элементы «сумка», «торба» и «бебен» и передают значение онима.

2. *Grubb*. Согласно замыслу автора, фамилия образована от глагола «to grub» – рыть, копать⁷. КК использовали прием практического транскрибирования – Грубб, что, возможно, вызовет у русского читателя ассоциации со словом «грубый» и придаст незапланированную и ложную характеристику персонажу. КМ использовали сочетание приемов калькирования и освоения – Ройл, ГГ также прибегли к сочетанию калькирования и освоения, но с иным результатом – Рытл. АВ, по-видимому, связали происхождение фамилии со словом «grubb», одним из значений которого является «едок, тот, кто много ест», и использовали прием модуляции – Щекан. На Руси щеканом могли прозвать человека с пухлыми щеками. Данная характеристика также является незапланированной.

3. *Chetwood*. Автор рекомендует сохранить элемент «chet» и перевести элемент «wood»⁸. Так поступают ГГ и КК, использовав сочетание практического транскрибирования, освоения и калькирования – Четский Лес. КМ также приняли во внимание рекомендации автора и использовали сочетание приемов практического транскрибирования, калькирования и конкретизации – Четбор, АВ прибегли к приему практического транскрибирования – Четвуд, что, впрочем, нельзя считать ошибкой, поскольку так или иначе в тексте упоминается, что оним является названием леса.

4. *Sting*. КК и АВ использовали прием калькирования – Жало. КМ прибегли к сочетанию генерализации и модуляции – Разитель. ГГ использовали прием модуляции – Шершень.

5. *Fellowship of the Ring*. В трех переводах использован прием калькирования: ГГ – Братство Кольца, АВ – Дружество Кольца, КК – Содружество Кольца. КМ использовали сочетание приемов модуляции и калькирования – Хранители Кольца.

6. *Arya Underfoot*. Автор дал этому персонажу романа прозвище *Underfoot*, поскольку девочка отличалась чрезмерной любопытностью и часто оказывалась там, где ей быть не положено. ЮС использовал практическое транскрибирование для первого элемента и сочетание калькирования и добавления для второго элемента – Арья Что-Под-Ногами. НВ использовала сочетание практического транскрибирования и модуляции – Арья-Надоода, что, на наш взгляд, более точно отражает характеристику персонажа.

7. *Florian the Fool*. ЮС использовал сочетание практического транскрибирования и

¹ Суперанская, А. В. *Общая теория имени собственного* / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 366 с.

² Ермолович, Д. И. *Имена собственные на стыке языков и культур* / Д. И. Ермолович. – М.: Р. Валент, 2001. – 200 с.

³ Суперанская, А. В. *Общая теория имени собственного* / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 366 с.

⁴ Ермолович, Д. И. *Имена собственные на стыке языков и культур* / Д. И. Ермолович. – М.: Р. Валент, 2001. – 200 с.

⁵ Ермолович, Д. И. *Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи* / Д. И. Ермолович. – М.: Р. Валент, 2005. – 86 с.

⁶ Толкиен, Дж. *Руководство по переводу имен собственных из «Властелина Колец»* / Дж. Толкиен. – М.: Tolkien Texts Translation, 2009. – 164 с.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

освоения для первого элемента и калькирование для второго – Флорианушка-дурачок. Таким образом, переводчик решил вызвать у читателя ассоциации с персонажем русских сказок Иванушкой-дурачком. НВ прибегла к сочетанию практического транскрибирования и калькирования – Флориан-Дурак, что также перекликается с именем русского персонажа Иван-дурак.

8. *Casterly Rock*. Оба переводчика, связав происхождение топонима с одним из толкований слова «castor» – «бобр, шапка из бобра», использовали прием калькирования – Бобровый Утес. Однако, по замыслу автора оним не несет скрытого смысла, поэтому предложенный вариант перевода введет читателя в заблуждение, поскольку этимология данного топонима никак не связана с бобрами.

9. *Sword of the Morning*. Использован прием калькирования в сочетании с модуляцией – Меч Зари.

10. *Brotherhood of Bones*. Оба переводчика использовали прием калькирования – Братство Костей.

Результаты статистического анализа показали, что во всех четырех переводах романа «Властелин колец» при передаче имен собственных на русский язык преобладают приемы практического транскрибирования (69 % у КК, 57 % у КМ, по 64 % у

ГГ и АВ) и калькирования (по 29 % КК, КМ и ГГ, 27 % у АВ). Подобные результаты можно наблюдать и в переводах романа «Песнь Льда и Огня»: в обоих переводах преобладают приемы практического транскрибирования (62 % у ЮС, 53 % у НВ) и калькирования (36 % у ЮС, 46 % у НВ).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в диахронии не прослеживаются какие-либо изменения в предпочтениях переводчиков относительно выбора способа перевода имен собственных в произведениях жанра фэнтези.

На основании результатов проведенного исследования переводчикам, занимающимся переводом произведений в жанре фэнтези, можно рекомендовать следующее: при переводе имен собственных, являющихся частью авторской языковой картины мира, необходимо тщательно изучить их этимологию (часто сам автор комментирует происхождение того или иного онима: Дж. Р. Р. Мартин оставляет подобные комментарии на своем личном интернет-сайте, Дж. Р. Р. Толкиен составил подробное руководство для переводчиков⁹) и ориентироваться, в первую очередь, на передачу их содержания (подсказки об этимологии онима часто можно найти в самом тексте произведения). Онимы, не обладающие содержанием, следует транскрибировать, чтобы сохранить стилистику произведения и иностранное звучание онима.

СПЕЦИФИКА МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ПЕРЕДАЧИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ СИСТЕМ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛО-РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ТЕКСТОВ НЕФТЕГАЗОВОЙ ТЕМАТИКИ)

В нынешний век информационных технологий широко применяются электронные средства для всех сфер деятельности человека, в том числе и лингвистики, а именно для перевода текстов с одного языка на другой. Для современного общества характерен высокий уровень активности в различных областях (наука, техника, политика, культура и т. д.) и расширение сотрудничества между государствами, что приводит к быстрому росту объемов информации и возникновению трудностей их освоения.

В сложившейся ситуации специалисты все чаще прибегают к помощи систем машинного перевода (СМП), поскольку они позволяют оперативно осуществлять перевод информации и обрабатывать большие массивы документов в предельно сжатые сроки. Стоит также отметить, что данное явление характерно и для научно-технических текстов, так как за последние десятилетия значительно обострился интерес к техническому языку в связи с развитием различных отраслей науки, в том числе нефтегазовой. Но, к сожалению, степень изученности данной проблемы далека от желаемой, в частности, недостаточно исследованы ошибки, допускаемые машиной, и способы их устранения.

Подробно разобрав несколько точек зрения таких исследователей, как Э. И. Королев¹ и А. И. Новиков², относительно современных требований к СМП, можно прийти к заключению, что главными признаками, которыми должны обладать СМП, являются:

- адекватность и понятность переводимого текста;
- полнота словарей и степень развития процедур анализа и синтеза;
- высокая скорость перевода;

– интеграция с другими компьютерными программами.

Процесс машинного перевода (МП), который представляет собой последовательность преобразований, применяемых к входному тексту и превращающих его в текст на выходном языке, обычно происходит в три этапа³:

- 1) анализ – построение структурного описания входного предложения;
- 2) трансфер – преобразование структуры входного предложения во внутреннюю структуру выходного предложения;
- 3) синтез – построение правильного предложения на выходном языке.

Прежде чем перейти к результатам анализа переводов текстов нефтегазовой тематики, стоит подробнее рассмотреть программу МП Promt, которая использовалась для проведения исследования.

Следует отметить ряд достоинств данной программы:

- 1) наличие словарей по специальностям, мгновенный поиск;
- 2) возможность создания собственного словаря пользователя;
- 3) скорость перевода (экономия времени).

Анализ текстов, переведенных нами в программе МП Promt, выявил также несколько недостатков:

- 1) во многих случаях не соблюдаются правила грамматики, стилистики и лексики;
- 2) выбор одного из значений многозначного слова не всегда соответствует контексту;
- 3) при отсутствии слова в словаре оно не переводится;
- 4) небольшое количество языковых пар, с которыми работает программа.

⁹ Толкиен, Дж. Руководство по переводу имен собственных из «Властелина Колец» / Дж. Толкиен // *Tolkien Texts Translation*. – М., 2009. – 164 с.

¹ Королев, Э. И. Промышленные системы машинного перевода / Э. И. Королев. – М.: ВЦП, 1991. – 100 с.

² Новиков, А. И. Семантика текста и ее формализация / А. И. Новиков. – М., 1983. – С. 131.

³ Пумпянский, А. Л. Требования, предъявляемые к переводчику научной и технической литературы / А. Л. Пумпянский. – Днепропетровск, 1967. – 304 с.

Для исследования использовалась версия программы PROMT XT Professional, которая включает в себя 44 словаря различных тематик. Исходный текст был переведен в программе PROMT XT Professional с использованием специального словаря под названием «Нефть и газ». Полученный вариант машинного перевода был сопоставлен с переводом профессионала, и в результате были выявлены наиболее частотные ошибки. В попытке дать собственную классификацию выявленных ошибок при работе с системой МП Promt в процессе перевода нефтегазового текста нам представляется целесообразным выделить четыре основные группы ошибок: лексические, грамматические, стилистические и группу, где отсутствует какой-либо вариант перевода.

I. Лексические ошибки

1. Неверная передача специальных терминов

– *piston chamber* – камера поршня (полость цилиндра);
– *top drive* – высший двигатель (верхний привод);
– *flowing conditions* – плавные условия (условия фонтанирования).

2. Выбор неверного эквивалента единицы ИЯ

– *oil supply* – поставка нефти (подача масла);
– *necessary measures* – необходимые измерения (необходимые меры);
– *the discharge of carbon dioxide* – разгрузка двуокиси углерода (выброс углекислого газа).

3. Отсутствие перевода / неверный перевод аббревиатур

– *The GTS improved version operates ...* – ГТС улучшился, версия функционирует ... (Улучшенная газотурбинная система (ГТС) работает ...);
– *ADS-6 type* – ОБЪЯВЛЕНИЙ 6 типов (горючими смесями типа ADS-6).

4. Пропуск слова при переводе

– *to secure the hoist in accordance with operating instructions* – ... чтобы обеспечить лебедку в соответствии с руководством по обслуживанию (... для обеспечения безопасности подъемника в соответствии с эксплуатационной инструкцией).

5. Ошибки при переводе устойчивых словосочетаний

– *heavy snow* – тяжелый снег (сильный снегопад);
– *in glaze ice conditions* – в ледовой обстановке глазури (в условиях гололеда);
– *with this version* – с этой версией (таким образом).

II. Грамматические ошибки

1. Неверное использование частей речи

– *The GTS improved version operates ...* – ГТС улучшился, версия функционирует ... (Улучшенная газотурбинная система (ГТС) работает ...);
– *lowering and hoisting operations* – понижающиеся и поднимающие операции (операции по подъему и спуску);

– *team must act* – бригада должна действовать (бригада должна действовать).

2. Неверная передача залога

– *A dual probe electro-magnetic survey ... will be run* – Двойная магнитная дефектоскопия зонда ... будут управлять (двойные электромагнитные каротажи зондирования, которые будут проведены вдоль каждого участка скважины);

– *Equipment that is ... not used ...* – Оборудование, которое ... не использовало (Оборудование, которое ... не используется).

3. Неверное использование предлога/союза

– *the chosen type of switching off and on devices* – выбранный тип выключения и на устройствах (выбранные устройства включения и выключения);

– *work at heights ... against winds ...* – работа над высотами ... против ветров (... ремонт на высоте ... при ветре...);

– *feedback from the central control room* – обратная связь от центральной диспетчерской (обратная связь с пунктом управления).

4. Неверное употребление падежной формы

– *at night-time* – в ночное время (в ночное время);

– *members of team and other persons on the work site* – детали бригады и других людей на рабочем месте (члены бригады и другие на рабочей площадке).

5. Неверная передача вида / формы глагола

– *well must be stopped and, if necessary, killed* – скважина должна быть остановлена и, в случае необходимости, глушится (скважина должна быть остановлена и при необходимости залушена).

III. Стилистические ошибки

1. Использование вариантов перевода другого стиля или жанра

– *... to travel within guide rails in the derrick ...* – ... чтобы ехать в пределах направляющих брусьев в буровой вышке ... (... чтобы он мог перемещаться по направляющим рельсам в буровой вышке).

2. Повторение одной и той же конструкции в одном предложении

– *a unit for washing wells or a reservoir for topping up during the repairs...* – установка для того, чтобы вымыть скважины или резервуар для того, чтобы залить во время ремонта (устройства для мытья скважин или резервуаров ... во время ремонта).

3. Неправильный порядок слов

– *the instruments switch code is set to the "disengaged" position* – кодекс выключателя приборов установлен в «отключенное» положение (код переключателя измерительного прибора должен находиться в позиции «выключено»).

IV. Отсутствие какого-либо варианта перевода

– ... *suspended load hangoff* – ... подвешен-

ный груз *hangoff* (подвесной насос);

– *the vertical pipemaker* – вертикаль *pipemaker* (вертикальный трубоукладчик);

– *the pipebarn shuttle machine* – *pipebarn* машиной затвора сейсмического источника (погрузочно-разгрузочное устройство трубохранилища).

Проанализировав общий объем ошибок, допущенных данной программой, можно отметить, что наибольшее число ошибок приходится на лексические – 72,8 %, затем грамматические – 45,6 %, стилистические – 6,1 %, и отсутствие какого-либо варианта перевода встречается в 7 %.

К лексическим относятся – неверная передача терминов (39,7 %) и выбор неверного эквивалента единицы ИЯ (45,7 %), отсутствие или неверный перевод аббревиатур (2,4 %), пропуск слова при переводе (1,2 %) и ошибки при переводе устойчивых словосочетаний (10,8 %).

Грамматические составляют – неоправданное / неверное использование частей речи – 28,8 %, неверная передача залога – 3,8 %, несоответствие окончаний – 17,3 %, неверное использование предлога / союза – 36,5 %, неверное употребление падежной формы – 3,8 %, неверная передача вида / формы глагола – 5,7 % и несоответствие местоимения заменяемому существительному – 3,8 %.

К стилистическим относятся – использование однокоренных слов в одном словосочетании – 57 %, использование вариантов перевода другого стиля – 14,2 %, повтор одной и той же конструкции в одном предложении – 14,2 % и неправильный порядок слов – 14,2 %.

Предложения, в которых не были допущены ошибки, составляют 28 % от общего объема текста, что свидетельствует о недостаточной

эффективности применения системы МП Promt для перевода текстов нефтегазовой тематики без тщательного постредактирования.

Таким образом, мы пришли к заключению, что помимо вышеупомянутых недостатков системы машинного перевода Promt, программа не способна:

– осуществлять описательный перевод, в том числе и специальных терминов (*reinjecting water, waterflood*);

– различать омонимичные грамматические формы (*means* – существительное, множественное число; *means* – глагол, 3 лицо, единственное число; *act* – существительное, единственное число; *act* – глагол, множественное число);

– осуществлять антонимический перевод (*to be not permitted* – (МП – не разрешается), (чел. перевод – запрещается);

– различать однородные члены предложения (*gathering, transporting and treating oil and gas*) – (МП – собрать, транспортируя и обрабатывая нефть и газ).

Данная классификация может послужить основой для успешного постредактирования текста, а также при усовершенствовании алгоритма работы системы машинного перевода Promt. Однако, необходимо отметить, что предложенная нами классификация, несомненно, требует дальнейшего исследования и совершенствования.

Представляется перспективным дальнейшее исследование данной темы с использованием других СМП и их сравнения с программой Promt, доработка и совершенствование представленной классификации ошибок, и, возможно, изучение применения СМП к текстам других функциональных стилей.

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ В РЕАЛИЗАЦИИ ГЛУБИННЫХ СМЫСЛОВ НЕМЕЦКОЙ БАЛЛАДЫ

Изучение глубинных смыслов художественного произведения представляется особенно актуальным, поскольку помогает понять не только характер мировосприятия автора, но и систему ценностных ориентаций как общества в целом, так и отдельной личности – носителя определенной культуры, которая находит свое уникальное отражение в языке – ее носителе.

В качестве фактического материала в данной статье были использованы тексты немецких баллад Гете, чей художественный мир представляет собой мифопоэтическую модель Бытия, где в бесконечных нишах многоуровневого символического целого скрыта информация о первоистоках, первообразах (Urbild). Гете назвал жанр баллады зародышем (lebendiges Ur-Ei), давшим жизнь всей поэзии, «... weil hier die Elemente noch nicht getrennt, sondern wie in einem lebendigen Ur-Ei zusammen sind ...»¹.

В балладе присутствуют некие глубинные смыслы, позволяющие выявить как бы второй уровень символизации, когда образ-символ выходит за свои пределы и становится носителем «памяти культуры», архетипом или выражением коллективного бессознательного. Так, источником создания баллады Гете «Das Heideröslein»² послужил текст народной песни, опубликованный в 1602 г. Паулем фон Эльстом, где девушка сравнивается с цветком: «Sie blühet wie ein Röslein». Отсюда, ключ к пониманию содержания баллады следует искать в его народном прототипе; его сохранила «память» народной песни. Обращение к вечным и общечеловеческим архетипам помогает исследователю актуализировать этот второй уровень при выявлении образов, сформированных в глубинных смыслах бессознательного. Возвращаясь к балладному творчеству Гете, следует отметить, что при всей лаконичности, простоте и содержании языка его баллад наличие средств образности позволяет определить все драматические перипетии произведения.

Возьмем, к примеру, балладу «Das Heideröslein» («Дикая розочка»). Образность изображения событий опирается на такое сред-

ство, как символика (роза в западной народной поэзии – символ красавицы), что сформировано в фольклорной песенной традиции: ломать-любить, розочка-девушка. Композит Das Heideröslein является символом соответствующей судьбы этой девушки. Здесь весьма актуальны эпитеты, создающие образ: jung, morgens schön, тогда как юношу, сломавшего розу, автор называет «wilde Knabe», характеризуя его необузданную страсть и неадекватное поведение. Глубинный смысл этой баллады заключается в том, что насилие и страдание в отношениях между мужчиной и женщиной рассматриваются как неизбежная фатальная обусловленность. Считаю балладу Гете «Das Heideröslein» далекой от «амурного» стихотворения, немецкий исследователь М. Коммерель видит «... в основе баллады событие другого порядка – прасобытие. Растение больше, чем растение, и остается, тем не менее, чем-то иным, нежели человек. ... И когда человек и цветок ведут разговор, они противопоставлены друг другу ...»³. Образ подростка, сломавшего цветок, есть воплощение темных, необузданных, бессознательных инстинктов души, что противоречит осознанию праведности бытия, воплощенной в другом образе (Röslein).

В балладе «Erlkönig» («Лесной царь») Гете обращает внимание на борьбу отца и лесного царя за чистую невинную душу ребенка, создавая таким образом мотив борьбы добра и зла, противостояния чистой души и дьявола. Нас здесь больше интересует младенец. Именно он олицетворяет жизненные силы, находящиеся за пределами нашего сознания, именно ему ведомы пути и возможности тонкого ощущения в пространстве бессознательного, поскольку дети, как известно, обладают мощным зарядом неосознанного чувственного восприятия окружения. Вот почему ребенок способен лицезреть мнимые образы, например, лесного царя, поверить в его реальное существование, услышать его манящую речь, исполненную магической силы.

Siehst, Vater, du den Erlkönig nicht?
Den Erlenkönig mit Kron' und Schweif?

Однако отец как фигура реалистичная, не внимая голосу ребенка, пытается успокоить его, дает разумные объяснения происходящему: Mein Sohn, es ist ein Nebelstreif. Непонимание, неприятие отцом видений младенца символично и позволяет благодаря подконтекстуальному осмыслению новое прочтение баллады: утратив свое первоначальное, бессознательное и инстинктивное состояние души, усвоив взамен искусственные манеры, человек теряет свои корни. Трагический финал баллады свидетельствует о том, что прав оказался ребенок. Младенца силой захватывает и уводит с собой лесной царь. Для реального мира ребенок умирает, но остается существовать в бессознательном пространстве, в том мире, который так упорно отрицает, не желает воспринимать отец. Налицо конфликт сознательного и бессознательного. Глубинный смысл в балладе «Erlkönig» в том, что человечество, имея достаточно развитую способность отрезать себя от собственных корней, подвергает себя из-за своей односторонности опасности катастрофы, и это звучит как предупреждение. Известный швейцарский ученый К. Юнг отмечает, что «прогресс жизнеспособен только при взаимном сотрудничестве сознательного и бессознательного»⁴.

В балладе «Der Schatzgräber» («Кладоискатель») герой, доведенный до отчаяния нищетой, готов на сделку с дьяволом и способен продать свою душу за богатство. Но вместо злого духа, которого вызывал своими заклинаниями кладоискатель, перед ним появляется прекрасный ребенок, в руках которого сосуд – символ жизни и реального счастья. С момента появления ребенка кладоискатель понимает всю тщетность усилий найти свое счастье с помощью потусторонних сил. Ребенок предвосхищает образ, который появляется в результате синтеза сознательных и бессознательных элементов. И если в балладе «Erlkönig» младенец символизирует досознательную сущность человека, в балладе «Der Schatzgräber» он выступает как символ, объединяющий противоположности. Глубинный смысл здесь состоит в том, что грубому суеверию и мистике, всяким попыткам приобрести благо сомнительным путем противопоставляется идеал

мужества чистой и ясной жизни (Mut des reinen Lebens), деятельностного существования, где труд сменяется отдыхом (tages Arbeit, abends Gäste), печаль – радостью (saure Wochen, frohe Feste).

Следует отметить, что немецкая баллада имплицитно некие правила жизни, расцениваемые как указание на норму поведения, отказ от которой ведет к негативным последствиям. Так, в народной балладе «Erlkönigs Tochter» («Дочь лесного царя») мифическая героиня предлагает мнимое счастье юноше Олуфу, заманивая его в лес и вовлекая в танец. Она демонстрирует тем самым, что нереальный мир более яркий и активный (постоянно присутствует движение «tanzen»). Однако в итоге происходит разрушение иррациональной картины бытия через неминимое низвержение личности, не обладающей достаточной внутренней силой и мудростью (юноша гибнет). Глубинный смысл такого действия запечатлен в ментальности немецкого народа, тяготеющего к сохранению традиций на основе четкого порядка, где существуют важные правила рациональной жизни.

Взаимодействие реальности с ирреальностью в немецкой мифической балладе позволяет выделить категориальные свойства добра и зла, мнимого и актуального, что в конечном итоге переходит в разряд «порядок / отсутствие порядка». Реальность тяготеет к порядку, поэтому ирреальность представляется нарушением такового. Эти противопоставления соответствуют идее немецкого менталитета и немецкого языкового сознания. Нарушение жизненного порядка приводит к драме, что часто актуализовано в образе смерти. В этом мы находим подтверждение в балладах о лесном царе и его дочерях. Однако необходимость следования традициям и нормам жизни инициирует появление в тексте баллады «Der Schatzgräber»⁵ адекватного образа (ребенок с чистыми помыслами), способного нейтрализовать негативные последствия.

Таким образом, обращение к архетипам помогает открыть глубокий смысл в немецкой мифической балладе и выявить ценности, исходящие из ментальности и традиций немецкого народа, выраженные в концепте «Ordnung».

¹ Neumann, F. W. Zur Theorie und Ästhetik der Ballade, aus: Geschichte der russischen Ballade / F. W. Neumann. – Königsberg; Berlin: [Б. у.], 1937.

² Kommerel, M. Gedanken über Gedichte / M. Kommerel. – Frankfurt; Москва: [Б. у.], 1956.

³ Юнг, К. Г. Душа и миф: шесть архетипов / К. Г. Юнг. – Киев; Москва: [Б. у.], 1997.

⁴ Joseph, E. Das Heideröslein / E. Joseph. – Berlin: [Б. у.], 1897. – С. 15–16.

⁵ Unvergängliche deutsche Balladen. – Kaiser; Klagenfurt: [Б. у.], 2005.

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ЗАЛОГОВЫХ ФОРМ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ РУССКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

Известно, что грамматическая категория залога является глагольной категорией, основанной в семантическом плане на возможностях несовпадения логической (субъект предикат – объект) и синтаксической (подлежащее – сказуемое – дополнение) направленности действия. На морфологическом уровне категория залога представлена формами действительного (активного) и страдательного (пассивного) залогов, при этом активный залог выступает в роли первичного немаркированного члена оппозиции, пассивный залог – это немаркированный член оппозиции, представленный аналитической формой, а именно сочетанием вспомогательного глагола *to be* и причастия второго знаменательного глагола.

В практических курсах английской грамматики категория залога традиционно связывается с различной направленностью процесса – действие, называемое глаголом в форме активного залога, рассматривается как исходящее от субъекта, а в форме пассивного залога – как испытываемое его объектом. Например: John loves (John is the subject of the action); John is loved (John is the object of the action).

Данная трактовка представляется весьма поверхностной и недостаточной для объяснения одной из сложнейших глагольных категорий. Говоря о характере описываемой категории, следует отметить, что современные грамматисты практически единодушно рассматривают залог как морфолого-синтаксическую категорию¹, поскольку определяя залог как выражение действия, исходящего от предмета, выраженного подлежащим, или действия, направленного на предмет, к которому оно отнесено, мы тем самым выходим за пределы морфологии и характеризуем залог по функциональному использованию его форм.

Н. Ф. Иртеньева, а вслед за нею и ряд других грамматистов, называют залог «синтаксической категорией», поскольку предложения типа Jack built a house и A house was built by Jack описывают одну и ту же ситуацию действительности,

а, следовательно, залоговые различия отражают не различия в отображаемых ситуациях, а различный подход к их описанию и одновременно указывают, как надо интерпретировать семантику членов предложения, а именно, является ли подлежащее «действующим субъектом» или «пассивным объектом воздействия»².

Трактовка залога как парадигматико-синтагматической категории делает необходимым рассмотрение вопроса о том, входит ли значение деятеля и значение объекта в понятие процессуальности, выражаемой глаголом.

По определению А. М. Пешковского, «глагол обозначает признак, создаваемый деятельностью субъекта, следовательно, именно соотносительность действия с производителем, а не связь его с объектом является имманентной характеристикой процесса»³. Объектные же отношения относятся, по мнению А. М. Пешковского, к семантическому распространению слова-лексемы. Например: He has changed. – Он изменился. He has changed his decision. – Он изменил свое решение. С точки зрения категории залога обе формы рассматриваются как тождественные формы активного залога, наличие объекта обеспечивает реализацию иного ЛСВ (лексико-семантического варианта) слова change как лексемы, то есть может рассматриваться как факт словаря.

Д. А. Штелинг следующим образом описывает принципиальные различия между отношением процесса к деятелю и к объекту: «первое постоянно и неотделимо от понятия процесса, второе – факультативно, поскольку объекта может и не быть. Объектные отношения изменчивы, неустойчивы, разнообразны, как разнообразны лексические значения глаголов, от которых они зависят и которым подчинены»⁴.

Факультативный характер объекта подтверждается многочисленными в современном английском языке случаями миграции безобъектных глаголов в разряд переходных глаголов, что дает повод авторам Большого Англо-Русского словаря вообще отказаться от традиционного деления

глаголов на переходные и непереходные. Так, в словаре отсутствуют пометы vt и vi, которые даются в большинстве толковых и двуязычных словарей.

Действительно, многие непереходные глаголы иногда употребляются различными авторами как объектные, например: “You just dance me over to the side now, Alfred.” They moved to the edge of the floor. (O’Hara). Aron, why don’t you walk me home? (J. Steinbeck). The child was rushed to hospital.

Как было отмечено выше, отношения «действие и его деятель» и «действие и его объект» оказываются принципиально различными по содержанию. Д. А. Штелинг предлагает весьма убедительную трактовку этого различия, отмечая, что в активных конструкциях действие и его деятель непосредственно связаны как признак-процесс, совершаемый самим субъектом (she taught), при этом направленность процесса на объект оказывается нерелевантной и факультативной, поэтому любая конструкция с активной формой глагола независимо от его переходности на этом уровне воспринимается одинаково как активная. Между субъектом и предикатом ему признаком-процессом в конструкциях с формами активного залога устанавливается весьма тесная связь, непосредственно данная и выраженная как связь между носителем признака и самим признаком-процессом, совершаемым данным субъектом. Например:

- She taught. She taught English.
- We all change. He changed his plans.

В пассивных же конструкциях отношения между процессом и предикатом именем всегда «изменчивы, неустойчивы и разнообразны»⁵. Трактовка действия, названного глаголом в форме пассивного залога, как испытываемое непосредственно его объектом (John is loved) и направленное на его объект, не является единственным вариантом соотносительности процесса с предикатом субъектом-подлежащим.

В современном английском языке имеется большое количество случаев, когда субъект действия, выраженный подлежащим, не может быть истолкован как «предмет, на который направлено действие». Например: The expedition is reported to have reached the destination. Трактовка предложений данного типа как случаев употребления конструкции Complex Subject со сказуемым в пассивном залоге представляется ряду грамматистов не совсем корректной и, несомненно, требует отдельной интерпретации. Одна из наиболее убедительных предлагается Д. А. Штелингом, который рассматривает само понятие транзитивности действия в подобных

случаях не как направленность действия на его объект, а как соотносительность с субъектом сообщения того признака-процесса, который предикатом субъекту как предмету мысли сообщения, а не объекту воздействия.

В методическом аспекте работа над усвоением студентами как формально-структурных, так и содержательных характеристик залоговых форм, несомненно, требует значительного количества учебных часов и особого внимания со стороны преподавателя. При этом опыт практического преподавания грамматики позволяет нам утверждать, что сравнительно-типологический подход к трактовке столь сложного явления, как залоговые формы, обеспечивает его более успешное усвоение студентами.

Далее мы остановимся на особенностях перевода английских предложений со сказуемым в пассивном залоге на русский язык.

Сферы функционирования пассивного залога в русском и английском не совпадают – в русском языке употребление в пассивном залоге возможно лишь для переходных глаголов, то есть глаголов, имеющих прямое дополнение (дополнение, отвечающее на вопросы «кого? что?»), в английском языке для употребления пассивного залога важным оказывается не тип переходности глагола, а более широкое свойство «объектности» глагола, то есть его способность принимать любой тип дополнения – прямое, косвенное, беспредложное и косвенное предложное. В. В. Гуревич в одной из своих работ предлагает разграничивать глаголы на группы в зависимости от типа возможных при них дополнений и, соответственно, допустимых для них типов страдательных конструкций. В частности, он выделяет:

1) собственно переходные глаголы (to do smth., to see smth.) с одним (прямым) дополнением, которое становится подлежащим в страдательной конструкции: smth. was done (seen);

2) глаголы с двумя обязательными дополнениями – прямым и косвенным (to give smb. smth.; tell, show, promise, offer), для которых соответственно возможны две страдательные конструкции: I was given a book. – The book was given to me. Выбор одного из этих вариантов зависит от того, что именно логически акцентируется (является ремой); ср. The book was given to me (= not to him) и I was given a book (= not a pencil);

3) глаголы с двумя дополнениями, одно из которых, однако, всегда является предложным: to explain smth. to smb. (dictate, translate describe). С ними возможна лишь одна пассивная конструкция (The rule was explained to us), в которой подлежащим может стать только прямое дополнение. К этому же классу примыкают глаголы

¹ Блох, М. Я. Теоретическая грамматика английского языка / М. Я. Блох. – М., 1994; Гуревич, В. В. Теоретическая грамматика английского языка / В. В. Гуревич. – М., 2001; Штелинг, Д. А. Грамматическая семантика английского языка / Д. А. Штелинг. – М., 1996, и др.

² Иртеньева, Н. Ф. Грамматика современного английского языка (теоретический курс) / Н. Ф. Иртеньева. – М., 1969.

³ Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М., 2001.

⁴ Штелинг, Д. А. Грамматическая семантика английского языка / Д. А. Штелинг. – М., 1996. – С. 169.

⁵ Штелинг, Д. А. Грамматическая семантика английского языка / Д. А. Штелинг. – М., 1996. – С. 175.

типа buy (bring, fetch, find) smb., smth., сходные с классом (2), однако отличающиеся от него тем, что второе дополнение обозначает здесь не столько адресат действия, сколько «бенефицианта» (лицо, ради которого осуществляется действие). Действительно, при перестановке дополнений здесь появляется другой предлог; ср. He gave me this book – He gave this book to me (класс 2) и He bought me an icecream – He bought an icecream for me. Соответственно, для этих глаголов опять-таки допустима лишь одна страдательная конструкция: smth. was bought for smb.;

4) глаголы, имеющие лишь предложное дополнение (непереходные) to look at smb.; to look for smth. after smb.; to speak to smb. about smth.; to take care of smb., в отличие от русского и других языков также допускающая страдательную конструкцию, в которой предлог выносится в конец предложения: He was looked at; he was looked after; he was spoken to; he was spoken about⁶.

При изменении залога любое из дополнительных становится подлежащим при сказуемом в пассивном залоге (см. случай 3), а подлежащее становится дополнением с предлогом by. Однако это дополнение часто опускается, так как смысловой акцент переносится с лица, совершающего действие, на объект действия, либо субъект действия может быть неизвестным.

Варианты дословного перевода английских предложений со сказуемым в Passive Voice возможны лишь в случае, когда подлежащим является прямое дополнение активной конструкции. При этом возможными оказываются и другие варианты перевода, например, предложение The article was discussed at the conference может иметь следующие варианты перевода: – *Статья была обсуждена на конференции; статья обсуждалась на конференции; статью обсуждали на конференции*. Приведем еще один пример: An interesting article was published in our newspaper yesterday, в этом случае возможны оказываются лишь два варианта перевода, а именно: *Вчера в нашей газете была напечатана интересная статья, и Вчера в нашей газете напечатали интересную статью*. В силу особенностей семантики глагола to publish вариант перевода формой глагола с возвратным окончанием -сь оказывается невозможным.

В некоторых случаях в зависимости от семантики глагола-сказуемого возможным оказывается один вариант перевода со сказуемым в пассивном залоге, например, The booth to the right was occupied by a lawyer. – *Кабина справа была занята адвокатом*, либо такое предложение может быть переведено с использованием морфологической трансформации замены залога

сказуемого как *Кабину справа от него занимал адвокат*.

Предложения с косвенным беспредложным и косвенным предложным дополнением в функции подлежащего и сказуемым в Passive Voice обычно переводится на русский язык неопределенно-личными предложениями со сказуемым в активном залоге, то есть предложениями, в которых подлежащее отсутствует, а имеется лишь сказуемое и дополнение, например: I was answered two weeks later, может иметь в качестве русского эквивалента предложение *Мне ответили через две недели* или At last he was trusted a much more important business. – *Наконец, ему доверили гораздо более важное дело*.

Достаточно частотными являются случаи, когда предложения в Passive Voice с подлежащим – прямым дополнением также могут переводиться безличными предложениями, например: The truth was guarded like rare gems – *Правду охраняли, как драгоценный бриллиант*, возможным в данном случае является и вариант *Правда охранялась как драгоценный бриллиант*, а вот дословный вариант *Правда была охраняема как драгоценный бриллиант* вряд ли можно назвать приемлемым. A much larger group of plaintiffs was expected. – *Ожидается приезд гораздо большей группы недовольных людей, либо Ожидается, что придет гораздо большая группа недовольных людей*.

В других случаях, наоборот, предпочтительным является вариант перевода прямым соответствием, например: All plans have been forgotten. – *Все планы были забыты*, тогда как варианты перевода *Все планы забылись* или *Все планы забыли* едва ли можно признать корректными.

При абсолютной невозможности перевода английского пассивного сказуемого прямым русским соответствием следует, видимо, употреблять неопределенно-личное предложение; при этом подлежащее английского предложения переводится на русский либо винительным, либо дательным падежом существительного или местоимения, а сказуемое – глаголом действительного залога в третьем лице множественного числа, например, He was confronted with proof of liability. – *Ему предъявили доказательства его вины. Quite unexpectedly she was invited too. – Совершенно неожиданно ее тоже пригласили*.

Если после пассивного сказуемого имеется предлог, то подлежащее предложения следует переводить одним из косвенных падежей с соответствующим предлогом, а сказуемое неопределенно-личной формой, например, The books have been already paid for. – *За книги уже заплатили*.

The doctor has been sent for. – *За доктором послали*.

Необходимо отметить, что пассивный залог английских глаголов, требующих беспредложное дополнение и соответствующих в русском языке глаголам, требующим предложное дополнение (to enter, to join, to answer, to affect, to influence, etc.), переводятся на русский язык формами активного залога, а имеющееся при глаголе дополнение с предлогом by именительным падежом, то есть подлежащим, например, The climate of the Earth is strongly influenced by human activities. – *Деятельность человека сильно влияет на климат Земли. We were answered by Minister himself. – Нам ответил сам министр*.

В обратном случае, когда английские предложные глаголы соответствуют русским беспредложным глаголам, перевод, как правило, осуществляется путем использования безличных предложений, например, The lecture was listened to with great interest. – *Лекцию выслушали с большим интересом*.

Наиболее частотным вариантом перевода предложений с пассивным сказуемым на русский язык, по нашим наблюдениям, являются безличные предложения со сказуемым в возвратном залоге, маркером которого в русском языке является окончание -сь, далее следует вариант прямых соответствий.

Однако сложные семантико-синтаксические корреляции, существующие между двумя языками, не исключают необходимости в некото-

рых случаях замены пассивных конструкций активными, например, He was sued by some of his disgruntled clients. – *Недовольные клиенты подали на него в суд*.

В заключение, хотелось бы отметить проявление типологических особенностей русского и английского языков в области функционирования пассивного залога, так, в частности, русский язык, характеризующийся более высоким индексом синтетичности по сравнению с английским, имеет не только аналитические, но и синтетические формы, полностью отсутствующие в английском языке, а также чрезвычайно высокий динамизм английских форм пассивного залога, проявляющийся, во-первых, в том, что наблюдается все более частое использование для их образования глагола to get в качестве вспомогательного глагола.

Представляется, что пассивные формы с глаголом to get характеризуются и определенными семантическими особенностями, а именно быстротой совершения действия и привлечением внимания к его результату, например: The lady got thrown out of her house. He got promoted to captain. Во-вторых, на наш взгляд, отмечается все более последовательное вовлечение в сферу функционирования пассивных форм обстоятельственных лексем в функции субъекта, что является абсолютно невозможным для русского языка, например: Such dress can't be sat down. The bed hasn't been slept in. The house wasn't lived in.

⁶ Гуревич, В. В. Теоретическая грамматика английского языка / В. В. Гуревич. – М., 2001.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯПОНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ФЛОРИСТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ

С момента появления человека на земле его окружал мир растений. Первообытный человек, занимаясь собирательством, задумывался об утилитарных свойствах тех или иных растений: съедобны ли они, являются ли они лекарственными и т. п. Накопленные годами сведения передавались из поколения в поколение и, безусловно, закреплялись в языке, его языковых единицах. Этим, вероятно, и объясняется весомое количество пословиц и идиоматических выражений, в состав которых входят фитонимы во многих языках мира.

К фитонимам относятся слова и словосочетания, обозначающие то или иное растение в целом (ягода, фрукт, цветущее растение и т. п.), его составную часть (листовая пластина, корень, стебель и т. д.), вид (дерево, кустарник, трава).

Мир растений дал японскому народу определенную, очень богатую систему символов и эталонов. Представители растительного мира являются неотъемлемой частью поэтических и прозаических произведений Японии. Например, более 150 видов растений упомянуты в древней поэтической антологии «Манъёсю» (Собрание поэтияд листьев), а такие сказки, как «Ласточки и тыква-горлянка», «Полынь – средство от всех напастей», «Влюбленные сосны» и другие известны и за пределами Японии. Цветы, деревья и травы выступают не только как живые краски для создания идеальной картины природы в ее сезонных изменениях, портрета «идеального» человека, но и как отражение традиционной образности, предрассудков и поверий, веками существовавших в Японии.

Фразеологизмы представляют собой весьма неоднородную область, поэтому трудно говорить о единых особенностях семантики всего класса. Тем не менее, для отдельных типов фразеологизмов можно выделить специфические семантические характеристики¹.

Анализ японских фразеологических единиц,

в образовании которых участвует тот или иной фитоним, показал, что они характеризуют:

1) человека с точки зрения внешности (внешность и фигура, сходство между людьми, связь внешности и внутреннего мира человека), физических свойств (здоровье, сила), особенностей характера, речевого поведения, наличия опыта и таланта, отношения к труду, сходства родителей и детей; отношения к похвале;

2) судьбу, удачу/неудачу;

3) время;

4) гармонию.

Применение компонентного анализа и полученные данные позволили распределить собранный материал общей численностью порядка двухсот фразеологических единиц на группы с учетом их семантики.

I. Человек

1. Внешность и фигура человека

Красивые брови молодой девушки японцы сравнивают с тонкими листочками ивы и говорят: 柳の眉 (янаги-но маю), досл. «Ивовые брови». Красивые волосы девушки называют 柳の髪 (янаги-но ками), досл. «Ивовые волосы»². Некрасивое лицо в представлении японцев похоже на тыкву: 南瓜に目鼻 (каботя-ни мэхана), досл. «Нос и глаза у тыквы». О высоком и очень худом человеке говорят: 麻殻に目鼻をつけた (асагарани мэ хана-о цукэта), досл. «Глаза и нос прикреплены к сердцевине конопля». Покрасневший нос человека, употребившего алкогольный напиток, напоминает гранат: 石榴鼻 (дзакуро хана), досл. «Нос – гранат»³.

Как видно из примеров, особенности внешнего вида того или иного растения нашли отражение при описании внешнего вида человека. При этом положительные коннотации имеет фитоним «ива», являясь для японцев символом молодости и красоты.

2. Сходство между людьми

Внешнее сходство двух человек представлено

несколькими идиомами, в образовании которых участвуют фитонимы. Например: 菖蒲と杜若 (аямэ-то какицубата), досл. «Ирис и ирис-касатик» и 割った桃のように (ватта момо-но ё:ни), досл. «Будто расколотый персик»⁴. Два вида ириса, как и две половинки персика, очень похожи друг на друга, поэтому с ними и сравнивают двух похожих людей.

3. Внешность человека и его характер

Японцы полагают, что о человеке не следует судить по внешности, поскольку она может быть обманчива. Данное убеждение нашло свое выражение в японском идиоматическом выражении 日陰の梨 (хикагэ-но наси), досл. «Груша в тени». Выражение возникло благодаря тому, что груша, растущая в тени выглядит очень красиво, однако ее плоды по вкусовым свойствам значительно уступают плодам груши, растущей под прямыми лучами солнца⁵. Если человек высокого роста, крупного телосложения, но при этом он слабый и не годен ни для какой работы, его сравнивают с аралией. Когда аралия достигает больших размеров, она становится непригодной в пищу и в то же время ее нельзя использовать в строительстве, так как это довольно хрупкое дерево. Именно поэтому и появилось выражение: 独活の大木 (удо-но дайбоку), досл. «Большое дерево аралии». И наоборот, человека маленького, но талантливого и пригодного для работы сравнивают с семенами такого растения, как зантоксилум перечный и говорят: 山椒は小粒でもびりびりと辛い (сансё: вакоцубу-дэмо пирипири-то карай), досл. «У зантоксилума даже мелкие зерна жгучие и острые»⁶.

4. Здоровье

Человека со слабым здоровьем сравнивают с речной ивой и говорят: 蒲柳の質 (хорю:но сицу), досл. «Качества речной ивы». Когда наступает осень, речная ива раньше других деревьев сбрасывает листья, не выдерживая и незначительного похолодания. Именно поэтому слабое здоровье человека, который может быстро заболеть, сравнивают с этим деревом⁷. Сильного человека сравнивают с (дайконом (японской редькой) 大根強い (дайкон дзуёй), досл. «Сильный, (как) дайкон»⁸.

5. Особенности характера

Человека, который на первый взгляд кажется слабым, но на самом деле обладает сильным характером, японцы сравнивают с ивой. Ива обладает таким природным качеством, как гибкость, благодаря чему ей не страшны ни сильный ветер, ни снег. Это нашло отражение в следующих выражениях: 柳に雪折れなし (янаги-ни юкиорэнаси), досл. «Ветер иву не ломает»; 柳に風 (янаги-ни кадзэ), досл. «Что иве ветер». Данные фразеологические единицы используют, когда говорят о человеке с сильным характером, который выдерживает все испытания судьбы⁹. Неусидчивость человека сравнивают с большим количеством персиков, лежащих на тарелке, которые «так и норовят» упасть: 皿に桃を盛る (сара-нимомо-о мору), досл. «Наложить полную тарелку персиков». О честном человеке говорят: 竹を割ったよう (такэ-о вагта ё:), досл. «Словно разрубленный бамбук», так как если разделить бамбук, внутри будет только пустота, т. е. он не содержит в себе ничего скрытого¹⁰. О честном и открытом человеке, на которого не оказало влияние все то плохое, что есть в мире, говорит идиоматическое выражение 蓮花の水に在る如し (рэнгэ-но мидзу-ни ару готоси), досл. «Словно находится в воде лотосов». Побеги лотоса вырастают на грязевом поле, но при этом цветут красивыми розовыми цветами, т. е. они не становятся такими же грязными, как поле, которое их окружает¹¹. Такое негативное качество человека, как зависть, находит отражение в пословице 内の米の飯より隣の麦飯 (ути-но комэ-но мэси-ёритонари-но мугимэси), досл. «Соседская каша из ячменя лучше, чем рисовая каша дома». Излишняя осмотрительность, перетекающая в трусость, выражена в таких идиоматических единицах, как: 李下に冠を正さず (рика-ни каммури-о тадасадзу), досл. «Не поправляй корону под сливовым деревом» и 瓜田に履を納れず (кадэн-ни куцу-о ирэдзу), досл. «Не ступай на грядку с дынями». «Если будешь поправлять корону под сливовым деревом, люди могут подумать, что ты воруюешь сливы; если вдруг наступишь на грядку с дынями, тебя могут обвинить в неурожае», – люди, которые так думают, ведут

⁵ Хиробуми Кондо. Сёкубуцу кодзи котовадза (Старые пословицы, содержащие названия растений) / Хиробуми Кондо. – Осака : Хойкуся, 1982. – С. 67.

⁶ Токихиса Курасима. Котовадза мэйгэн дзитэн (Словарь пословиц и афоризмов) / Токихиса Курасима. – Токио : Согэнся, 2000. – С. 51.

⁷ Хиробуми Кондо. Сёкубуцу кодзи котовадза (Старые пословицы, содержащие названия растений) / Хиробуми Кондо. – Осака : Хойкуся, 1982. – С. 90.

⁸ Комната пословиц: пословицы, содержащие названия растений. – Режим доступа : <http://study.matrix.jp/kotowaza/plant.shtml>

⁹ Хиробуми Кондо. Сёкубуцу кодзи котовадза (Старые пословицы, содержащие названия растений) / Хиробуми Кондо. – Осака : Хойкуся, 1982. – С. 91.

¹⁰ Комната пословиц: пословицы, содержащие названия растений. – Режим доступа : <http://study.matrix.jp/kotowaza/plant.shtml>

¹¹ Словарь фразеологизмов. – Режим доступа : <http://www.weblio.jp>

¹ Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М. : Либроком, 2010. – С. 13.

² Хиробуми Кондо. Сёкубуцу кодзи котовадза (Старые пословицы, содержащие названия растений) / Хиробуми Кондо. – Осака : Хойкуся, 1982. – С. 89.

³ Мунэо Иноуэ. Ёрэй-дэ вакару канъёку дзитэн (Фразеологический словарь: пойдем на примерах) / Мунэо Иноуэ. – Токио : Гакуэнкэнкюся, 2007. – С. 93.

⁴ Хидэхару Такахаши. Досёкубуцу котовадза дзитэн (Словарь пословиц, содержащих названия животных и растений) / Хидэхару Такахаши. – Токио : Токёдо сюппан, 1997. – С. 59.

себя крайне осторожно, боясь, того, что на них могут падать подозрения в чем-либо¹².

6. Речевое поведение

Искусного оратора характеризуют идиоматические выражения 戸板に豆 (тойта-ни мамэ), досл. «(Бросать) бобы в доски от ставень» и 竹に油を塗る (такэ-ни абура-о нуру), досл. «Намазать бамбук маслом», т. е. говорить быстро, четко, не запинаясь¹³. Брошенные в доску бобы легко скатываются вниз, как и человек легко владеет своей речью. Намазанный маслом бамбук легко скользит, так и человек легко находит слова для выступления.

7. Опыт, мастерство, талант

О неопытном человеке японцы говорят: 芋の煮えたものご存じない (имо-но низта моно годзондзинай) досл. «Не знать даже вареной картошки (батата)», так как батат был дешевой пищей, поэтому был доступен всем без исключения слоям населения до окончания Второй мировой войны¹⁴. В случае если ученик в чем-либо превзошел своего учителя, используется поговорка, в образовании которой участвует фитоним «индиго»: 青は藍より出でて藍よりも青し (аова ай-ёриидэтэ ай-ёриаоси), досл. «Синий цвет, появившийся из индиго, более синий, чем само растение». Все дело в том, что из синих цветов индиго изготавливают краску, которая имеет более насыщенный, яркий цвет, чем само растение¹⁵. Талант человека можно заметить еще в раннем детстве, что нашло отражение в таких японских поговорках, как: 梅檀は双葉より芳し (сэндан-вафутаба-ёрикамбаси) досл. «У мелии семядоли ароматные» и 梅は蕾より香あり (умэвацубоми-ёри ка ари), досл. «У сливы и от почек исходит аромат»¹⁶. То, что слива и мелия будут красиво цвести и иметь вкусный аромат, можно определить уже по почкам, как и талантлив ли человек, можно увидеть задолго до полного проявления его способностей.

8. Трудовая деятельность

Каждый вид работы требует не только определенных знаний, умений и навыков, но и усердия, желания и терпения добиться поставленной цели. Данное убеждение выражено в японской поговорке 桃栗三年柿八年 (момо кури саннэн-каки хатинэн), досл. «Персику и каштану нужно три года, хурме восемь лет», т. е. для того, чтобы начать собирать плоды с данных деревьев потребуется три и восемь лет соответственно, в течение которых необходимо непрерывно за ними ухаживать¹⁷. Если достигнут результат в какой-либо деятельности, и при его достижении не было приложено усилий, говорят: 濡れて手粟 (нурэтэ дэ ава), досл. «(Собрать) чумизу мокрой рукой». Данное выражение появилось благодаря тому, что мокрой рукой можно сразу собрать большое количество зерен, не прикладывая при этом особых усилий¹⁸. О человеке, который всю свою жизнь посвятил только работе, говорят: 夢食う虫は夢で死ぬ (тадэ куу муси ва тадэ-дэ сину), досл. «Насекомые, питающиеся горцем, от него и погибают»¹⁹. Идиоматическое выражение 桂を折る (кацура-о ору), досл. «Сломать багряник» имеет значение «выдержать выпускные экзамены; окончить учебное заведение»²⁰.

9. Эмоции

Если красавица хмурит брови, то японцы употребляют выражение 柳眉を逆立てる (рю:би-осакадатэру), досл. «Взъерошить брови ивы»²¹. Сильную злость человека сравнивают с пожаром в бамбуковой лавке, во время которого раздается сильный треск, и говорят: 竹屋に火事 (такэя-ни кадзи), досл. «Пожар в бамбуковой лавке»²².

10. Сходство детей и родителей

Японцы отмечают тот факт, что большинство детей похожи на своих родителей не только внешними данными, но и поведением. Данный феномен представлен следующей поговоркой: 瓜の蔓に茄子はならぬ (ури-но цуру-ни насу-

би ва нарану), досл. «На лозе дыни не уродится баклажан»²³. Данная поговорка построена на метафорическом переосмыслении компонентов-фитонимов, где под лексемой 茄子 насуби «баклажан» подразумеваются дети, а лексема 瓜の蔓 (ури-но цуру) «лоза дыни» обозначает родителей. Конфуцианство не является отдельной религией в Японии, однако конфуцианские идеалы должного социального поведения – особенно уважительное отношение детей к родителям – прочно вошло в японский быт и общественное сознание²⁴, что отражено в поговорке 親の意見と茄子の花は千に一つ無駄はない (оя-но икэн-то насуби-но хана васэн-ни хитоцу муда ванай), досл. «Как среди тысячи советов родителей нет ни одного бесполезного совета, так и среди тысячи цветов баклажана нет ни одного пустоцвета»²⁵. Идиоматическое выражение 畠にあって芋種 (хатакэ-ни аттэ имоданэ), досл. «Попавшие на поле семена картофеля» означает влияние матери на детей: если мать хорошая, то и дети будут похожи на нее. Выражение возникло в силу того, что какими бы высококачественными ни были семена, если они были посажены на плохом поле, хорошего урожая не будет. Мысль о том, что дети могут стать лучше, чем их родители, отражена в выражении 竹の子は親まさり (такэ-но ко ваоямасари), досл. «Ребенок бамбука превосходит родителя». Данное выражение возникло благодаря тому, что молодые побеги бамбука растут с невероятной скоростью и за короткий промежуток времени могут стать даже выше старого бамбука²⁶.

11. Похвала

В японской культуре похвала в лицо не поощряется. Японская поговорка 桃李もの言わざれども下自ずから蹊をなす (то:ри моно ивадзарэдомо сита онодзукаракэй-о насу), досл. «Хоть персик и слива себя не расхваливают, дорожка под ними протоптана» имеет значение, что хороший по качеству товар, как и хороший человек, не нуждается в похвале. Также не стоит возлагать больших надежд, по мнению японцев, на маленького ребенка: 青田と赤子はほめられぬ (аота-то акаго ва хомэрарэну), досл. «Не могу

хвалить молодое рисовое поле, как не могу хвалить младенца» означает, что если в детстве человек хороший, это не является гарантией того, что он таким и останется в будущем²⁷.

II. Судьба, удача/неудача

То, что везение человека зависит не только от судьбы и удачи, но и от него самого, отражено в поговорке いつも柳の下にドジョウはいらぬ (ицумоянаги-но сита-ни додзё: ваирану), досл. «Не всегда под ивой водится рыбешка». Если тебе в чем-либо однажды повезло, и при этом ты не прикладывал особых усилий, это совершенно не значит, что так будет всегда²⁸. Бывает и так, что человеку улыбается фортуна, и он получает неожиданный подарок судьбы. В таком случае японцы говорят: 山の芋が鰻になる (яма-но имо-га унаги-ни нару), досл. «Яма-но имо (сорт картофеля) станет угрем». Яма-но имо – сорт картофеля, который был доступен японским беднякам, в отличие от дорогого угря. Поэтому, если бы бедняк неожиданно разбогател, то на его столе вместо дешевого картофеля появился бы довольно дорогой деликатес. Если человек терпит неудачу из-за своей рассеянности, о нем говорят: 芋茎で足を衝く (имогара-дэ аси-о цуку), досл. «Ударить ногу стеблем картофеля». Сухим стеблем картофеля можно поранить ногу, но для этого нужно быть очень невнимательным человеком²⁹. Неожиданный, неприятный результат чего-либо выражен идиомой 豆を植えて稗 (мамэ-о уэтэхизэ), досл. «Посадить бобы, а получить просо». Невозможность какого-либо события отражается в идиоматических выражениях 炒豆に花 (иримамэ-ни хана), досл. «Цветы на жареных бобах» и 小豆の豆腐 (адзуки-но то:фу), досл. «Тофу из красной фасоли»³⁰. Как на жареных бобах уже никогда не смогут появиться цветы, так и тофу (соевый творог) невозможно приготовить из красной фасоли. Именно поэтому данные выражения указывают на невозможность, нереальность чего-либо.

III. Время

Эстетическое переживание бренности бытия, быстротечности времени, во многом связанное с буддистским мировосприятием, выражено, глав-

¹² Trimmell Edward. *Tigers, Devils, and Fools: A Guide to Japanese Proverbs* / Edward Trimmell. – Beechmont Crest Publishing, 2004. – С. 135.

¹³ Быкова, С. А. *Фразеология японского языка и диалекты* / С. А. Быкова // *Восточное языкознание*. – 2003. – С. 63.

¹⁴ Хиробуми Кондо. *Сёкубуцу кодзи котовадза (Старые поговорки, содержащие названия растений)* / Хиробуми Кондо. – Осака : Хойкуся, 1982. – С. 14.

¹⁵ Сиро Хаяси. *Таносику манабу котовадза дзитэн (Словарь поговорок, которые изучают с радостью)*. – Токио : Ниппон хосокэкай, 2000. – С. 101.

¹⁶ Таро Гоми. *Нихон котовадза моногатари (Рассказы о японских поговорках)* / Таро Гоми. – Токио : Тамагавагакуэн, 1985. – С. 97.

¹⁷ Хиробуми Кондо. *Сёкубуцу кодзи котовадза (Старые поговорки, содержащие названия растений)* / Хиробуми Кондо. – Осака : Хойкуся, 1982. – С. 86.

¹⁸ *Комната поговорок: поговорки, содержащие названия растений*. – Режим доступа : <http://study.matrix.jp/kotowaza/plant.shtml>, свободный.

¹⁹ Хиробуми Кондо. *Сёкубуцу кодзи котовадза (Старые поговорки, содержащие названия растений)* / Хиробуми Кондо. – Осака : Хойкуся, 1982. – С. 63.

²⁰ Быкова, С. А. *Японско-русский фразеологический словарь* / С. А. Быкова. – М. : Муравей-гайд, 2000. – С. 95.

²¹ Хиробуми Кондо. *Сёкубуцу кодзи котовадза (Старые поговорки, содержащие названия растений)* / Хиробуми Кондо. – Осака : Хойкуся, 1982. – С. 91.

²² Michael L. Maynard, Senko K. Maynard. *101 Japanese Idioms : Understanding Japanese Language and Culture Through Popular Phrases* / Michael L. Maynard, Senko K. Maynard. – McGraw-Hill Professional, 2003. – С. 76.

²³ *Словарь поговорок*. – Режим доступа : <http://thu.sakura.ne.jp/others/proverb>

²⁴ Прасол, А. Ф. *Япония. Лики времени: менталитет и традиции в современном интерьере* / А. Ф. Прасол. – М. : Наталис, 2008. – С. 43.

²⁵ Таро Гоми. *Нихон котовадза моногатари (Рассказы о японских поговорках)* / Таро Гоми. – Токио : Тамагавагакуэн, 1985. – С. 17.

²⁶ *Словарь фразеологизмов*. – Режим доступа : <http://www.weblio.jp>

²⁷ Trimmell Edward. *Tigers, Devils, and Fools: A Guide to Japanese Proverbs* / Edward Trimmell. – Beechmont Crest Publishing, 2004. – С. 67, 69.

²⁸ Хиробуми Кондо. *Сёкубуцу кодзи котовадза (Старые поговорки, содержащие названия растений)* / Хиробуми Кондо. – Осака : Хойкуся, 1982. – С. 91.

²⁹ Хидэхару Такахаши. *Досёкубуцу котовадза дзитэн (Словарь поговорок, содержащих названия животных и растений)* / Хидэхару Такахаши. – Токио : Токёдосяппан, 1997. – С. 88.

³⁰ Кэнъити Акияма. *Ирасуто сакумоцу дзитэн (Иллюстрированный словарь сельскохозяйственных культур)* / Кэнъити Акияма. – Токио : Фумин Кёкай, 1998. – С. 44.

ным образом, во фразеологических единицах с компонентом-фитонимом «сакура». Кэнко-хоси (1283–1350), японский писатель и поэт, соединивший в себе аристократическое происхождение и писательский дар, отмечал: «Если бы человеческая жизнь была вечной и не исчезала бы в один прекрасный день, подобно росе на равнине Адаси, и не рассеивалась бы, как дым над горой Торибэ, не было бы в ней столько скрытого очарования. В мире замечательно именно непостоянство»³¹. Сакура цветет только в течение недели, поэтому ее цветение связывают с быстро проходящей человеческой жизнью: 明日ありと思う心の仇桜 (асу ари-то омоу кокоро-но ададзакура), досл. «Сердце, полагающееся на завтрашний день, враг сакуры»; 三日見ぬ間の桜 (микка мину айда-но сакура), досл. «Сакура, которую не видел три дня»; 桜は七日 (сакура ва нанока), досл. «Семь дней сакуры»³². Данные фразеологические единицы указывают на то, что необходимо жить именно сегодня, а если мы всегда будем чего-либо ждать, то жизнь пройдет мимо. Помимо сакуры, фитоним «вьюнок» участвует в образовании идиомы, указывающей на быстротечность жизни: 朝顔の一時 (асагао-но хито токи), досл. «Час цветка вьюнка» (вьюнок – цветок, который цветет только несколько часов). Пустую трату времени сравнивают с пусканием стрел в бамбук, которое не имеет никакой пользы, поскольку в зарослях бамбука невозможно ничего разглядеть: 竹藪に矢を射る (такэябу-ни я-о иру), досл. «Пускать стрелы в бамбуковые заросли»³³. Выражения 薊の花も一盛り (адзами-но хана-мохито сакари), досл. «И бодяк в свое время цветет», 生姜畑も花ざかり (сё:гахатакэ-

моханадзакари), досл. «И имбирное поле бывает в полном цвету» указывают на то, что в мире всему свое время³⁴.

IV. Гармония

Гармоничное сочетание вещей находит отражение в выражениях: 桜と梅 (сакура-то умэ), досл. «Сакура и слива», 竹に雀 (такэ-ни судзумэ), досл. «Воробей в бамбуке», 梅に鶯 (умэ-ни угуйсу), досл. «Соловей в сливе». В представлении японцев данные сочетания идеальны, так как сакура, слива и бамбук типично японские растения³⁵.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что фразеологические единицы, в образовании которых участвуют фитонимы, указывают как на положительные, так и на отрицательные качества человека или явления, обращают внимание человека на ценность времени и гармонию в окружающей среде. При этом один и тот же фитоним может участвовать в образовании фразеологической единицы, как с положительным оттенком значения, так и с отрицательной оценкой. Наибольшее количество фразеологизмов относится к описанию человека – его внешности, характера, особенностей речевого и неречевого поведения. То или иное растение используется во фразеологических единицах в силу сходства качеств растения и человека. Кроме того, во фразеологических единицах нашло отражение наблюдение японцев за живой природой, их внимательное, бережное отношение не только к тому, что может существовать долгий период времени, но, и в особенности к тому, что каждый раз напоминает о быстротечности жизни и бренности бытия.

К ВОПРОСУ ОБРАЗОВАНИЯ АНГЛИЙСКИХ ТЕРМИНОВ-НЕОЛОГИЗМОВ В ОБЛАСТИ КОМПЬЮТЕРНЫХ И ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Английский язык отличается огромным лексическим богатством. Это живой язык, поэтому ему свойственно появление новых слов и терминов. Бурный рост со второй половины XX века компьютерных технологий, и, в частности, массовое внедрение в середине 1980-х годов в обиход обычного человека персональных компьютеров и компьютерных устройств, внесли в английский язык большое количество специальных слов и выражений, богатую разветвленную терминологию.

Цель данного исследования состоит в изучении компьютерной лексики, новых терминов в сфере компьютерных и информационных технологий, а также основных способов их образования.

Любой язык – это явление изменяющееся и развивающееся. Каждая эпоха откладывает свои отпечатки: оставляет новые слова, уносит старые, которые уже не нужны в употреблении. Английский язык не является исключением. В настоящий момент английский язык переживает неологический бум. В нем появляется огромное количество новых лексических единиц, около 800 слов в год. Взаимное проникновение слов из одного языка в другой в странах, заинтересованных в тесном сотрудничестве, происходит постоянно, то замедляясь, то ускоряясь.

Говоря о словообразовании, обычно имеют в виду пополнение словарного состава языка новыми словами в результате индивидуального или массового словотворчества. Создание новых слов – это основная функция словообразования. Одной из сторон словообразования как аспекта лексикологии является отнесение его к средству пополнения словарного состава¹.

Новыми словами лексикологи и лексикографы считают единицы, которые появляются в языке позднее какого-то временного предела, полагаемого за исходный. Так, некоторые исследователи считают таким пределом конец второй

мировой войны. Другие связывают появление новых слов с освоением космоса и определяют границу 1957 г. – годом запуска первого спутника. Таким образом, критерий неологизма, с одной стороны, произволен, с другой – объективен².

Исследователи отмечают, что наиболее продуктивными оказываются такие способы, как словосложение и словопроизводство, другие же, например, конверсия, лексико-семантический способ, образуют новые слова в меньшем количестве³.

Новые слова и выражения, возникающие для обозначения новых понятий в науке и технике, появляются как терминологические неологизмы. К этой группе относятся, например, следующие слова: extranet, intranet, AIDS, HIV.

Новые слова и выражения могут возникать для передачи понятий, уже существующих в языке, но выраженные другими языковыми средствами, в целях создания экспрессивности. Такие неологизмы называются стилистическими неологизмами. Например: brain-drain – «утечка мозгов».

Любое новое слово имеет качество неологизма, т. е. временную коннотацию новизны, пока коллективное языковое сознание реагирует на него как на новое⁴.

В вокабуляре неологизмов можно выделить:

1) собственно неологизмы (новизна формы сочетается с новизной содержания): audiotyping – аудиопечатание; bio-computer – компьютер, имитирующий нервную систему живых организмов; thought-processor – компьютер, логически выстраивающий и развивающий идеи;

2) трансоминации, сочетающие новизну формы слова со значением, уже передававшимся ранее другой формой;

3) семантические инновации, или переосмысления (новое значение обозначается формой, уже имевшейся в языке).

Большое количество новых лексических единиц появилось в связи с развитием компьютерной техники. Такие неологизмы можно раз-

³¹ Кэнко, Ё. Записки от скуки / Ё. Кэнко ; пер. с яп. В. Н. Горегляда. – СПб. : Азбука-классика, 2007. – С. 57.

³² Хиробуми Кондо. Сёкубуцу кодзи котовадза (Старые пословицы, содержащие названия растений) / Хиробуми Кондо. – Осака : Хойкуся, 1982. – С. 45.

³³ Комната пословиц: пословицы, содержащие названия растений. – Режим доступа : <http://study.matrix.jp/kotowaza/plant.shtml>

³⁴ Мунэо Иноуэ. Ёрэй-дэ вакару канъёку дзитэн (Фразеологический словарь: пойдем на примерах) / Мунэо Иноуэ. – Токио : Гакуэнкэнкюся, 2007. – С. 98.

³⁵ Эйити Танидзава. Нихон-но тизэ-о сису кодзи котовадза. (Исторические пословицы, по которым судят о разуме японского народа) / Эйити Танидзава. – Токио : Коданся, 1999. – С. 23.

¹ Мешков, О. Д. Словообразование современного английского языка / О. Д. Мешков. – М. : Наука, 1976. – С. 5.

² Заботкина, В. И. Новая лексика современного английского языка / В. И. Заботкина. – М., 1989. – Режим доступа : <http://www.sch-yuri.narod.ru/student/lexic.htm> (дата обращения : 17.03.2011).

³ Царев, П. В. Продуктивное именное словообразование в современном английском языке / П. В. Царев. – М. : МГУ, 1984. – С. 11.

⁴ Заботкина, В. И. Новая лексика современного английского языка / В. И. Заботкина. – М., 1989. – Режим доступа : <http://www.sch-yuri.narod.ru/student/lexic.htm> (дата обращения : 17.03.2011).

делить на несколько семантических групп:

1) лексические единицы, обозначающие типы компьютеров и их структуру, например: personal computer (PC) – персональный компьютер, supercomputer – суперкомпьютер, multi-user – компьютер для нескольких человек, neugocomputer – электронный аналог человеческого мозга, hardware – части компьютера, varouware – опытные образцы ЭВМ, для выставок, но не для производства и др.;

2) лексические единицы, обозначающие типы языков ЭВМ, например: BASIC (Beginners All-purpose Symbolic Instruction Code) – Бейсик, Fortran (Formula Translation) – Фортран и др.;

3) лексические единицы, обозначающие понятия, связанные с работой на компьютерах, например: liveware – специалисты, работающие на компьютерах, computerman – специалист по ЭВМ, computerize – составлять программу ЭВМ или оборудовать компьютерной техникой, toblitzout – уничтожить часть данных в памяти компьютера и др.

В англо-говорящих странах компьютеризация распространяется в различных сферах жизни, в том числе и в быту. Большое количество неологизмов, связанных с использованием компьютеров в быту, образуется при помощи сокращенной формы tele-, например: telepost – место в доме, где находится компьютер, telework, totelecommute – работать на дому, имея компьютерную связь с производством.

Компьютеризация используется в различных областях науки и техники, что приводит к появлению большого числа терминологических неологизмов. Например, в сфере лингвистики: translation – машинный перевод, interlingual – искусственный язык для машинного перевода на несколько языков.

Словообразование представляет собой наиболее важный путь развития словаря английского языка. Значительное количество новых слов обязано своему появлению в современном английском языке словообразовательным процессам.

По мнению Е. С. Кубряковой, «суть словообразовательных процессов заключается в создании новых наименований, новых вторичных единиц обозначения»⁵.

«Образование новых слов происходит по тем моделям, по тем словообразовательным типам, которые уже установились в языке или вновь возникают в связи с выделением новых основ и использованием новых аффиксальных элемен-

тов, в связи с развитием и усовершенствованием системы словообразования».

В современном английском языке существуют следующие продуктивные способы образования неологизмов: аффиксация (которая подразделяется на суффиксацию и префиксацию), словосложение, конверсия, сокращение.

Наличие деривационных связей между производным словом и исходным дает возможность объяснить производное через исходное и описать его реальный смысл⁶.

Среди суффиксов наиболее продуктивными для образования существительных являются морфемы -er (hacker, gobbler, router), -ese (Internetese, hackerese), -ish (hackish, crockish), -ing (hacking, chunking). Например, в таких словах, как packet driver (программа, подключающая сетевое программное обеспечение), gobbler (элемент, устанавливающий все входные линии в пустое состояние), router (система, соединяющая две и более сети) очевиден перенос человеческих действий на действия и качества ЭВМ. Это связано с тем, что само электронно-вычислительное устройство является одновременно и действующей силой, и средством для достижения какой-либо цели, и орудием.

Именно при помощи аффиксации и были образованы такие слова как: hacker – программист-фанатик; kludgy – сделанный наспех; hackerese – язык хакеров; hackish – искусный, хакерский; hackishness – программистское искусство; froggy (program) – замысловатая программа; hacking – творческая работа хакера; crockhood – гигантизм, громоздкость; crockish – нежный, боящийся изменений; crosky – нежный, боящийся изменений; router – система, соединяющая две и более сети и др.

Словосложение и деривация (аффиксация) представляют собой два основных способа производства новых лексических единиц. Словосложение (compounding) как способ образования слов путем сложения основ в современном английском языке является одним из наиболее продуктивных способов⁷.

Очень часто словосложение выступает как средство создания производящей основы для дальнейшего процесса словообразования. Полученная этим способом основа подвергается конверсии, реверсии или аффиксации, в результате чего возникает новое, производное слово (blacklist – to blacklist; daydream – to daydream; etc.)⁸.

Например, webhead – человек, активно использующий интернет, gearhead – большой любитель техники, firewall – программное обеспечение для защиты от несанкционированного проникновения в локальную сеть или компьютер пользователя.

В ряде случаев при создании слова происходит объединение словосложения и словопроизводства, в результате появляются сложнопроизводные слова (собственно синтаксические композиты), представляющие собой сложные слова, оформленные с помощью аффикса в единое целое:

Например, sideloading – копирование загруженных из сети данных на карту памяти или другое сменное запоминающее устройство; spear-phishing – отправка конкретному лицу по электронной почте письма под видом сообщения от якобы известного ему адресанта с целью получить («выудить») определенную информацию и др.

Конверсия как способ создания новых слов путем деривации значительно снизила в последнее время, с точки зрения некоторых исследователей, свою активность и уступает всем другим видам словообразования, хотя продолжает оставаться достаточно активным способом образования новых слов в английском языке⁹.

При конверсии образуется омоним, семантически связанный с исходным словом: to bookmark – a bookmark (делать закладку на определенную интернет-страницу / закладка на определенную интернет-страницу).

Аббревиация занимает особое место в сфере компьютерной терминологии. Для литературного языка этот способ не является самым продуктивным словообразовательным приемом, хотя в XX в. и отмечается необычно широкое применение аббревиации. Особенно это касается разговорного языка. Сейчас модно сокращать все, что поддается сокращению.

Говорить об аббревиатурном взрыве возможно и в области «компьютеропользования». Особенно большое количество аббревиатур характерно для так называемых «чатов». «Чат» (to chat – болтать) – синхронный вид электронного общения, как в телефонном разговоре, однако обмен «репликами» происходит не в устной форме, а в письменной.

Аббревиация в компьютерной лексике представлена различными типами: semi (от semicolons), jock (от jockey), quest (от question); усечение начальной части слова (Net (от Internet)). Но самым популярным типом аббре-

виации является, пожалуй, буквенное сокращение каких-либо словосочетаний и даже предложений. Например, буквенное сокращение предложений:

DIAFYO – Did I Ask For Your Opinion?

GMAB – Give Me A Break

GMTA – Great Minds Think Alike

В наиболее чистом виде способность обозначать неизвестное через известное представлена в лексическом или семантическом словообразовании, сущность которого заключается в употреблении давно существующего в языке слова для обозначения нового понятия без использования словообразовательных формантов. Как отмечает В. И. Заботкина, в основе образования семантических инноваций «лежит необходимость проинновировать новую вещь»¹⁰.

Данный словообразовательный тип весьма продуктивен в научно-технической области, в частности, в области высоких технологий, поскольку требования научно-технического прогресса постоянно создают номинационный вакуум в терминологических словарях всех отраслей науки и техники. Для заполнения этого вакуума не хватает ни всего арсенала корневых слов, ни возможностей аффиксального аппарата.

Переход нового слова в разряд самостоятельной лексической единицы происходит через одно из омонимичных значений. Например: browser (n.) – «человек, пролистывающий книги» от «веб-обозреватель, программа для просмотра, «пролистывания» интернет-страниц»; client (n.) – «клиент» от «компьютерный пользователь»; «программа, установленная на компьютере пользователя для соединения и получения данных с сервера или другого компьютера»; cookie (n.) – «домашнее печенье» от «небольшой фрагмент данных о предыстории обращений данного пользователя к данному интернет-серверу, автоматически создаваемый сервером на машине пользователя» и др.

Некоторые терминологические новообразования создаются путем метафоризации, например: mouse – «компьютерная мышь» (перенос значения по сходству) и т. д., хотя основным способом их образования является сужение (терминологизация) значений повседневной лексики или терминов смежных терминосистем, а также сужение и перенос значений терминов из одной терминосистемы в другую. Например, в сфере компьютерной техники словом «slice» обозначается «квант» (часть ресурса памяти), а термин «prefix» («префикс») в программировании

⁵ Кубрякова, Е. С. Словообразование // Общее языкознание. Внутренняя структура языка / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1972. – С. 356.

⁶ Карацук, П. М. Словообразование английского языка / П. М. Карацук. – М.: Высшая школа, 1977. – С. 16.

⁷ Царев, П. В. Продуктивное именное словообразование в современном английском языке / П. В. Царев. – М.: МГУ, 1984. – С. 28.

⁸ Елисеева, В. В. Лексикология английского языка / В. В. Елисеева. – М., 1989. – Режим доступа: http://www.classes.ru/grammar/24.leksikologiya_angliyskogo_yazyka/7.2.2.htm

⁹ Винокуров, А. М. Аффиксальные новые слова в современном английском языке / А. М. Винокуров // Сохранение и обновление языковых подсистем. – Тверь, 1992. – С. 12.

¹⁰ Заботкина, В. И. К вопросу о принципах типологии неологизмов в современном английском языке / В. И. Заботкина // Деривация в норме и терминосистемах. – Владивосток, 1990. – С. 128.

называют «необязательные элементы».

Таким образом, семантические преобразования являются весьма продуктивным способом номинации новых понятий, кроме того, они «служат средством усиления экспрессии лексики за счет создаваемых этим способом более выразительных лексических единиц – синонимов к уже существующим нейтральным словам».

Анализ исследований в области неологии позволяет констатировать, что при рассмотрении новой лексики лингвисты учитывают экстралингвистические и лингвистические факторы, влияющие на появление новообразований, а также прагматические потребности общества.

Существование множества определений понятия «неологизм», а также терминов «окказионализм» и «потенциальное слово» привели к появлению различных их классификаций, которые, несмотря на их научную значимость, не

выразились в создании общей методики их разграничения.

Неологизмы, возникшие в компьютерной сфере, помимо принятых классификаций, можно разделить также на лексические единицы, обозначающие типы компьютеров и их структуру; лексические единицы, обозначающие типы языков ЭВМ; лексические единицы, обозначающие понятия, связанные с работой на компьютерах.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что компьютерная терминология развивается по тем же правилам, что и английский язык, подчиняется тем же тенденциям. Тем не менее, ее можно причислить к отдельному пласту языка, так как некоторые единицы терминосистемы используются только в профессиональной сфере и иногда без специального словаря невозможно понять значение того или иного слова или словосочетания.

РАЗДЕЛ III

КУЛЬТУРА, ЭТНОГРАФИЯ И ЛИТЕРАТУРА СТРАН ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

КОНФУЦИАНСТВО КАК КУЛЬТУРООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР КИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

История Китая уходит корнями в давние времена. Уже на заре эпохи формирования первой протоцивилизации на территории современного Китая народ начал сохранять в своей памяти деяния великих императоров, стоявших у истоков формирования китайской культуры, воспоминания о золотых веках истории, сопровождавших эти деяния, а также о первых предпринятых попытках построить справедливое общество. Все это происходило во времена правления мифического основателя Китая, императора Фу Си (ок. 2852 г. до н. э.), а также в эпоху т. н. Пяти императоров (ок. 2600–2200 гг. до н. э.), среди которых трех (Яо, Шунь, Юй) основатель китайской традиционной системы социальных отношений Конфуций (551–479 гг. до н. э.) считал самыми совершенными людьми, когда-либо жившими на свете. Именно при этих императорах были разработаны первые законы, окреп и утвердился культ почитания предков, а также наступили века всеобщей справедливости и уважения. Тем не менее, при эпохе Пяти императоров также появилось рабство как отдельная система взаимоотношений людей. Это говорит о том, что китайская протоцивилизация развивалась примерно в одном историческом ключе с другими мировыми протоцивилизациями, такими как Хараппская (Индия), династии Ранних царств (Египет) и Шумерская цивилизация.

Несмотря на наличие большого количества легенд об основателях китайской цивилизации, на данный момент не существует документально подтвержденных сведений их действительного существования, а число прочих материальных памятников столь мало, что не позволяет составить сколько-нибудь целостной картины общества тех времен. Исследователи основ китайской цивилизации могут лишь предполагать, как все было на самом деле.

Вероятно, что и сам Конфуций, один из величайших умов человечества, также не имел доступа к письменным памятникам мифической древности и вынужден был исследовать ее только по мифам, легендам и притчам, которые народ бережно передавал из поколения в поколение. Тем не менее, доступные Конфуцию записи времен династии Западная Чжоу (1027–771 гг. до н. э.) позволили ему понять, что и тогда система социальных отношений существовала на довольно высоком уровне развития, переняв от мифических времен все самые лучшие наработки и в конечном итоге сформировав из них

стройную систему. Поэтому Конфуций в своем Учении опирался не сколько на мифы и легенды, столько на документально подтвержденные сведения эпохи Западная Чжоу.

Культурно-цивилизационные предпосылки Китая были созданы много тысяч лет назад, со временем сформировавшись в единую систему, пережившую Золотой век своего расцвета, но окончательную и отчетливую форму приобретая только во времена философской деятельности Конфуция, который принял за образец идеальной жизни баснословную древность, правда которой давно утеряна в мире, но сохранилась в старинных книгах. Следуя мысли философа, чтобы исправить кошмар современности, нужно постичь древнюю культуру, явленную в слове. Этому и должен посвятить себя благородный человек (цзюньцзы), притязавший на управление другими, обычными (сяожень) людьми. Намереваясь устроить современное ему общество по идеальному образцу, Конфуций во множестве заимствовал архаические обычаи и представления, часто толкуя их по-своему, наделяя их иным содержанием.

Так случилось, например, с древним культом предков. Своим мертвым прародителям поклонялись многие народы, но в архаическом китайском обществе ритуал почитания умерших родителей получил весьма широкое распространение и со временем начал обставляться пышным церемониалом. Особенно торжественным был обряд поклонения предкам главы клана, в котором участвовали его ближайшие родственники. Они в свою очередь поклонялись собственным предкам. Ритуал всегда сопровождался жертвоприношениями, песнями и танцами.

Стоит обратить внимание, что в случаях, когда обряд отправлял не государь, в контакт с предками рода мог вступать только старейшина семейного клана. Иными словами, уже в глубокой древности общественным уважением пользовались не только умершие, но и старшие из живых. Сами же умершие считались не вполне мертвыми, поскольку оказывали едва ли не решающее влияние на жизнь потомков. Конфуцию осталось только актуализировать это влияние, сделать его частью общего культа древности, когда жили мудрые правители и их добродетельные подданные, ставшие предками нынешних правителей и подданных соответственно. Он вывел почитание предков за пределы сравнительно узкого круга знатных семейств, из локального родоплеменно-

го обихода и сделал его общественно значимым ритуалом, обязательным для всего населения страны.

Хотя Конфуций строил свое учение в основном на базе древних обрядов, ритуалов, культа и этики, связанных, прежде всего, с верхним пластом религиозных верований, он и его последователи сделали все возможное, чтобы распространить свои принципы на возможно более широкие массы народа. До той поры распространенный в основном среди знати культ предков сделался основой религиозно-этических норм низших слоев, оттеснив на второй план привычные суеверия, магические практики и пр.

Кроме того, он дополнил обновленный культ предков учением о сыновней почтительности (сяо), чем фактически лишил почитание умерших родителей мистического статуса, приравняв их просто к уважаемым членам общества. Зато принцип сяо был поставлен Конфуцием выше прочих моральных принципов его учения, и следование ему считалось безусловным нравственным обязательством. Впрочем, о содержательной стороне понятия сяо Конфуций говорил довольно расплывчато, не стараясь дать ему точное определение. Скорее ему хотелось очертить круг возможных представлений о сяо – истинных и ложных. Как-то он сказал: «Ныне сыновней почтительностью именуют способность прокормить. Но ведь кормят и лошадей с собаками. Коли нет благоговения, то в чем же разница?»¹. Знаменитый истолкователь наследия Конфуция Чжу Си (XII в. н. э.) так объясняет сказанное Учителем: «Смысл тот, что, содержа скотину, человек тоже имеет основание ее кормить, и значит, если он способен кормить своих родителей, не проявляя к ним особого чувства благоговения, то в чем будет отличие содержания родителей от содержания скотов?»². Иными словами, Конфуций резко осудил бездумную, лишнюю ритуальной значительности и душевного трепета заботу о родителях, каковой, видимо, грешила и знать, и простонародье.

В другой раз мудрец так ответил на вопрос о сути сыновней почтительности: «При жизни служи родителям по ритуалу, умрут – похорони по ритуалу и принеси им жертвы по ритуалу»³. Ритуал здесь – это правила (ли) чинного достойного поведения, регламентирующие буквально каждый шаг человека внутри социума. В данном случае речь идет о полном и беспрекословном послушании, облеченном в соответствующие внешние формы.

Именно правила ли обязывали уважать родителей, заботиться о них при жизни, угождать, исполнять любой каприз без малейшего колебания или осуждения. Образцовый сын зимой согревал родительскую постель, даже будучи взрослым, спрашивал их согласия на любой сколько-нибудь значимый поступок, т. е. буквально растворялся в них, навсегда оставаясь в положении ребенка. Фактически вплоть до смерти отца сын был социальным и юридически неполноправным. Даже занимая высокий пост, он по смерти кого-то из родителей должен был выйти в отставку, три года соблюдать траур, а власть обязана была содействовать ему в этом.

Принцип сяо был настолько всемогущ в системе социальных отношений, что оправдывал любые проступки, включая преступление. Полновластно хозяйничая в семье, отец имел право распоряжаться всем имуществом и даже жизнью домочадцев. В голодные годы нередко продавали детей, чтобы родителям хватило еды – это считалось вполне естественным. Право отца и матери на жизнь детей никто не подвергал сомнению. Равно как и сын во имя родителей мог совершить тяжелейший проступок. Известен случай, когда вопреки строжайшему запрету на пользование императорской колесницей (ослушнику отрубали обе ноги) один из приближенных государя, узнав о болезни матери, без колебания нарушил запрет и избежал наказания.

Одним из самых поразительных высказываний Конфуция является то, что сын обязан покрывать отца, совершившего кражу, и официальное законодательство вослед Учителю отказывалось признавать в суде свидетельства детей против родителей. Сын не имел права ни в чем перечить отцу, каким бы тот ни был. Самое большее, он мог мягко увещевать родителя, униженно просить вести себя как подобает, а при неудаче – молча скорбеть.

Почему же исполнение сугубо семейной заповеди о сыновней почтительности сделалось государственным делом? На то имеются, по крайней мере, две причины. Во-первых, Конфуций видел в семье универсальный прообраз общественного и даже государственного устройства. Традиционный образ китайского общества – это «гора песка», где каждая песчинка соответствует отдельной семье. Император в буквальном смысле слова почитался отцом своего народа, а подданные его детьми. Подобным образом была устроена и вся пирамида общественных отношений, так что принцип сяо обеспечивал не только

¹ *Мудрость Конфуция: афоризмы и поучения / под ред.: В. П. Бутромеева, В. В. Бутромеева. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – С. 103.*

² *Введение в востоковедение: общий курс / отв. ред.: Е. И. Зеленева, В. Б. Касевич. – СПб.: КАРО, 2011. – С. 452.*

³ *Сидихменов, В. Я. Китай: страницы прошлого / В. Я. Сидихменов. – Смоленск: Русич, 2010. – С. 125.*

прочность отдельной семьи, но и служил надежнейшей скрепой для всего социума. Во-вторых, впитавшие в кровь и плоть идею почитания старших и высших никогда, как полагал Конфуций, не станут бунтовщиками. Для смутного времени, в которое жил мудрец, подобное смирение дорого стоило.

Смирение следовало воспитывать в семье: «Молодежь дома должна быть почтительна к родителям, вне дома уважительна к старшим, отличаться осторожностью и искренностью, правдивостью и заботливой любовью ко всем и сближаться с людьми гуманными»⁴, поскольку «Редко бывает, чтобы человек, который отличался бы сыновней почтительностью и братской любовью, любил бы восставать против старших, и никогда не бывает, чтоб тот, кто не любит восставать против высших, захотел произвести возмущение»⁵. «Смысл ясен, – комментирует уже упоминавшийся Чжу Си, – хороший сын и брат имеет мягкую, податливую душу. Редко кого из таких людей влечет к мятежам, и, уж конечно, никого к сеянию смуты»⁶.

Со времени превращения норм конфуцианской этики в нравственный императив и в систему общественных обязательств все воспитание и обучение детей основывалось на тщательном изучении сложнейших правил и церемоний, обязательных для всякого члена общества и почти без скидок на возраст. С трех лет ребенок по несколько часов проводил с учителем, заучивая наизусть сложнейшие тексты. Его очень рано переставали воспринимать как ребенка (традиционным подарком, который ученик преподносил учителю, впервые явившись на занятия, была палка).

Детские шалости, разумеется, допускались, старшие даже смотрели на них снисходительно, но они считались явным отклонением от чинного поведения, которое требовало во всем подражать старшим – в привычках, в манерах, во внешнем облике. Дети стремились как можно скорее вырасти, повзрослеть. Это обычное детское стремление приобрело в Китае почти маниакальный характер. Слишком бесправны были младшие и необычайно высоко почитаемы старшие во всех сферах жизни.

Младших буквально опутывала сеть строжайших обязательств и почтительных церемоний, далеко превосходящих любой мыслимый этикет в общении со старшими. Помимо понятных обязанностей уступить место или дорогу старику, сойти с колесницы при встрече со старшим по

чину и т. п., на любой вопрос старшего полагалось отвечать не только униженно кланяясь, но и постоянно упоминая о своем незнании, неумении и ничтожности. Строгие церемониальные установления запрещали младшему проявлять любые эмоции, кричать, смеяться, даже смотреть в глаза старшему. По малейшему зову кого-то из старших полагалось не просто откликнуться, но встать и почтительно приблизиться, опустив глаза.

Стоит заметить, что из «пяти отношений», которыми с точки зрения китайской морали исчерпывается диапазон социальных ролей (отношение сына к отцу, подданного к государю, жены к мужу, младшего к старшему и друга к другу), единственным типом связи между людьми, выходящим за пределы семейно-клановой или официальной иерархии, была дружба. Тем не менее, даже отношения дружбы в Китае исторически не предполагали равенства сторон. По крайней мере, из двух друзей один должен быть старшим, и его старшинство давало ему повод покровительствовать младшему товарищу, а также давать ему советы вплоть до выбора невесты.

Непочтительный отказ следовать рекомендациям старшего друга грозил разрывом отношений. Отношения младший – старший делали общение друзей до предела формализованными и создавали благоприятную почву для демонстрации всего церемониального набора поклонов, расшаркиваний, комплиментов и пр. И, тем не менее, дружба чрезвычайно высоко ценилась в традиционном китайском обществе, мало какая другая тема столь часто облекалась в строки лирических стихотворений, воплощалась на живописных свитках и т. п. Ценность, кроме всего прочего, заключалась и в том благородном естественном усилии духа, которое было необходимо для общения со старшим вне семейного круга.

Таким образом, за страстным стремлением молодого человека самому стать взрослым и старшим скрывалась не только извечная тяга к самостоятельному жизненному поприщу, но и желание поскорее получить заслуженную возрастом долю почета и уважения, самому стать объектом подлинного «культы старости», не имевшего, пожалуй, равных в истории других цивилизованных народов. У любого народа старость и мудрость – синонимы, но высочайший авторитет древних мудрых правителей вместе с культом предков и проповеданным Конфуцием почтением к родителям соединили в Китае ум с возрастом прочнее, чем где бы то ни было. Люди, дожившие до почтенного возраста, поль-

зовались всеобщим уважением, граничившим с поклонением.

Другое дело, что реальная жизнь часто была далека от идеала – и в традиционном Китае умирали нищие, всеми покинутые старики, и далеко не все сыновья являли собой пример образцовой

почтительности, и в патриархальной семье не всегда царили мир и спокойствие. Так что многие из упомянутых сторон китайской культуры являются скорее ее нормой, ее в большей степени традиционным и идеальным вариантом, но не повседневным.

⁴ *Мудрость Конфуция: афоризмы и поучения / под ред.: В. П. Бутромеева, В. В. Бутромеева. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – С. 101.*

⁵ *Там же. – С. 97.*

⁶ *Введение в востоковедение: общий курс / отв. ред.: Е. И. Зеленева, В. Б. Касевич. – СПб. : КАРО, 2011. – С. 431.*

ИДЕИ ОБРАЗОВАННОСТИ И УЧЕНОСТИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ КОРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Среди культурологических явлений, которые оказались наиболее тесно связаны с литературами стран Восточной Азии, особое место принадлежит традиционным представлениям об образовании и учености, а также о системе традиционного воспитания.

Известно, что в странах Восточной Азии вопросам традиционного образования всегда придавалось большое значение, а утверждение значимости знаний для социализации индивидуума являло собой не только основу общественно-социальной ментальности общества в странах Востока, но и оказало большое влияние на развитие литературы и культуры народов этого историко-культурного региона.

Необходимо отметить, что изучение истории образования через литературные произведения обогащает отечественную культуру, побуждает заимствовать все лучшее, накопленное корейским народом в сфере образования и воспитания. Кроме того, средневековая корейская литература позволяет лучше понять особенности национального характера корейцев, в котором ярко сочетается приверженность к традициям и, вместе с тем, стремление следовать требованиям современного мира. Интересно, что эта тема нашла свое отражение в основном в прозаических жанрах.

История изучения классического литературного наследия корейцев имела и в Корее, и в нашей стране давние традиции. Однако многие аспекты, представляющие не только большой исследовательский интерес, но и чрезвычайно важные с точки зрения понимания глубины происходивших в корейской литературе и в корейской культуре процессов, пока еще не могут считаться полностью изученными. Одной из таких проблем является, несомненно, проблема взаимодействия литературной и образовательной традиций, способов и форм отражения идей образованности и учености в произведениях корейской классики.

При этом надо отметить, что не только проблема взаимовлияния литературы и образования, но даже сами вопросы образования в широком историческом контексте в нашей науке не были до сих пор предметом специального изучения, хотя в Республике Корея и в КНДР были опубликованы работы, посвященные основным вопросам истории образования на Корейском полуострове. Однако специфической чертой этих работ следует считать их ярко выраженную пе-

дагогико-историческую направленность.

Рассмотрение проблем образования в контексте становления и развития жанров средневековой корейской литературы помогает не только более полно воссоздать объективную картину развития корейской литературы, но и дает возможность для сравнительного изучения процессов, происходивших внутри корейского общества.

Конечно, появление темы образования в литературе не было случайным явлением. Корейский опыт воспитания молодого поколения имел к тому времени давнюю историю, и это свидетельствовало о том, что высокая мотивация получения образования складывалась в Корее на протяжении столетий как важнейшая национальная традиция, отмеченная чуть ли не религиозным почитанием. Интересно, что корейские педагоги и сегодня постоянно обращаются к истории, сочетая современный опыт воспитания с традиционным. А тот факт, что Корея на протяжении долгого времени занимала третье место в мире по количеству студентов на сто тысяч населения, можно объяснить именно тем, что в течение многих веков корейцы придавали огромное значение образованию.

Идея конфуцианского учения о всеобщем, необходимом всем образовании, и прежде всего самообразовании, была внутренне принята корейцами, что заметно отразилось на их стиле жизни. В свете нашей проблематики особого внимания заслуживает традиция единения таких понятий, как образование и литература, поскольку на протяжении веков литература и образование понимались как составляющие единого целого. Как показал проведенный анализ системы корейского просвещения, в Корее потенциальный автор не мог приобщиться к высокому искусству слова, не обладая хорошими знаниями. Вместе с тем писатели практически не могли обойти и тему образования, так как именно идеи образования и учености занимали важное место в системе общественных ценностей, а для многих людей стали смыслом всей жизни. Литература фиксирует такой достаточно трудный для исторической реконструкции аспект жизни народа, как его надежды и чаяния, что, в свою очередь, дает возможность говорить об особой роли образования и учености, раз они нашли столь яркое отражение в произведениях художественной литературы.

В традиционной Корее образование пред-

ставляло собой систему, которая включала в себя сеть специальных учебных заведений в столице и провинциальных центрах. Практически все эти учебные заведения, которые занимались воспитанием своих подопечных в духе конфуцианской морали и этики, готовили кадры для чиновничье-государственного аппарата. При этом уровень подготовки в каждом конкретном учебном заведении был разным – не в смысле хорошим или плохим, а в смысле форм преподавания, соответствующих какому-либо одному или нескольким уровням знаний и подготовки.

Известный корейский ученый Сон Инсу в работе, посвященной истории образования в Корее, предлагает классифицировать учебные заведения, которые существовали на территории Корейского полуострова в период правления династии Ли, следующим образом: конфуцианская академия Сонгюнгван (성균관) – высшее учебное заведение, которое находилось в столице, школы Сахак (사학) – средние учебные заведения в Сеуле, Хянге (향교) и Совон (서원) – средние учебные заведения в провинциях, Содан (서당) – начальная школа, которая располагалась практически в каждом селении.¹

Важно отметить, что при всей очевидной разнице в уровне подготовки в названных учебных заведениях в каждом из них основным учебным материалом были традиционные конфуцианские правила, а также преподавание истории и культуры Китая.

Академия Сонгюнгван, школы Сахак и Хянге считались государственными учебными заведениями и постоянно чувствовали поддержку правительства. В то же время развивалось и частное образование, о чем свидетельствуют строки из «Летописи правления короля Седжона» (세종실록) (1454), где говорится о необходимости принять в свод законов статьи о поощрении ученых-конфуцианцев, которые в частном порядке обучают всех желающих.²

Параллельно с развитием других областей культуры, с совершенствованием форм образовательного процесса наблюдался подъем и литературного художественного творчества. Заметную роль в ней стала играть тема образования, образованности и учености. Эта тема, если не главенствовала над всеми остальными, то, безусловно, входила в число наиболее значимых. Такой интерес к теме образования был связан, в первую очередь, с реальным положением дел в корейском обществе и особым почитанием всего, связанного с получением знаний. Именно знания рассматривались как залог

благополучия, в том числе и материального, а также как способ добиться уважения и достойного положения в обществе. Необразованность и нежелание учиться на определенном историческом этапе даже стали в сознании корейцев синонимом жизненных неудач.

Как следствие такого внимания со стороны литературы к проблемам образования в широком смысле, в художественных произведениях все чаще стали появляться и принципиально новые герои – ученые люди или люди, стремящиеся к знаниям, причем нередко они становились главными героями произведения, хотя, конечно, нередко также выполняли «фоновую» функцию. Естественно, что при таком всеобщем интересе к знаниям в обществе, а затем и в литературе возросла роль Учителя как носителя определенной истины. Это, в свою очередь, привнесло в корейскую литературу достаточно сильный дидактический аспект, а также стилистику рассуждений, размышлений и пространных бесед на тему пользы образования. Более того, именно литература пыталась утвердить превосходство ученого и образованного человека над безграмотным неучем, показывая, что даже в самых простых житейских ситуациях только образованный человек может получить желаемое.

Так, в произведении известного писателя XVII в. Пак Тусе «Ночная беседа в Еровоне» приводится очень важная для конфуцианства мысль о том, что главную роль в жизни любого человека играет Учитель, который накладывает на чистую, как лист бумаги, духовную основу человека тот узор совершенства, который отличал бы его от других. Более того, в этой новелле содержится и прямое противопоставление грамотного человека неграмотному, и даже ставится вопрос о возможности неуча называться человеком вообще: «А неграмотный разве может называться человеком? Я ведь тоже неграмотный, однако, все признают меня за человека, – возразил я. – Неужели вы, в самом деле, считаете, что человеком можно стать лишь после того, как овладеешь грамотой?!»³

Вполне естественно, что значение воспитания и, конечно, образования подчеркивалось во многих литературных произведениях. При этом важно отметить, что недостойным поведением и невежеством в первую очередь отличались персонажи необразованные и невоспитанные. Даже красота, дарованная Небом, не воспринималась как нечто ценное и прекрасное, если человек был неучем.

Печать образованности, по мнению средне-

¹ Сон Инсу. Хангук Кеюкса Енгу (Исследования по истории образования в Корее) / Сон Инсу. – Сеул, 1998. – С. 419.

² Чосон Кеюкса (История образования в Корее) / Чосон Кеюкса. – Сеул, 1996. – С. 102.

³ Восточная новелла. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963. – С. 63.

вековых корейских литераторов, являлась своего рода социальным пропуском, в том числе и при знакомстве с молодыми особами и при устройстве своей семейной жизни.

Как видно, тема образования была весьма актуальна для корейского общества. Как следствие формирования особой нравственно-этической функции образования и учености в литературе сложилась новая система главных персонажей, в качестве которых все чаще стали выступать «люди ученые», что в корейской традиции понималось, прежде всего, как ученые-конфуцианцы и студенты. Зачастую именно их устами передавались те наставления, которые должен был вынести читатель после знакомства с тем или иным произведением художественной литературы.

При этом образ ученого юноши в художественных произведениях практически всегда был идеализирован, что проявлялось даже при описании его внешности. Интересно отметить, что в литературе XV в. образ ученого и студента появляется практически во всех произведениях, даже если и не является главным. Все это свидетельствовало о том, что именно в этот период в Корее начинается зарождающееся ученое сословие, которое впоследствии, на этапе «золотого века» корейской культуры, сыграло весьма значительную роль в развитии искусства и литературы.

Главными качествами этой высококонформной личности как раз и считались ученость, образованность и эстетическое воспитание. Именно такими являются в произведениях классической корейской литературы ученые-конфуцианцы и студенты. И это несмотря на то, что сами эти образы прошли на протяжении развития литературы все стадии восприятия: от идеального до комического, в соответствии с тем, как менялось само отношение к образованию в корейском обществе.

В литературе также сохранилась информация о том, как учились дети в корейских школах. Вот, например, как описывает процесс обучения в школе главная героиня произведения известного писателя Лим Че «Мышь под судом»: «В детстве случалось гулять мне под окнами школы; слушала я, как дети учатся, слово за словом разбирая по книге, и сама кое-чему научилась»⁴.

В корейском языке есть даже пословица, четко раскрывающая методы обучения в провинциальных учебных заведениях начального звена: «Через три года и собака, охраняющая школу, будет писать стихи о природе». Общий смысл народной мудрости сводится к тому, что основным методом обучения в школах было заучивание иероглифов и текстов через чтение вслух вслед за

преподавателем. Навыки доводились до автоматизма, так что даже абсолютно безграмотный человек в конце обучения приобретал способность читать и писать несложные стихи.

Здесь следует отметить, что порой чтение сложных конфуцианских книг требовало огромных усилий, и процесс обучения иногда становился неинтересным. Именно об этом рассуждают герои (правитель уезда и его секретарь) «Повести о Чхунхян» (XVIII в.). Правитель уезда вспоминает о том, что в детстве не было противнее занятия, чем чтение книг. И в продолжение диалога секретарь рассказывает о своих школьных годах: «Разве было в детстве что-нибудь более противное, чем чтение? А если читать неохота, клонит ко сну, разные хитрости придумываешь»⁵.

При этом нельзя не признать, что именно через учение Конфуция и чтение книг ученики познавали новые исторические факты, как они есть, просто изучая и запоминая их.

Процесс обучения в средневековой корейской школе, чему мы находим массу подтверждений в художественных произведениях той эпохи, заметно отличался от западного образца. Конфуцианские правила лояльности и послушания старшим предписывали ученикам свято следовать наставлениям Учителя, а преемникам – ревностно оберегать опыт предшествующих поколений. Традиция передачи знания из уст в уста и «от сердца к сердцу» по сути дела исключала возможность превратного толкования конфуцианского учения, тем более что воспользоваться письменными источниками без помощи наставника было совершенно невозможно.

Особое значение придавалось такому важному событию в жизни корейцев, как сдача государственных экзаменов, которые воспринимались как «врата» в благополучную, обеспеченную жизнь. Роль этих экзаменов была в действительности столь велика, что подготовка к ним и сдача самих экзаменов стали практически постоянным лейтмотивом произведений корейской литературы, и даже в тех произведениях, в которых сюжет основывался совершенно на иных конфликтах и коллизиях, тема образования могла проходить фоном, но незримо все равно присутствовать.

Тема государственных экзаменов всегда освещалась в средневековой корейской литературе очень подробно, что позволяет условно выделить пять основных тематических аспектов: 1. место и роль экзаменов в жизни государства и народа; 2. виды экзаменов; 3. возраст и социальное положение претендентов; 4. система проведения экзаменов; 5. дальнейший карьерный рост участников.

Показательно, что полноценные сведения о том, какой успех сопровождал человека после успешной сдачи экзамена и получения поста чиновника, сохранились в основном благодаря произведениям корейской художественной литературы. И примеров таких много. У Ким Сисыпа в его известной новелле XV в. «Заглянул за ограду» можно найти такое описание: «А студент Ли на другой год с блеском выдержал экзамен, занял высокий пост на государевой службе, и слава о нем дошла до дворца вана» (т. е. короля. – *И. К.*)⁶. Помимо поста чиновника государственные экзамены давали шанс добиться успеха и признания в обществе. Например, поучителен рассказ о сыне чиновника, который, успешно выдержав экзамен, впоследствии стал главой Государственного совета и получил дворянский титул. А другой, получив высокие баллы за экзамен, смог претендовать на брак с женщиной, принадлежавшей к богатой и знатной семье, и таким образом реализовал возможность повысить свой социальный статус. Были еще и такие, кто мечтал сдать экзамен и получить шанс переехать с семьей в более комфортные условия. При таком положении дел, естественно, абсолютно все молодые люди целиком посвящали свою жизнь тому, чтобы сдать экзамен и получить должность чиновника, или, по крайней мере, пытались это сделать, ведь не у всех была возможность получить достойное образование.

Об этом мечтали не только сыновья богатых дворян, но и бедные крестьяне, как, например, жена главного героя повести о двух братьях. Женщина не ругает и не корит мужа за то, что они живут бедно. Как верная жена она уважает и любит своего супруга. Вместе с тем женщина мечтает о том, каких успехов может добиться ее муж, если успешно сдаст экзамен, ведь тогда он будет служить в королевской канцелярии, войдет в государеву академию и станет левым помощником в государевой палате, а потом ее начальником.⁷

В этой связи интересны рассуждения главного героя известного романа XVII в. «Облачный сон девяти» о том, что человек с рождения мечтает стать военачальником, министром или получить титул князя. И родители его всегда стремятся к тому, чтобы их сын прославился и обрел богатство и знатность, так как больше нечего желать мужчине в этой жизни.⁸ А Ним Кенон, будучи прославленным генералом, говорил, что жизнь прожита зря, если ты не служил королю: «Раз уж вы появились на свет – честно служите

государю. Непременно добейтесь положения и славы, и имя ваше запишут историки. Зачем же увядать бесполезно, как цветы и деревья?»⁹

Перспективы карьеры всегда представлялись в литературе «радужными», и в этом просматривался некий элемент идеализации, создание литературой своего рода «идеального мира», путь к которому лежал через сдачу заветного экзамена. Вот, например, как описывает будущую перспективу для молодого человека занять тот иной пост автор известного романа «Облачный сон девяти» Ким Манджун: «Нынче в Поднебесной нет равного вам по таланту. Конечно же, в списке сдавших экзамены вы будете первым, и тогда вы прямо в руки получите шнур с печатью министра или секиру с бунчуком великого воеводы»¹⁰. Таким образом, корейская художественная литература является важным источником для изучения системы государственных экзаменов *квэго*. Именно литература, сначала на *ханмуне*, а затем и на корейском языке, призывала читателей участвовать в процессе подготовки и сдачи экзамена, который мог обеспечить как личное самосовершенствование, так и успешное продвижение по службе в должности чиновника.

Можно говорить и о том, что литература играла роль связующего звена между процессами, происходящими в обществе, и читателями, как членами этого общества. Все, что происходило в стране, тут же находило отражение в литературных произведениях, которые заставляли общество изменить или усовершенствовать то, что не отвечало требованиям времени. Люди должны были приобщиться к образованию, чтобы иметь возможность читать литературные произведения и иметь возможность выразить свои надежды и чаяния.

Таким образом, образование считалось неотъемлемой частью жизни любого корейца, и тема образования постепенно заняла особое место в литературных произведениях. Именно средневековая корейская литература пыталась донести до читателя информацию о месте и роли экзаменов в жизни каждого человека, а также мысль о том, что именно образованность и ученость обеспечивали уважение и достойную жизнь каждому члену общества, вступившему на путь образованности и самосовершенствования.

Отражение идей образованности и учености в литературе носило ярко выраженный системный характер, что дает все основания говорить о том, что появление этой проблематики в корей-

⁶ Ким Сисып. *Кымосинхва (Новые рассказы с горы Золотой черепахи)* / Ким Сисып. – Сеул, 2002. – С. 53.

⁷ *Корейские классические повести XVII–XIX вв.* – М., 1990. – С. 54.

⁸ Ким Манджун. *Куунмон (Облачный сон девяти)* / Ким Манджун. – Пхеньян, 1957. – С. 124.

⁹ Ним Чангун Джон. *(Повесть о полководце Ниме)* / Ним Чангун Джон; пер. с кор. Д. Д. Елисева. – М., 1975. – С. 23.

¹⁰ *Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Средневековая корейская проза.* – Л., 1985. – С. 275.

⁴ *История цветов: корейская классическая проза / пер. с кор. А. Ф. Троцевич.* – Л., 1990. – С. 253.

⁵ *Чо Юндже. Кенджу Чхунхян Чон (Легенда о девушке Чхунхян)* / Чо Юндже. – Сеул, 1962. – С. 37.

ской литературе не было стихийным явлением, а носило вполне осознанный характер. С точки зрения правдивости и детальности описания реальных образовательных понятий литература практически взяла на себя обязанность и право документально зафиксировать структурные и организационные особенности системы корейского образования.

При этом, широко используя именно «образовательную» тематику, литература ставила и решала серьезные морально-нравственные проблемы. В произведениях такого рода явно прослеживались дидактические идеи, что выражалось в стремлении, порой несколько гипертрофированно, рассказать о немислимых благах, как материального, так и нравственного плана, которые ожидают тех, кто приобщится к знаниям на самом высоком уровне. Наказания, правда, не носили нарочитого характера, но из произведения в произведение красной нитью проходила мысль о том, что полученное образование – не просто личное достижение, а некий критерий нравственности, надежный помощник при принятии решений морально-нравственного плана. Идея некой «праведности» любых поступков образованных людей привела к созданию идеализированного образа перспектив получения образования, вознося ученого человека до недосягаемых высот.

Важной частью всей образовательной системы было домашнее воспитание, в основе которого лежали идеи конфуцианства, игравшего в тот период главенствующую роль в процессе формирования мышления и модели поведения корейцев. Темой литературных произведений стала идея о том, что судьба человека зависит от выполнения им и окружающими конфуцианских норм и правил поведения. В целях реализации данной идеи авторы старались подробнейшим образом регламентировать всю тактику и стратегию поведения человека в мире себе подобных.

Авторы литературных произведений придавали огромное значение семье, исходя из того, что семья – это, прежде всего, звено в длинной цепочке бытия, направленной от предков к потомкам.

В значительной части произведений корейской прозы основным лейтмотивом или сюжетным фоном служили семейные взаимоотношения в самых разных оппозициях: отец-сын, родители-дети, старший брат-младший брат, муж-жена и другие. Такой интерес к семейной тематике был продиктован огромным влиянием, которое оказывала конфуцианская мораль

на жизнь корейцев. Определенная конфуцианская «заданность» в развитии конфликта художественных произведений способствовала тому, что семейная проблематика стала на определенном этапе развития литературы сюжетообразующим фактором, отправной точкой для динамики всего повествования.

Анализ литературных произведений показал, что в Корее существовало множество традиций семейного воспитания, которые передавались из поколения в поколение с незапамятных времен, но самое важное значение придавалось воспитанию человека в соответствии с конфуцианскими требованиями.

Что касается литературы, то это повлекло за собой попытки создания образа идеальных родителей, которые должны были стать примером во всем. Ведь в средневековом корейском обществе считалось, что только в той семье, которая строго следует правилам поведения, детям прививались учения о нравственности. Вот, например, как описывает обязанности родителей неизвестный автор XVII в. в новелле «Первый день новобрачных»: «И станут ли настоящими людьми родившиеся у супругов дети, это тоже зависит от соблюдения супругами долга, от такого воспитания, при котором высоко ставится человеческое достоинство. А не получишь должного воспитания, будешь разве отличаться от зверей и птиц?»¹¹

Это объяснялось тем, что сыновняя почтительность была важнейшей добродетелью, ключевой для всей конфуцианской этики, а героизм и самоотверженность, проявленные в семейных отношениях, рассматривались государством как достойные награждения, причем в такой же степени, как и выдающиеся поступки, совершенные при исполнении общественных обязанностей. Известный русский писатель Н. Г. Гарин-Михайловский даже описал в своих путевых заметках несколько памятников преданным дочерям, которые он видел в северных провинциях во время своего путешествия по Корейскому полуострову.¹²

Подобные герои и считались образцами сыновней почтительности и любви, которые формировали личность, действующую в интересах всей семьи и ее главы, а тот, в свою очередь, в интересах усопших предков и государства. Уклад семьи повторял устройство государства, законы которого увязывались с нравами, царящими в семье.

Тема взаимоотношений «старший-младший» нашла широкий отклик в произведениях художе-

ственной литературы, что повлекло за собой создание образов старших и младших братьев, как идеализированных, так и отрицательных. Кроме того, благодаря литературным произведениям можно узнать, как методы воспитания первого сына отличались от методов воспитания второго. Ведь старший воспитывался как продолжатель семейных традиций, как опора семейного благополучия, так как после смерти отца старший сын брал на себя заботу о семье, и именно старший был обязан совершать обряды поминовения предков после смерти родителей.

«Семейная» конфуцианская тематика выполняла в литературе Кореи периода Чосон важную воспитательно-дидактическую функцию, а произведения художественной литературы становились мощным образовательным рычагом. Почувительные истории, «правильный» жизненный выбор героев, в основном – материальное, а затем и духовное вознаграждение, которые были дарованы тем, кто соблюдал конфуцианские семейные заповеди – все это должно было научить корейцев жить «правильно», повысить их интерес к познанию и образованности, прежде всего, конечно, в области конфуцианской этики.

Особое значение в этот период в Корее придавалось так называемому «женскому домашнему образованию», которое предполагало безоговорочное подчинение женщины сначала родителям, а затем – мужу. Эта была хорошо продуманная и четко выстроенная система «содержания» корейской женщины в строгих поведенческих рамках. Однако практически только литература зафиксировала в своих произведениях поистине уникальное явление – протестный настрой со стороны женской половины корейского общества. Это привело к созданию целой плеяды ярких женских образов, новаторских не только по силе художественного воплощения, но и по своей целостности и глубине характера.

Положение женщины в корейском обществе и взаимоотношения между мужчиной и женщиной представляли особый интерес, и, вполне естественно, что эта тема нашла свое отражение в корейской художественной литературе, благодаря которой сегодня можно в полной мере представить себе, как формировалась традиция отношения к женщинам в средневековой Корее. Анализ произведений показал, что в литературе

нашли свое отражение такие добродетели женщины, как почтительное отношение к родителям и к мужу, покорность и верность, кроме того, четко представлена тема женского образования и само положение женщины в средневековом обществе. Все эти моменты, прежде всего, являлись результатом домашнего воспитания, традиции которого, как уже отмечалось, сформировались под влиянием конфуцианской философии.

И сегодня литературное наследие Кореи представляет интерес, в том числе и как источник новых и важных сведений, касающихся проблем образования, поскольку по произведениям, созданным в разные века, практически можно проследить историю развития корейского образования – от самых истоков, от основных постулатов народного образования, когда литература по своей стилистике и структуре была близка еще к фольклорной первооснове, до идей просвещения и учености, внедренных в сознание корейцев благодаря конфуцианским идеям и концепциям.

Можно сказать, что, обратившись к проблеме образования и ставя первоначально, под влиянием конфуцианской морали, цель «внедрения» идей необходимости его получения, корейская литература вышла далеко за рамки поставленной задачи. В корейской литературе сложилась определенная художественная система, в которой образование и ученость стали категориями нравственными, подняв приоритет знания на уровень широких обобщений. В силу этого проблема нравственного и морального выбора, напрямую зависящего от степени образованности героя, приобрела в корейской литературе особое звучание.

Чрезвычайно показательным результатом единения литературы с «образовательной» проблематикой стало то, что литература со временем предстала как важный источник для изучения процесса организации учебного процесса в средневековой Корее, тех морально-этических норм, которые прививались ученикам всех уровней на основе конфуцианских доктрин. Важность литературы как источника возрастает еще и оттого, что и сегодня тандем «литература-образование» является определяющим в системе современного школьного и университетского образования в Республике Корея, которым, как и много веков назад, придается приоритетное значение.

¹¹ *Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Средневековая корейская проза.* – Л., 1985. – С. 40.

¹² *Гарин-Михайловский, Н. Г. По Корее, Манчжурии и Ляодунскому полуострову. Карандашом с натуры / Н. Г. Гарин-Михайловский.* – М., 1958. – С. 176.

ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ ЯПОНСКИХ ПРАЗДНИКОВ УРОЖАЯ

Недалеко от Токио, всего в часе езды на электричке, находится один из самых удивительных городов Японии. Когда приезжаешь туда, сразу возникает ощущение, что время остановилось лет сто-двести назад, и ты неведомым образом вдруг получил возможность увидеть старую столицу Японии – город Эдо (совр. Токио), пройти по его улочкам, попробовать сладости, которые так нравились когда-то эдосцам. Этот город называется Кавагоэ. Он находится в префектуре Сайтама и по количеству сохранившихся сокровищ ничуть не уступает признанным мировым культурным центрам Японии – Никко и Камакура.

Сегодня в Японии найдется довольно много городков, которые называют себя «Маленький Киото», считая, что по стилю и духу они остались сродни древней столице IX–XI веков, но только один город в Японии получил право именовать себя «Маленький Эдо». Причем получил это право не сегодня, а еще в эпоху Эдо (1603–1868), что свидетельствует о том, что сами эдосцы были согласны видеть в Кавагоэ подобие своего города.

Кавагоэ возник как замокый город. При этом строительство самого замка относится к середине XV в., когда в 1457 г. два известных в истории Японии воина-архитектора – Ота Досин и его сын Ота Докан – решили осуществить практически параллельное возведение двух замков – в Кавагоэ и в Эдо (почти на том месте, где сейчас стоит в Токио императорский дворец). Таким образом, город Кавагоэ активно развивался еще до того, как в 1603 г. Эдо стал новой столицей Японии. Позднее близость Кавагоэ к Эдо сыграла немаловажную роль в жизни этого провинциального городка. Когда в 1590 г. третий сегун – Токугава Иэямицу подчинил себе весь район Канто, по сути, всю центральную часть страны, он утвердил новое административное образование – Кавагоэ-хэн, что-то типа современной префектуры. Новому территориальному и административному образованию отводилась особая роль: теперь Кавагоэ рассматривался как важный стратегический район, линия обороны Эдо. Кроме того, вскоре город стал значимым экономическим и транспортным центром, и через него в Эдо везли большую часть товаров, прежде всего продукты питания и строительные материалы. Понятно, что владеть Кавагоэ было не только выгодно, но и престижно. Именно поэтому с Кавагоэ связаны имена самых знатных самурайских родов Японии.

Сегодняшний Кавагоэ – это современный динамичный город, в котором, похоже, все жители знают и помнят, что их город – это город-музей. Действительно, многое из того, что можно увидеть сегодня в Кавагоэ не сохранилось уже ни в других районах страны, ни в самом Токио. Например, старый замок Кавагоэ представляет особую ценность, поскольку он в большей степени, чем какие-либо другие постройки, напоминает первый замок Эдо, пострадавший и разрушенный сначала во время Великого землетрясения в Канто в 1923 г., а затем во время Второй мировой войны. В настоящее время для посетителей открыт прекрасный сад и большинство комнат замка.

По выходным в городе всегда много туристов, но в самом центре культурной жизни огромного района Канто город Кавагоэ оказывается в конце октября. Именно тогда в течение двух дней там проводится Праздник урожая под названием *Кавагоэ-мацури* (букв. «Праздник Кавагоэ»). Сегодня это красочное зрелище, посмотреть на которое японцы съезжаются со всего района Канто, из всех близлежащих префектур, а участвуют в нем, кажется, почти все население города.

Это праздник благодарения синтоистским богам за дарованный урожай, праздник, сохранившийся, как и сам город, верность традиции и историческим истокам. Именно поэтому на этом уже теперь современном, но воссозданном по старинным документам празднике, присутствуют все атрибуты традиционного народного синтоистского действия и принимают участие фольклорные персонажи, имеющие в Японии историю не в одну сотню лет.

Нам посчастливилось наблюдать праздник Кавагоэ-мацури и почувствовать, как бережно и с какой любовью относятся в Кавагоэ к сохранившейся именно в их городе древней традиции.

Главная особенность праздника – повозки-*даси*. Кавагоэ – не единственный город в Японии, где в дни определенных праздников происходит выезд огромных повозок. Но в Кавагоэ это зрелище достигло удивительного эффекта.

Всего в Кавагоэ традиционно использовалось девять повозок, которые в течение дня медленно выплывали из переулков, проезжали перед восторженными зрителями, давая возможность разглядеть их поближе, разворачивались на перекрестках, демонстрируя все свое величие. А убранство их действительно можно назвать изысканным. Повозки были обтянуты шелком, на

котором в зависимости от того, какого мифологического или исторического героя они прославляли, были мастерски вышиты волны и драконы, сосны и горы, замысловатые орнаменты. Привлекали внимание и особые деревянные панели по бокам повозок. Они были украшены деревянной скульптурой или сложными, вырезанными по дереву узорами. Во всем чувствовались достаток и благополучие. И это не случайно. Богато украшать повозки-*даси* – это древняя традиция, поскольку эти повозки (их также называют *дандзири*) всегда понимались как «транспорт» синтоистских богов, которые, проезжая по улицам городков и деревень, помогали людям изгонять болезни и всякие напасти. Особую роль повозки играли во время обряда «великого вкушения» – *дайдзекай*. Это был обряд первого вкушения нового риса после вступления императора на престол. Именно в повозках-*даси* боги «приезжали» на торжество¹.

Огромные, высотой, наверное, с трехэтажный дом, в Кавагоэ они производили впечатлительные массивных и необыкновенно легких одновременно. Повозки-*даси* состояли как бы из трех уровней. На больших колесах помещалась самая широкая квадратная часть колесницы. На ней располагался оркестр и танцор. Об этих действующих лицах мы расскажем особо. Второй, чуть меньший по размеру ярус, был всегда плотно закрыт дорогой шелковой тканью. Считалось, что он напоминает паланкин-*о-микоси*, в котором и в современной Японии переносят синтоистское божество во время праздников. На повозках этот ярус также служил местом «восседания» божества во время его проезда по городу. И, наконец, венчал повозку третий, еще меньший по размеру ярус, служивший своеобразным пьедесталом для огромной куклы, изображающей определенного исторического героя, который понимался как покровитель данной повозки.

Основное действо для зрителей происходило на первом уровне повозки, там, где помещался оркестр и выступали актеры. Оркестр на празднике Кавагоэ-мацури всегда состоял из пяти музыкантов и инструментов: флейты, большого барабана, двух маленьких барабанов и небольшого гонга.

Здесь следует напомнить, что каждый из этих инструментов издавна играл особую сакральную роль в культуре Японии. Так, флейта (*фуюэ*), сделанная из бамбука, имела несколько разновидностей с разным количеством «дырочек», и в зависимости от этого входила в разные оркестры на многочисленных, отличающихся по сюжету и значимости народных праздниках.

При этом флейта всегда понималась в Японии как «божественный инструмент». Более того, в древности она считалась инструментом «призывания бога»; голос флейты означал просьбу к богу спуститься к людям. Отсюда следовал и ряд строгих правил игры на флейте. Например, нельзя было играть на флейте ночью, но обязательно надо было играть, переходя горный перевал и тем самым выражать Богу горы свое уважение и приветствовать его².

Велика и роль барабанов (*тайко*) в праздничной культуре японцев. Как известно, игра на барабанах – больших и маленьких, собранных в одном оркестре, это особый ид японского музыкального искусства, уже давно покорившего мир. Но помимо эстетического значения эти музыкальные инструменты имели и имеют до сих пор важный ритуальный смысл. Это – инструменты-обереги, призванные своим звуком отгонять злых духов, и в то же время привлекать на сторону людей благополучие и здоровье. Сегодня, как и в древности, барабаны – обязательный атрибут таких важных обрядовых синтоистских представлений, как *кагура* во всех их многочисленных разновидностях, а также обряда вызывания дождя, где они помогают своим звуком не только отогнать темные силы, мешающие выпадению дождя и угрожающие урожаю, но и имитируют раскаты грома, стараясь привлечь таким образом внимание богов.

Охранительную функцию имеет и гонг (*канэ*). Его участие в оркестре означает наступление главных или промежуточных кульминационных моментов, когда в наибольшей степени необходима ритуальная защита. Таким образом, очевидно, что традиционный японский оркестр-*хаяси* – это не столько музыкальное сопровождение праздника, сколько чрезвычайно важный магический атрибут, являющийся носителем благожелательной и охранительной символики. И тогда становится ясно, почему музыка оркестра-*хаяси* сопровождает праздник от начала до самого конца, а музыканты, сменяя друг друга, играют без перерыва – в их задачу входит полное «очищение» всех, кто пришел на праздник, и всего, мимо чего проезжают повозки-*даси*.

В Кавагоэ музыкантов когда-то приглашали из близлежащих деревень, полагая, что только деревенский оркестр может показать всю фольклорную безыскусность, и в то же время глубину народных напевов. И действительно, ритмичная, простая мелодия, звучащая весь день на улицах Кавагоэ, завораживала чистотой исполнения. Она манила и звала за собой, а потом долго помнилась как чудесное ощущение праздника.

¹ 民族の事典. 川端豊彦 / 著 川子 / 著 大森志 他著. 岩崎美術社, 1988. – С. 343–344.

² Там же. – С. 346.

Перед оркестром как бы на авансцене первого яруса повозки целый день, сменяя друг друга, выступали актеры. Точнее, перед зрителями всегда выступал только один актер. Всего же героев было четыре. Интересно, что эти же четыре героя появлялись не только на повозках, но на маленьких сценах, установленных то тут, то там на всей протяженности древней улочки. Танцевали актеры без перерыва и устали, и для японцев не нуждались в представлении. Мы же познакомимся с ними поближе. Но сначала необходимо дать некоторые пояснения.

Выступления всех персонажей, о которых далее пойдет речь, сегодня составляют основной репертуар такого своеобразного театрального явления Японии как *сатокагура* (букв. «деревенские кагура»). Напомним, что термином *кагура* в Японии издавна называли синтоистские танцы-представления, воспроизводящие основные эпизоды японской мифологии. Считается, что разновидность *кагура*, известная как *сатокагура*, на протяжении истории сильно трансформировалась и прошла путь от храмовых представлений до истинно народного празднично-площадного искусства. Еще в эпоху Хэйан (IX–XI вв.) этим словом обозначали представления бродячих трупп, которые устраивали театрализованные действия на границах синтоистских храмов. Такие представления традиционно давались около знаменитых храмов, которые поощряли эти выступления или даже имели собственные актерские труппы, например, как это было в храмах Камо и Гион в г. Киото и в храме Касуга в г. Нара.

Однако присутствие слова «деревенский» в самом термине не означало, что это было «низкое» искусство. Нередко словом *сатокагура* могли обозначать и серьезные храмовые представления, среди которых наибольшей известностью пользовались представления, проводимые в двух главных синтоистских храмах Японии. Это храм Исэ, где поклонялись и поклоняются главной богине синтоистского пантеона богине Аматаэрасу и храм Идзумо, где, как полагают, пребывают следующие по значимости после богини Аматаэрасу бог Сусаноо и его потомок О-Куни-нуси. Позднее, уже в самурайскую эпоху Камакура (XII–XIII вв.), термин *сатокагура* наполнился иным содержанием: так стали называть танцы жриц синтоистских храмов – *мико*. Считается, что впервые танцы жриц – *микомай* были названы словом *сатокагура* в 1690 г. и с тех пор эти два понятия долгое время воспринимались как синонимы.

Однако уже в эпоху Эдо (XVII–XIX вв.) значение термина расширилось, и постепенно *сатокагура* превратились в вид народного те-

атрально-танцевального искусства. При этом интересно, что и сегодня «деревенские *кагура*» подразделяют на четыре вида, как бы отдавая дань своему историческому прошлому. Так, до сих пор существует такая разновидность, как танцы жриц – *микомай*, в отдельные группы выделяются специфические представления храма Исэ – *исэрю-кагура* и храма Идзумо – *идзумо-рю-кагура*. Четвертую группу составляют *сиси-кагура*, то есть те театрализованные действия, в которых обязательно будет представлен «танец льва». При этом важно отметить, что и в других разновидностях *сатокагура* танец льва присутствует часто. Более того, за время длительного и непрерывного развития *сатокагура* сильно трансформировалось, в самом явлении многое сместилось и перемешалось. Например, известные до сих пор *эдо сатокагура* («Эдосские деревенские кагура») основаны на такой разновидности, как кагура храма Идзумо – *идзумо-рю-кагура*. И это несмотря на то, что город Эдо и храм Идзумо находятся в разных, отдаленных друг от друга районах страны. То есть совершенно очевидно, что *сатокагура* – это, прежде всего, ритуальные синтоистские представления, обращенные к богам и ставящие своей целью умиловить богов и молить о благополучии ныне живущих людей. А их привязанность к конкретным синтоистским храмам теперь уже и не столь важна.

Но вернемся к актерам, выступающим на повозках-*даси*. Один из них во время праздника всегда изображал фольклорный персонаж, известный как *хеттоко*. Это комический персонаж старинных храмовых и деревенских представлений *кагура*. Актер, исполняющий эту роль, всегда выступает в весьма специфической маске: на круглом лице – неровно посаженные глаза навывкате, нос слегка на боку, но самое странное – это рот, иногда сложенный в трубочку, иногда просто скривленный, а иногда это рот, из которого торчит трубочкой сложенный язык. Характеризуя эту маску, японские исследователи определяли ее по-разному. Например, «такое ощущение, что фокусник из бамбуковой трубочки выпускает огонь». А известный японский этнограф Оригути Синобу назвал рот этого персонажа *усубуки кути*, а саму маску *усубуки мэн*³. Если принять, что глагол «усубуку», имеющий в японском языке много значений, может пониматься и как «издавать невнятные звуки», «делать вид, что...», то становится ясно: этот герой – не оратор, он – мим, искусством танца и пантомимы способный рассмешить людей. Именно этим *хеттоко* и занимался в Кавагоэ, выступая на повозках-*даси* и на уличных сценах.

Его сменяла карасавица – *О-камэ*. Танцовщица, выступающая в этой маске – с круглым, набеленным лицом – всегда вносит в представление элемент романтики. Ее движения, а главное в этом танце – руки, грациозны и плавны. Вообще, маска красавицы О-Камэ широко используется и сегодня в народной культуре Японии – это известный благожелательный символ, символ верности, женского обаяния и мудрости. На вопрос, кто же такая О-Камэ, японская фольклорная традиция дает разные ответы.

По одной из версий, за маской с умиротворенным улыбающимся лицом скрывается одна из самых значимых богинь японского синтоистского пантеона – богиня Амэ-но Удзумэ. Она пришла из древнего и самого важного японского мифа – мифа об удалении богини Солнца Аматаэрасу в Небесный грот. Согласно мифу, именно богиня Амэ-но Удзумэ исполнила тогда танец, вызволивший Богиню Солнца из грота, и тем самым способствовала возвращению в мир тепла и света. Сама же она была признана прародительницей японского театрального искусства, а ее танец был назван первым танцем *кагура*.

Однако есть и другие объяснения. Наиболее интересной нам представляется версия, бытовавшая в древнем городе Киото, о том, что реальная женщина по имени О-Камэ была когда-то женой известного плотника-архитектора, который построил не один храм в Киото. Однако так случилось, что когда мастер получил очередной заказ, он никак не мог с ним справиться – опоры не держали свод, и храм все время заваливался. Не зная, что делать, он в минуту откровения рассказал об этом жене. И женщина вдруг неожиданно нашла решение, посоветовав мужу поставить опоры под другим углом. Сама того не ведая, О-Камэ сделала открытие, которое еще больше прославило ее мужа. Но женщина заметила, как постепенно начинается отчуждение в ее семье – мужчина почувствовал себя уязвленным! И тогда, чтобы не быть постоянным напоминанием своему мужу о его неумении, О-Камэ покончила жизнь самоубийством⁴. Вест о верной и жертвенной жене вмиг облетела Киото, а потом стала известна и далеко за его пределами. Со временем народные мастера сделали маску О-Камэ, чтобы та оставалась жить среди людей. Любовь к О-Камэ была в народном сознании столько велика, а ее поступок вызывал такое восхищение, что за этой маской закрепился добрый благожелательный символ.

Еще один персонаж, который выступал на празднике вслед за О-Камэ, известен как *тэнко* (букв. «Небесная лисица»). Он появляется в лисьей маске, с взлохмаченными белыми воло-

сами. Об истории появлении этого персонажа в представлениях *сатокагура* нет единого мнения. Однако очевидно, что в этом сказало особое отношение к лисам в японской культуре. Принято считать, что образ лисы проник в Японию благодаря китайской фольклорной и литературной традиции, в которой лиса понималась, прежде всего, как животное-оборотень, способное превращаться в молодых женщин и морочить мужчин. Эта трактовка образа лисы, действительно, получила большое распространение в японском фольклоре и искусстве. Однако истари в Японии существовало и свое собственное восприятие лисы, причем не так демонического, а как божественного персонажа. Лиса для японцев – это, прежде всего, бог риса Инари, которому посвящены многочисленные синтоистские храмы и в честь которого отмечают один из самых значимых в народном календаре японцев праздник. Считается, что имя этого божества берет свое начало от выражения «инэ нари», что буквально означает «ведать рисом». Таким образом, Инари изначально почитался как один из основных богов пищи и злаков. Он ведал пятью основными так называемыми «священными злаками» – рисом, пшеницей, чумизой, просом и бобами. А поскольку это исторически были основные сельскохозяйственные культуры Японии, бог Инари воспринимался не только как основной земледельческий бог, но и нередко сливался в представлении японцев с двумя другими божествами – Богом горы и Богом рисового поля. И трудно сказать, какое из трех божеств было основным, а какие два были его ипостасями.

Правда, в отличие от Бога горы и Бога рисового поля, Инари имел некую устойчивую «материализацию» в виде лисы. Вопрос о том, почему именно лиса стала восприниматься как посланник или ипостась бога Инари, среди японских ученых до сих пор является дискуссионным.

Так, известный этнограф Хигути Киеюки считает, что, как и в случае с именем бога Инари, произошло фонетическое переосмысление слова «лисица», которое по-японски звучит «кицунэ». Его рассуждения выглядят следующим образом. Бог Инари относится к богам питания, а эти боги называются «микэцу-но ками» и могут записываться иероглифами со значением «Бог трех лисиц». При этом общее название алкоголя может звучать как «мики», а еда – «кэцу». «Нэ» – в данном случае показатель женского рода, что-то типа «сестричка». То есть все эти слова – «микки», «микэцу», «кэцу», «кэцунэ» фонетически близки, и это породило связь между богом питания и лисой⁵. В этой связи от себя можно добавить,

³ 日本民俗大辞典(下) 福田 アジオ(編集), 湯川 洋司(編集), 中 睦子(編集), 新谷 紀(編集), & 2 その他. 出版社: 吉川弘文館, 2000. – С. 445.

⁴ 京都の寺の昔話し 藤田浩樹 / 編集 大植 隆 / 編集 島本芳伸 / 出版社 名 : フジタ, 1996. – С. 12–14.

⁵ 樋口 之. まつりと日本人一年中行事に生きる民族の知. 出版社: 家の光協. 東京, 1978. – С. 67.

что в некоторых районах Японии до сих пор лису называют «кэцунэ», что также напоминает слово «еда».

Другой японский исследователь – Кандзаки Норитакэ так описывает появление связи между богом Инари и лисой: «Существует поверье, что лиса – это божество злаковых культур. Образ лисы, которая считается божеством злаков, можно встретить в мифологии по всему миру. Люди верят, что хвост лисы похож на пучок рисовых колосьев»⁶.

Так или иначе, но в сознании японцев уже много столетий бог риса Инари ассоциируется с лисой. Сегодня синтоистских святилищ этого бога в Японии насчитывается более тридцати тысяч, и уже только этот факт позволяет говорить об особом отношении японцев к богу Инари и близости его храмов к дому каждого японца.

Эти святилища легко узнать – перед ними стоят красные ворота-*тории*. И зачастую не одни, а несколько подряд. Красный цвет издавна почитался в Японии как цвет-оберег. Считалось, что он отгоняет болезни и несчастья. Для покраски ворот использовалась киноварь, которая в древности в Японии даже наносилась на лицо с той же целью – уберечься от злых духов. Позднее на лицо ее наносить перестали, но традиционно красили ею ворота и здания на территории храма бога Инари. Эта традиция сохраняется и сегодня.

При входе в храмовый комплекс обязательно сидят лисы. Здесь следует пояснить, что при входе в любой синтоистский храм слева и справа сидят так называемые *комаину* – фантастические «собакольвы», стражи храма. Некоторые из них больше напоминают волков, другие – собак с лохматой гривой, третьи – не то собаку, не то дракона. Но при всем разнообразии, они все равно однотипны. Однако есть в Японии храмы, на страже которых сидят и другие животные: зайцы, обезьяны, олени, кабаны и прочие. Таких храмов по всей стране немного, а некоторые из животных сидят на страже только одного-единственного храма в Японии. К таким необычных стражам относится, конечно, и лиса, только с той разницей, что храмов, где вместо привычных «собакольвов»-*комаину* можно увидеть лису, очень много.

Обычно стражи-*комаину* располагаются на постаменте слева и справа от входа и имеют устрашающий вид. При этом у одного из них пасть открыта, а у другого закрыта. Это не случайность, а глубокая философская мысль. Тот, который сидит с открытой пастью, будто читает первый знак японской азбуки – «а», а тот, который сидит с закрытой пастью, будто читает по-

следний знак азбуки – «ун», произносимый просто как короткое «н». То есть между ними как бы расположилась вся японская азбука, от начала и до конца, своего рода «от А до Я». А значит, весь мир, все мироздание, единение двух противоположных начал.

Лисы в храмах бога Инари также сидят с двух сторон от входа на храмовую территорию. Иногда они также имеют открытую и закрытую пасть, что означает то же, что и в случае с *комаину*. Однако есть и свои особенности. Нередко лисы держат в зубах колоски риса, ключ от амбара с зерном, свиток или шарик, воспринимаемый как чудесный камень – символ исполнения желаний. Представления о камне, исполняющем желания, который находится у лисы в храм бога Инари, получили особое распространение в эпоху Эдо (1603–1868). В это время стала бурно развиваться торговля и торговцы в основном потянулись в большие города из деревень. Как полагают исследователь Норитакэ Кандзаки, деревня в представлении японцев – это, прежде всего, горы и лес, то есть место обитания лис. Так постепенно лиса и бог Инари получили функцию покровителей торговли. За лисой прочно закрепилось умение даровать денежный доход, успех в делах и процветание в торговле. Некоторые даже усматривали схожесть лисьего хвоста и драгоценного камня, исполняющего желания и охраняющего от скверны⁷.

Думается, что такие представления основывались больше на магии цвета. Известно, что оранжевый или рыжий цвет почитался в странах Дальнего Востока как цвет золота и солнца, а значит, богатства, процветания, урожая. Не исключено, что благодаря именно рыжему цвету лисы, а такие лисы известны как *сэкико* (букв. «красная лиса») сформировался ее культ как сорагницы или ипостаси Бога урожая, торговли, достатка. Но как бы то ни было, этот образ оказался чрезвычайно стойким. И сегодня японцы с удовольствием покупают и хранят дома маски лисы из папье-маше, ставят керамических лис на домашний алтарь, отправляются всей семьей в храм, когда отмечается праздник бога Инари, чтобы попросить у него процветания в делах.

Лис, который участвует в представлениях *сатакагура*, безусловно, связан с богом Инари и воспринимается как его ипостась. Хотя здесь следует пояснить, что у лис издавна существовало четкое деление по цвету, выполняемым функциям и даже по продолжительности жизни. Лис *тэнко*, персонаж представлений *сатакагура*, считался лисом, который обладает особой божественной силой, имеет четыре хвоста, живет

тысячу лет и может видеть все происходящее за тысячу ри, то есть за сотни километров.

В народной форме представлений *сатакагура* он появляется как все тот же благожелательный символ, персонаж, наделенный способностью даровать благополучие в материальной сфере – будь то урожай риса или достаток в широком смысле.

Его танец на празднике динамичен и даже относится в японском народном театральном искусстве к категории *рамбу* – «бешеного танца». Этот танец приходит на смену комическому танцу *хеттоко* и романтическому танцу О-Камэ, как бы подводя ритмическую картину к кульминации. Здесь важно отметить, что персонажи, представленные на празднике в Кавагоэ, выступают в определенной последовательности – каждый последующий персонаж несет в себе все более значимую магическую символику. От общего дарования успеха и благополучия у *хеттоко* – к обретению женского счастья, верности, ума и мудрости у О-Камэ – и далее – к получению всевозможных материальных благ у Белого лиса, а точнее – у Бога риса Инари.

Так, после трех танцев ритмико-магическая картина подходит к кульминации. И понятно, что для усиления жизнеутверждающего ритма требуется еще один танец – и тогда эстафету подхватывает четвертый герой уличных представлений – *сисигасира* (букв. «голова льва»).

Этот актер выступает в огромной «львиной голове» и в широком одеянии. Однако надо сразу отметить, что лев-*сиси* японских народных представлений ничем, кроме силы и азарта, не напоминает своего реального собрата. Для японцев, которые никогда прежде не видели настоящего льва, он приобрел образ фантастического животного, чему в немалой степени способствовали столь же фантастические представления об этом животном у рюкюсцев (жителей архипелага Рюкю, первоначально самостоятельного королевства, а ныне – самой южной префектуры Японии – Окинава) и у китайцев.

На Окинаве львов называли *си-са* и делали в основном из керамики. Внешне они напоминали огромных сидячих собак с большой гривой и крупной головой какого-то фантастического «собакольва». Изображения львов устанавливали на крышах домов с тем, чтобы они могли свысока следить за приближающимися несчастьями, и в случае необходимости обеспечить безопасность дома. Также считалось, что львы охраняют дом от пожаров. Окинавские «собакольвы» оказали огромное влияние на формирование такого явления японской культуры, как стражи при входе в синтоистский храм, которых называют *комаину*.

Однако на японский народный образ льва все же большее влияние оказала китайская традиция. Но в отличие от Китая, где лев совершенно очевидно напоминал дракона и представлял со-

бой нечто длинное с множеством ног – китайского льва «играло» большое количество актеров, спрятанных под длинной накидкой, в Японии сложился облик «компактного» животного, которого изображал один актер и лишь иногда – два. Однако в облике этого животного не было ничего от реального льва и внешне оно тоже больше напоминало дракона или даже нечто «драконообразное». Но при этом не яростное, а скорее доброе – с головой зеленого или красного цвета, с большими глазами, белой гривой, а точнее – с большим пучком белых волос на лбу, и огромной золоченой открывающейся пастью. При этом очевидно, что первоначально предполагалось, что японский лев имеет устрашающий вид. Более того, считалось, что своим страшным видом он способен отогнать все несчастья и вообще все вредоносное, а также призвать счастье и удачу. Вероятно, поэтому японские воины издавна прикрепляли на свою одежду и другие части воинского костюма изображения головы льва, известное как *сисигасира*. Попутно заметим, что именно «голова льва», а точнее, маска льва, в которой выступает актер, изображающий это животное, является сильным благожелательным символом, оберегом, предметом, способным даровать большой успех и достаток. При этом – это очень древний благожелательный символ процветания и богатого урожая.

Исторически образ льва был связан в Японии с празднованием Нового года. Именно поэтому представления с участием льва-*сиси* проходят в Японии во многих храмах в конце старого и в начале нового года. Не случайны они и в Кавагоэ – урожай собран, но впереди – новые надежды, новое счастье, и потому следует заручиться поддержкой льва-*сиси*.

Еще недавно в провинции существовала традиция обхода «львом» домов в деревне с целью изгнать все дурное, очистить людей от проблем прошлого и принести счастье нового года. Сейчас такие обходы можно встретить нечасто, и именно поэтому современные японцы, которые, как показывают наши наблюдения, по-прежнему воспринимают маску льва как благожелательный предмет, стремятся увидеть танец льва во время народных праздников, проводящихся в буддийских и синтоистских храмах, что и сегодня считается важным благожелательным знаком.

Во время этих праздников лев-*сиси* непременно исполняет специфический танец, известный как *сисимаи*. Это практически самостоятельный вид народного театрального искусства, достичь мастерства в котором очень непросто.

Какова же роль этих персонажей в современной японской культуре и что все они значат для современных японцев? Этот вопрос возникает неизбежно, когда наблюдаешь, как японцы относятся к этим народным персонажам. Нам и

⁶ 神崎 宣武. 開運! えんぎ 日本-自己癒しの文化再見. 出版社: チクマ秀版社, 2000. – С. 104.

⁷ Там же. – С. 105.

раньше не раз приходилось видеть, как простые люди стремятся дотронуться до актеров, исполняющих именно эти четыре роли, и происходящее на празднике в Кавагоэ только лишнее подтвердило – это непростые герои, от них ждут свершения надежд, удачи, здоровья и всех благ.

Так, когда на уличных представлениях на сцене появлялся лев-*сиси*, из толпы сразу выходили папы (!) с маленькими детьми. Они поднимали детей над головой так, чтобы те оказались поближе к сцене. Тогда лев в порыве танца, склонив свою большую голову вниз, раскрывал золоченую пасть и нежно прихватывал голову ребенка. Радость родителей была поистине безмерной (чего нельзя, правда, сказать о маленьких детях, которые пугались этого, пусть и трогательного, но все-таки льва). Дети постарше сами подбегали к сцене и протягивали леву руки, которые тот также непременно «прикусывал». Возника-

ло ощущение, что многие родители пришли на праздник, в том числе и для того, чтобы «получить удачу и защиту» для своих детей от тех, кто может ее дать.

Как видно в современной Японии, несмотря ни на какие экономические достижения, во многом благодаря исконной японской религии – синтоизму сохраняется и продолжает бытовать народная культура и народные праздники. Более того, магически значимыми по-прежнему оказываются древние фольклорные персонажи, имеющие историю в несколько сот лет. Как и раньше, сегодня на народных праздниках в Японии чувствуют синтоистских божеств, показывая им свои достижения, поднося им дары урожая и желая заручиться их поддержкой в наступающем году. А от древних фольклорных персонажей ждут простых человеческих радостей – здоровья, счастья, верности и достатка в доме.

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ

Общественная организация «Национально-культурная автономия корейцев Новосибирской области» 12 апреля провела вечер памяти корейского советского писателя и драматурга Ким Цын Сона (1918–1973 гг.) с участием известного российского писателя, друга и переводчика поэта, Геннадия Мартовича Прашкевича.

В конце зимы судьба или случай свели нас с новосибирскими издателями – Владимиром Свиныным и Михаилом Янушевичем (издательский дом «Свинын и сыновья»). Это издательство небольшими тиражами выпускает книги для знатоков, для литературных гурманов. С одной из таких книг – последним поэтическим сборником неизвестного тогда нам поэта Ким Цын Сона «Пылающие листья» они и пришли к нам. Сразу же возникло много вопросов. Корейские стихотворения? Новосибирское издательство? Почему? И кто этот человек – Ким Цын Сон, о котором так тепло пишет в предисловии к сборнику Геннадий Прашкевич? Что связывает этих людей: корейского поэта, новосибирского писателя и издателя? Почему именно в Новосибирске десять лет назад был переиздан этот сборник?

Самым простым было найти ответы на последние вопросы. Владимир Свинын, по образованию физик, был одним из первых ученых и студентов, которые в начале 1960-х годов приехали в новосибирский Академгородок, в только что созданный Институт ядерной физики. Увлечение литературой началось в компании студенческих друзей и единомышленников, пробуящих себя в прозе и поэзии (академик и поэт Владимир Захаров, математик и член Союза писателей Москвы Владимир Бойков, писатель-фантаст Геннадий Прашкевич). В октябре 2003 года вместе с женой, новосибирской писательницей Татьяной Янушевич, и сыновьями он основал издательство «Свинын и сыновья».

Российский фантаст, поэт, переводчик и публицист, один из самых титулованных писателей Сибири Геннадий Мартович Прашкевич в молодости (1965–1971 годы) работал в лаборатории вулканологии Сахалинского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР (Южно-Сахалинск). Там же, в Южно-Сахалинске, в 1968 году по идеологическим соображениям был рассыпан набор его первой книги – сборника стихотворений «Звездопад». И именно Южно-Сахалинск подарил ему встречу, переросшую в дружбу, с корейским поэтом Ким Цын Соном. Профессионально занимаясь стихотворными переводами, Геннадий Мартович Прашкевич

подготовил к изданию сборник сахалинских стихов Ким Цын Сона «Пылающие листья» (1968 г., Южно-Сахалинск).

Гораздо сложнее было собрать по крупицам и постараться восстановить жизненный путь поэта. И мы хотим выразить глубокую признательность сотруднику Сахалинского областного архива, кандидату исторических наук Дин Юлии Ивановне и профессору кафедры российской и зарубежной литературы Сахалинского государственного университета, доктору филологических наук Иконниковой Елене Александровне за неоценимую помощь в сборе биографического материала и подготовке вечера памяти поэта и драматурга Ким Цын Сона.

Как же сложилась жизнь человека, по судьбе которого тяжелым катком прошелся XX век, но который не сломался и остался верным и своему призванию, и корейскому языку?

Родился Ким Цын Сон во Владивостоке 11 сентября 1918 года, в семье портового грузчика. В четыре года он потерял отца, а в десять лет – и мать, после этого он воспитывался в семье своей тети. С самого детства, с 14 лет, ему пришлось зарабатывать себе на жизнь. Корейскую школу-девятилетку он закончил в 1934 году, работал на различных предприятиях Владивостока. Но еще подростком, с 1932 года, начал писать стихи, и всю свою жизнь стихи он писал только на корейском языке. Первые публикации стихов в корейских газетах Владивостока и Хабаровска относятся к 1937 году (с 1 марта 1923 г. на Дальнем Востоке издавалась корейская газета «Сенбон»/«Авангард», после депортации корейцев с Дальнего Востока газета была возобновлена в Кзыл-Орде с 15 мая 1938 г. под названием «Ленин кичи»/«Ленинский путь». С 1978 г. издается в Алма-Ате, в 1991 г. получила современное название «Коре Ильбо»/«Корейский Ежедневник»).

В 1937 году Ким Цын Сон разделил судьбу дальневосточных корейцев. «Учился в корейской средней школе, после ее окончания семья переехала в Узбекистан» – так написано в его биографической справке («Писатели Дальнего Востока», 1973). На самом деле он в 1937 году был депортирован в Самарканд (Узбекистан), потом в Кзыл-Орду (Казахстан) по секретному постановлению Совета народных комиссаров Союза ССР и Центрального комитета ВКП(б) № 1428-326 «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края». По отрывочным сведениям можно судить, что уже в 1938 году он начал публиковаться

в газете «Ленин Кичи»; тогда же, в 1938 году, Ким Цын Сон был зачислен студентом первого курса филологического факультета Узбекского государственного университета в Самарканде. Как пишет он сам в своей автобиографии, был вынужден оставить университет в 1940 году (в автобиографии, которая хранится в фондах Сахалинского областного архива, есть запись: «образование – незаконченное высшее»).

Записи в личном деле поэта, также хранящиеся в Сахалинском архиве, позволяют частично проследить его трудовой путь за годы жизни в Средней Азии. Во время Великой Отечественной войны был вольнонаемным на горно-обогачительной фабрике (МПС ГОФа). В 1942–1943 годах работал ответственным корректором в редакции газеты «Ленин Кичи». После, до 1946 года, работал учителем при Первомайском детском доме московских школьников в Кызыл-Орде. Потом семья Ким Цын Сона переехала в Узбекистан, где в 1946–1947 годах он служил заведующим литературной частью Корейского областного драматического театра в Ташкенте. А с 1947 года он связал свою судьбу со знаменитым корейским колхозом «Полярная Звезда» (Средне-Чирчикский район Ташкентской области), где проработал учителем корейского языка в школе до самого возвращения на Сахалин.

Средняя Азия подарила Ким Цын Сону встречу с любовью всей его жизни – будущей супругой Зоей Иннокентьевной. Они поженились в 1941 году, когда Зоя Иннокентьевна была студенткой немецкого отделения Кызыл-Ординского педагогического института. Судя по личной записи в учетной карточке, хранящейся в Сахалинском архиве, к 1948 году у них было уже трое детей: сыновья восьми и шести лет, дочь четырех лет.

Там же в Узбекистане вышли и первые поэтические сборники поэта в переводе на русский язык: Ким Цын Сон, Ен Сен Нен. Строки дружбы. Ташкент: Госиздат Уз. ССР, 1951; Когда акация цветет: стихи и поэмы¹. Удивителен факт из жизни поэта: до 1951 года не было опубликовано ни одной его строки на русском языке, но 28 февраля 1948 года он был избран кандидатом в ССП (Союз советских писателей) Узбекской ССР (членом ССП УзССР он стал в 1951 г.). Да, стихи того этапа его творчества отвечали духу времени. Вот строки из «Утра Родины»: «...И по вельню сталинской руки восходит солнце из-за небосклона...», «...И все края пустынные Отчизны под сталинской рукою зацветают...». Но

кто сможет бросить камень в поэта? Может, не будь этих строк, мы не смогли бы прочесть на русском языке его акварельно-нежные лирические стихи?

Времена изменились: в 1955 году Ким Цын Сону было разрешено вернуться на Дальний Восток. «Как тогда я взволнован, о море! / Тридцать лет для тебя не срок? / Только вот... / Кожу сморщило время / Валуны превратились в песок». Он получил приглашение в Южно-Сахалинск, где начал работать в редакции газеты «По Ленинскому пути»².

В Южно-Сахалинске Ким Цын Сон работал в редакции газеты переводчиком, заведующим отделом культуры и быта, ответственным секретарем, с 1965 года – заместителем редактора газеты; Зоя Иннокентьевна преподавала немецкий язык в местном педучилище. Жизнь потихоньку налаживалась: в 1958 году он стал членом КПСС; в местных газетах печатались стихи и миниатюры поэта. В творческом отчете за 1955–1961 годы рукою Ким Цын Сона написано: «Закончил цикл стихов «Я люблю море» на корейском языке; поэму «Дочь драконово́й реки» на корейском языке. Сейчас работаю над поэмой о людях Сахалина (после освобождения Сахалина). 10.07.1961 г.». В 1968 году в Южно-Сахалинске вышел последний сборник стихов поэта «Пылающие листья» (пер. Г. Прашкевич, В. Горбенко).

Новая беда пришла в жизнь поэта в 1968 году: по распоряжению первого секретаря Сахалинского обкома КПСС П. А. Леонова должна была закрыться единственная на весь остров корейская школа. На закрытом партийном собрании Ким Цын Сон заметил: «Если закрыли единственную корейскую школу, то кто в будущем будет читать нашу единственную корейскую газету?» Секретарю обкома слова Ким Цын Сона не понравились. А тут еще по случаю празднования двадцатилетия со дня образования КНДР в той самой единственной корейской газете появилась статья, в основу которой легли материалы одного из корреспондентов ТАСС. Немедленно было отдано распоряжение отыскать в статье, за выпуск которой нес ответственность Ким Цын Сон, какой-нибудь политический криминал. Такой криминал был найден, а Ким Цын Сон приказом № 4 от 1 марта 1969 года изгнан из редакции.

Чтобы кормить семью, поэт устроился на работу завхозом в одну из южно-сахалинских

столовых. Могла ли его официально поддерживать немногочисленная писательская организация Сахалина? Трудно судить об этом за давностью лет. Помогали его друзья: над переводами его стихов продолжали работать Г. Прашкевич и В. Горбенко. Они помогали публиковать его стихи «подальше от Сахалина»: стихи появлялись в журналах «Дальний Восток», «Сибирский Огонь», «Байкал», даже как-то появились в достаточно одиозном софроновском «Огоньке».

А поэт продолжал работать завхозом... Несправедливость и равнодушие сделали свое дело: тяжелая гипертония в 50 лет, инвалидность второй группы, пенсия в 49 рублей. Еще через год – кровоизлияние в мозг... В 1973 году поэт ушел из жизни в возрасте 55 лет. К сожалению, место его захоронения неизвестно.

Трудовая жизнь Ким Цын Сона отмечена двумя государственными медалями: «За доблестный труд в ВВО», «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения Ленина». Творческая жизнь поэта оставила нам его замечательные стихи.

Книги, изданные в разные годы, хранятся в библиотеках Международного центра корееведения Московского государственного университета; рекомендованы к прочтению студентами-корееведами Высшей школы экономики (Москва), Новосибирского государственного университета и других вузов страны, где готовят корееведов. При непосредственном участии Г. Прашкевича несколько лет назад сборник стихов «Пылающие листья» был переиздан в США Нью-Йоркским клубом русских писателей. К сожалению, не удалось найти тексты трех пьес Ким Цын Сона, самой известной из которых является «Ханган – голубая река».

Памяти этого замечательного человека и поэта мы посвятили литературный вечер. На встречу пришли не только молодые и пожилые члены нашей автономии, но и студенты, и жители Новосибирска. Открылся вечер корейской народной

песней «Цветок», исполненной студенткой Новосибирского государственного технического университета на корейском языке. С большим интересом участники вечера просмотрели видеосюжет о поэте, подготовленный сахалинским корейским телеканалом «Уримал Бансон». Но ключевой фигурой вечера был новосибирский писатель Геннадий Прашкевич, который поделился воспоминаниями о поэте, о своей дружбе и творческой работе с ним. В руках он держал пожелтевшие за долгие годы листки с неизданными подстрочниками стихов Ким Цын Сона, записанными рукой самого поэта. После этого прозвучала литературно-музыкальная композиция на стихи поэта, подготовленная студентками специальности «корееведение» Новосибирского государственного технического университета. И заключительным аккордом прозвучали воспоминания старейшины нашей автономии, заслуженного человека в Новосибирске, Кансиро Юко Геннадьевича о его годах жизни на Сахалине, куда он попал из Кореи в 1941 году четырехлетним ребенком вместе с матерью и братьями. Участники вечера смогли познакомиться с фотографиями разных лет жизни поэта и копиями документов их личного архивного дела поэта. И каждый участник вечера унес с собой поэтический сборник «Пылающие листья», презентованный присутствующими на вечере издателями Владимиром Свиныным и Михаилом Янушевичем.

Мы постарались перелистнуть забытые страницы стихов Ким Цын Сона, но мы не хотим, чтобы книга жизни поэта была закрыта. Будет очень важно, если земляки поэта займутся поиском места, где жил Ким Цын Сон (известно, что его дом был на улице Космонавта Поповича) и места, где он похоронен. Через два года исполнится 100 лет со дня рождения поэта, и было бы справедливо увековечить его память мемориальным знаком, которым будет отдана дань уважения поэту как символу несгибаемости и стойкости корейского народа.

¹ Ким Цын Сон. «Легенда о любви» и «Кымганстан» / Ким Цын Сон ; пер. с корейского. – Ташкент : Госиздат УзССР, 1956. – 38 с. ; Ким Цын Сон. Кымгансан. Когда акация цветет // Ким Цын Сон ; пер. с корейского Э. Н. Бабаев. – Ташкент, 1956.

² Газета была основана 1 июня 1949 г.; первоначально издавалась в Хабаровске под названием «Корейский рабочий», а затем редакция переехала в Южно-Сахалинск.

ИЗУЧЕНИЕ РЕПОРТАЖЕЙ ВЛАДИМИРА ГИЛЯРОВСКОГО НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

РАЗДЕЛ IV

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ И ОБРАЗОВАНИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ МАГИСТРАНТОВ

Сегодня трудно представить мир без средств массовой информации. Читая газеты, журналы, информацию на интернет-сайтах, смотря телевизор и слушая радио, мы получаем все самые свежие сводки новостей и формируем картину дня в своем городе, стране и мире в целом. Как известно, средства массовой информации появились приблизительно в середине II века до нашей эры. Это были первые римские газеты. Они записывались на деревянных табличках, но свою основную функцию публикации новостей выполняли исправно. С тех пор многое изменилось. Газеты приобрели бумажный облик, а позже к ним присоединилось радио, телевидение и интернет-издания. Все они публикуют новости ежедневно. СМИ стали неким прототипом исторических летописей. Из газет и журналов прошлых лет мы узнаем о главных исторических событиях тех времен, понимаем особенности жизни людей, живших, например, в XVIII веке или в другое время.

Владимир Гиляровский жил в XX столетии и за свою жизнь поработал в нескольких печатных изданиях того времени. Он считался одним из самых «сильных» журналистов, стал известным еще при жизни: Гиляровского называли королем репортажа.

Родился Владимир Гиляровский в небольшом хуторе в Вологодской губернии 8 декабря (26 ноября) 1853 года¹. В 1871 году он сбежал из дома. Для него начался период многолетних странствий, позволивший глубоко познать жизнь со всеми ее радостями и трудностями. Он бурлачил на Волге, работал грузчиком в порту, недолгое время учился в юнкерском училище, гонял табуны, служил пожарным и даже осуществил детскую мечту – выступал наездником в цирке. С 1875 года служил актером в провинциальных театрах: выступал на сценах Тамбова, Воронежа, Пензы, Рязани, Саратова, Моршанска, Кирсанова и других. А позже, в период русско-турецкой войны, Владимир Гиляровский отправился добровольцем воевать на Кавказ.

Писал он постоянно, и небольшие наброски, сделанные во время многочисленных поездок и хождений, со временем превратились в полноценные литературные произведения. В Москве Гиляровский начал печататься в «Русской газете», затем работал репортером в «Московском листке», также писал для «Русской мысли», для юмористических изданий «Осколки», «Будильник» и «Развлечение»². Вскоре его острые злободневные заметки и зарисовки стали появляться в самой яркой московской периодике.

Благодаря Гиляровскому стали известны подробности многих событий, происходящих в Москве и других городах. Например, детали Кукуевской катастрофы – крушения поезда над Орлом на Московско-Курской железной дороге в 1882 году. Причины и последствия этой трагедии пытались умолчать. Никем незамеченный репортер проник в специальный поезд, предназначенный для железнодорожного начальства, которое выехало для расследования катастрофы. Две недели провел Гиляровский в страшной могиле, куда рухнул поезд вместе с людьми в результате того, что насыпь оказалась размытой сильным ливнем.

Кроме авторского мнения и рассказа об увиденном самим Гиляровским, в свои репортажи журналист добавляет диалоги людей. Такие материалы передают образ жизни людей, живших в те времена. Репортажи Гиляровского помогают читателю погрузиться в атмосферу XX века, рассказывают о технологиях тех времен, о том, чего стоило людям, например, подняться в небо. «На платформе из старых шпал установлено три чана для смеси серной кислоты с водой. На чанах помещается холодильник для охлаждения газа и рядом с ним два химических сушителя, наполненные хлористым кали. Внизу платформы расположено пять медных генераторов, наполненных железными стружками» (из репортажа «Солнечное затмение над Москвой»)³. В материалах Владимира Гиляровского можно увидеть и особенности орфографии того времени:

¹ Гиляровский, В. А. *Детство. Собрание сочинений* // В. А. Гиляровский. – М. : Полиграфресурсы, 1999. – Т. 1. (Библиотека школьника).

² Гура, В. В. В. А. Гиляровский (1853–1935) // В. В. Гура. *Русские писатели в Вологодской области*. – Вологда : Вологодское областное издательство, 1951.

³ Гиляровский, В. А. *Собрание сочинений : в 4-х томах* / В. А. Гиляровский. – М. : Полиграфресурсы, 1999. – Т. 2. (Библиотека школьника).

«– Ничего-с, ничего-с, ничего-с не могу сказать! Обратитесь в контору, или...». (Из репортажа «С места катастрофы на Курской железной дороге»).

Владимир Гиляровский говорит в своих репортажах о том, какое значение тогда имело то или иное событие для общества. «Во всех слоях егорьевского общества только и разговору, что о катастрофе 9 января» (отрывок из репортажа «Катастрофа на фабрике Хлудова»). Исторические события, которые происходили во всем мире, также попадали в поле зрения Гиляровского. Например, он писал о солнечном затмении, которое произошло над Москвой. Автор подробно расписал в своем репортаже, во сколько оно состоялось, кто за ним наблюдал и какие еще события произошли в это же время. «Я оглянулся по направлению станции. Там горели огни платформы и паровозов ярко, как в темную ночь. Потом огни начали краснеть, исчезать, забелелся дневной свет и так же быстро день сменил ночь, как ночь сменила день» (из репортажа «Солнечное затмение над Москвой»).

Использование на уроках литературы для студентов из других стран репортажей Владимира Гиляровского может способствовать не только погружению обучающихся в литературу и журналистику первой половины XX века, а еще и историю. Репортажи как небольшие странички нашей истории помогут студентам проникнуться атмосферой того времени. Погружению способствуют и особенности орфографии, которые также присутствуют в репортажах Владимира Гиляровского. Сложностью для иностранцев могут стать устаревшие слова, которые встречаются в некоторых материалах автора. Этого можно избежать и использовать на уроках репортажи, в которых нет такой лексики. Или одним из способов работы может стать небольшой словарь, который педагог вместе с обучающимися будет вести на уроках.

Например, при использовании на уроке репортажа под названием «Орехово-Зуево» у преподавателя и студентов может получиться подобный словарь. В него включены слова, которые могут вызвать затруднения у иностранных студентов – сленговые и устаревшие:

Накат – «ряд бревен или толстых досок, настилаемых на что-то»,

обожженный – «поврежденный, горелый»,

близ – «около»,

откупить место – «купить небольшую площадь земли для захоронения тела»,

верста – «русская мера длины, равная 1,06 км»,

курган – «холм, разновидность погребальных памятников у древних народов»,

погорелец – «тот, кто погорел»,

погореть – «1. Лишиться своего дома, имущества во время пожара. 2. Сгореть»,

катастрофа – событие с несчастными, трагическими последствиями,

завеса – в переносном смысле: «то, что скрывает, закрывает собой что-нибудь»,

жалованье – «денежное вознаграждение за службу, работу»,

блеститель порядка – «полицейский»,

последователь Эскулапа – «врач»,

ретироваться – «уйти (уходить), скрыться (скрываться)»,

каморка – «маленькая комната, чулан».

Словарик специально составлен не по алфавиту, а по принципу последовательности появления слов в тексте, чтобы студентам было проще ориентироваться. Листки с терминами преподаватель может выдавать в начале урока и по ходу занятия заполнять его со студентами. Такая система поможет лучше понять и запомнить текст. Кроме того, поможет студентам в изучении русского языка как иностранного. В целом, репортажи Владимира Гиляровского могут стать интересным блоком в программе изучения русской литературы для иностранных студентов.

Приложение 1

ОРЕХОВО-ЗУЕВО

4 июня

Упавшую крышу и обгорелые бревна на погоревшем корпусе Морозовской фабрики сняли, но до сих пор не разрывают землю, свалившуюся с накатов и покрывшую уцелевший пол второго этажа здания. Между рабочими носят упорные слухи, что под этой землей есть еще трупы сгоревших. В больнице из числа помещенных туда обожженных шесть человек умерли и были похоронены на так называемом Мызинском кладбище. Кладбище здесь два: одно около церкви, близ села, называемое Ореховское, а другое Мызинское. На первом хоронят только жителей известных деревень и сел или тех умерших, для которых откупают место, а на другом всех без исключения. Мызинское кладбище находится в полуверсте от церкви в небольшом сосновом лесу, на песчаном кургане. Тут же похоронены и одиннадцать человек сгоревших. На днях еще привезли из больницы несколько человек на кладбище, но на вопросы: «что это, из числа пострадавших?» ответ последовал отрицательный. И уже потом выяснилось, что «запрещено» говорить, что умирают погорельцы. Вообще происшедшую катастрофу и все ее последствия здесь хотят прикрыть почему-то непроницаемой завесой...

Так, например, желая узнать и проверить ранее добытые нами из уст посторонних и пострадавших фабричных известия, мы обратились с этой целью к местному надзирателю, старику, получающему жалованье от Морозовской фабрики, но от него получили полнейший отказ сообщить нам необходимые сведения.

Не добившись ничего от блестящего по-

рядка, мы обратились к фабричному врачу. Но и этот последователь Эскулапа настолько пропитался тем же фабричным духом таинственности, что решительно отказался отвечать на наши вопросы.

– Скажите, по крайней мере, доктор, сколько у вас в больнице обгоревших? – спросили мы.

– Ничего-с, ничего-с, ничего-с не могу сказать! Обратитесь или в контору, или, самое лучшее, к следователю, – был ответ.

– Не можете ли вы сказать, удовлетворительно ли их здоровье, поправляются ли они после обжога?

– Ничего-с, ничего-с, ничего-с не могу сказать! Обратитесь в контору, или...

– Но скажите, пожалуйста, умер кто-нибудь из них? Ведь это же не секрет!

– Ничего-с, ничего-с, ничего-с не могу сказать! Обратитесь лучше... – и, не кончив речи, врач ретировался.

Между тем, несмотря на молчание врача, известно, что в больницу после пожара труднорабочих поступило 29 человек. Но сколько из них поправилось и сколько умерло – неизвестно.

В настоящее время на фабрике идут переделки. К нерастворяющимся рамам начали приделывать петли, по стенам казарм наставили несколько деревянных лестниц... и только! Почти все корпуса, и даже самый громадный – прядильный, снаб-

жены лишь старыми деревянными лестницами, снаружи, да и то по одной или по две... Вообще нельзя не сказать, что г. Морозову, считающему у себя на фабрике до 15 000 рабочих, следовало бы серьезнее позаботиться о них. Нелишне было бы, например, подсократить усилившиеся за последнее время штрафы, подумать о предупредительных мерах на случай пожара и распорядиться, чтобы по ночам в коридорах корпусов дежурили сторожа, а в «каморках» спали бы не по 15 и 17 человек, как это делается теперь, – а поменьше, сообразно величине этих «каморок».

Литература:

1. Гиляровский, В. А. Собрание сочинений : в 4-х т. / В. А. Гиляровский. – М. : Полиграфресурсы, 1999. (Библиотека школьника).

2. Гиляровский, В. А. Детство : собрание сочинений // В. А. Гиляровский. – Т. 1. – М. : Полиграфресурсы, 1999. (Библиотека школьника).

3. Гура, В. В. В. А. Гиляровский (1853–1935) // В. В. Гура. Русские писатели в Вологодской области. – Вологда : Вологодское областное издательство, 1951.

4. История появления газет и прессы. – Режим доступа : // http://oursociety.ru/publ/istorija_veshhej_i_javlenij/istorija_pojavlenija_gazet_i_pressy/13-1-0-103 (дата обращения : 15.01.2017).

ПРОБЛЕМЫ БИЛИНГВИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Межкультурные контакты становятся явлением повседневной жизни. Все более расширяющиеся и углубляющиеся международные связи в областях политики, науки, производства, искусства, культуры, спорта, туризма и других видов общественной деятельности человека породили в настоящее время явления массового двуязычия и многоязычия. Проблемы речевого общения в условиях тесных культурно-языковых контактов интересуют философов, социологов, психологов, историков, этнографов, лингвистов, педагогов и представителей многих других областей знания. По данным ряда исследователей двуязычия, билингов в мире больше, чем монолингов, и, таким образом, билингвизм в современном мире следует признать распространенным явлением. Именно билингвизм представляет одно из наиболее ярких проявлений межкультурной коммуникации.

Как известно, отправная точка любого научного исследования – дать определение изучаемому явлению. Применительно к билингвизму сделать это оказывается достаточно сложно в силу многомерности соответствующего феномена и возможности его анализа с разных точек зрения.

Как показывает анализ отечественной и зарубежной научной литературы, в современной лингвистике не существует общепринятого определения билингвизма, как не существует и единственного терминологического обозначения соответствующего понятия. В русском языкознании, наряду с названным термином, широко используется также дефиниция «двуязычие», являющаяся переводом английского «bilingualism». Параллельное употребление терминов «билингвизм» и «двуязычие» в русистике считается общепринятым. При этом в одном из основных русских лингвистических словарей-справочников по языкознанию – «Большом энциклопедическом словаре. Языкознание» под редакцией

В. Н. Ярцевой¹ вообще не дается четкого определения двуязычия, в данном издании приводится лишь словарная статья «многоязычие».

В литературе встречаются следующие определения понятия «билингвизм»:

– практика попеременного пользования двумя языками²;

– владение двумя языками и умение с их помощью осуществлять успешную коммуникацию (даже при минимальном знании языков)³;

– одинаково совершенное владение двумя языками, умение в равной степени использовать их в необходимых условиях общения⁴.

Человека, способного пользоваться только одной языковой системой, только родным языком, называют монолингом. Людей, владеющих двумя языками, называют билингвами, более двух – полилингами, более шести – полиглотами. Так как язык является функцией социальных группировок, то быть билингом – значит принадлежать одновременно к двум различным социальным группам.

В литературе можно встретить и такое, наименее строгое определение: билингом считается тот, кто может на втором языке совершить коммуникативный акт, добиться взаимного понимания⁵. По такому критерию билингом можно считать очень многих, хотя бы на основании школьного изучения английского, немецкого, французского.

По самому строгому критерию, билингом считается тот человек, который с одинаковой легкостью говорит и мыслит как на родном, так и на втором языке. Согласно этому критерию человек, который в процессе речи вынужден мысленно формировать предстоящее высказывание на родном языке (хотя бы частично) и тут же переводить на второй язык, не может считаться билингом.

Рассмотрев разнообразные подходы к опреде-

лению билингвизма, мы вывели рабочее определение двуязычия: это владение человеком двумя различными языковыми системами в степени, достаточной для ясного и четкого изложения своих мыслей в необходимой ситуации.

В теории билингвизма рассматриваются причины возникновения би- и полилингвизма, т. е. социальные их источники:

а) общность территории проживания людей разных национальностей (смешанное население). В одном городе могут проживать несколько десятков, а то и сотен национальностей, все они билингвы, если, конечно не забыли своего родного языка. Наблюдается также повышенный процент билингов на сопредельных территориях, вблизи границ. В некоторых государствах (Швейцария, Канада) свободно общаются на двух-трех языках. Немало и таких стран, в которых наблюдается неравноправие языков, приводящее подчас к острым конфликтным ситуациям. Но, несмотря на конфликты, билингвизм и неизбежен, и необходим;

б) эмиграция и иммиграция по политическим, экономическим причинам. На основе переселения сложились некоторые великие многонациональные и многоязычные государства;

в) экономические, культурные связи, туризм и, увы, войны. Все эти причины не только способствуют переселению людей и смешению языков, но и стимулируют развитие и изучение языков;

г) образование и наука: неродные иностранные языки изучаются во всех странах в средних школах и вузах, в семьях, методом самообразования и пр.⁶

Знание языков обогащает человека духовно, развивает его интеллект, раскрывает перед ним возможности образования, позволяет читать в подлиннике иностранную литературу, научные труды, ездить по миру, без переводчика общаться с людьми.

Проблематика названного понятия – сравнительное, сопоставительное изучение преподаваемого и родного языков в областях фонологии, грамматики, лексики и словообразования и пр.; исследование интерференции (воздействия) родного языка при изучении иностранного и поиск путей преодоления интерференции; описание изучаемого языка в учебных целях и отбор теоретического и практического материала для изучения, включения в учебники и пр.; обоснование методов изучения неродных языков, их провер-

ка, сравнительное изучение эффективности того или иного метода; разработка практических методик и так называемых технологий обучения; исследование психолингвистических основ усвоения второго, третьего языков, исследование механизмов их взаимодействия, в частности перевода с языка на другой язык; исследование путей формирования так называемого раннего детского билингвизма. В России проблемами преподавания иностранных языков и русского языка как иностранного занимались и занимаются А. А. Миролюбов, И. Л. Бим, В. Г. Костомаров, О. Д. Митрофанова, В. Г. Гак, А. А. Леонтьев, Е. И. Пассов и многие другие.

Рассмотрим типологии билингвизма. Различают следующие типы билингвизма: координационный (полный) и субординационный (неполный) билингвизм⁷.

Первый предполагает координацию родного и неродного языков; при втором типе речь на неродном языке подчинена родному языку.

Субординационный так называется потому, что говорящий мыслит и проходит подготовительные ступени речи на родном языке, а переход на акустический или графический код у него осложняется переводом лексики и грамматики с родного языка на иностранный. При этом он не всегда удачно находит во втором языке корректные соответствия; могут резко усилиться интерференционные явления (нарушения) не только в фонетике, но и в лексике, синтаксисе.

При координационном типе билингвизма все подготовительные, внутренние, мысленные операции протекают на втором языке; в затруднительных случаях добавляется функция самоконтроля говорящего или пишущего, но при полном знании второго языка контрольная функция отпадает.

Резкой границы между координационным, полным, и субординационным, неполным, билингвизмом быть не может. Иными словами, обычно наблюдается переходный период к полному билингвизму. Полный координационный билингвизм не оспаривается даже максималистами; промежуточные ступени оспариваются, хотя и они обычно достигают цели общения.

По числу усвоенных речевых действий различают рецептивный и продуктивный типы. Рецептивный тип обеспечивает лишь восприятие речи на втором языке, причем чаще всего воспринимается напечатанный текст, дающий читающему время для его осмысления, что позволяет

¹ Ярцева, В. Н. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

² Вайнрайх, У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх. – Киев: Вище школа, 1979. – 263 с.

³ Вахрушева, Л. В. Билингвизм и современное языковое образование / Л. В. Вахрушева // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Филологические науки. – 2007. – № 5 (1). – С. 3–8.

⁴ Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. – 2-е изд., стер. / О. С. Ахманова. – М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.

⁵ Верещагин, Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма) / Е. М. Верещагин. – М.: Директ-медиа, 2014. – 162 с.

⁶ Касаткин, Л. Л. Русский язык: учеб., для студентов пед. ин-тов по спец. № 2121 «Педагогика и методика нач. обучения»: в 2 ч. / Л. Л. Касаткин, Л. П. Крысин, М. Р. Львов, Т. Г. Терехова. – Ч. 1: Введение в науку о языке. Русский язык. Общие сведения. Лексикология современного русского литературного языка. Фонетика. Графика и орфография / Л. Л. Касаткин, Л. П. Крысин, М. Р. Львов, Т. Г. Терехова; под ред. Л. Ю. Максимова. – М.: Просвещение, 1989. – 287 с.

⁷ Львов, М. Р. Основы теории речи: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / М. Р. Львов. – М.: Издательский центр «Академия», 2000. – 248 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОДЕЛЕЙ ИСКУССТВ В КОРРЕКЦИИ РЕЧИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С НАРУШЕНИЕМ ЗРЕНИЯ

воспользоваться словарем. Такой тип билингвизма весьма распространен среди ученых, инженеров, других специалистов: они читают свои специальные труды, успешно извлекают из них необходимую информацию, но говорить свободно не могут. Нередко успешно составляют письменный текст сначала на черновике.

Продуктивный тип предполагает не только восприятие, но и продуцирование устной и письменной речи, умение свободно выразить свою мысль на неродном языке по субординационному или даже по координационному типу. Надо заметить, что многие билингвы продуктивного типа, легко и свободно выражающие свои мысли на втором языке, не умеют ни читать, ни писать на нем. Так что оценивать эти два типа билингвизма можно только с позиции потребностей жизни.

По условиям возникновения различают естественный и искусственный билингвизм.

Первый возникает чаще всего в раннем детстве под влиянием разноязычного окружения. Искусственный билингвизм формируется в процессе обучения. Не следует забывать, что в процесс обучения, в соответствии с методиками обучения, вводятся ситуации, имитирующие естественную жизнь: это различного рода ролевые игры, театрализованные занятия, «полное погружение» в атмосферу изучаемого языка, исключая перевод с родного. Методы, ограничивающие перевод и даже полностью исключаящие его, постепенно развивают внутреннюю речь на изучаемом языке.

Особо следует отметить такое лингвистическое явление, как детский билингвизм: этот феномен давно привлекает исследователей механизмов усвоения языка на основе речевой среды⁸.

Чем раньше начинается влияние на ребенка двух или даже трех языков через речь на этих языках, тем слабее интерференция родного языка, тем прочнее, устойчивее навык. Примеры раннего билингвизма дают основание полагать, что в период до трех-пяти лет, когда зарождается языковое чутье, т. е. усвоение системы языка, того, что в нем закономерно, каждый из языков имеет собственную физиологическую базу. Возможно, что именно такое усвоение языков имел в виду В. Д. Аракин: «Каждый язык – система»⁹.

В раннем детстве язык усваивается без во-

левых усилий, и языковые обобщения формируются внутренне, неосознанно. Позднее такое усвоение не исчезает, но оно менее эффективно. Что же касается ошибок, то различают: фонетические, графические, морфологические, лексические, синтаксические; коммуникативные – некоммуникативные; межъязыковые, внутренние.

При фонетических ошибках происходит искажение фонетического рисунка слова или интонационной конструкции. При графических ошибках возникают следующие:

1. Не сформирован графический навык.
2. Нет навыка перекодирования звуков в соответствующие буквы.
3. Нет навыка использования «неалфавитных элементов» языка.
4. Нет собственно орфографического навыка, т. е. владения системой употребления письменных знаков в конкретных случаях.¹⁰

К морфологическим ошибкам относятся нарушения в согласовании единиц языка. Лексические ошибки – это неправильное словоупотребление. Синтаксические ошибки – это отклонение в употреблении формы слова в словосочетаниях и нарушения в конструкции предложения.

Итак, в данной части нашего исследования мы проанализировали основные проблемы, связанные с феноменом билингвизма, рассмотрели типологию билингвизма, причины его возникновения и развитие. На основе анализа мы пришли к следующим выводам.

1. Основной причиной появления билингвизма являются социальные факторы.
2. Билингвизм способствует всестороннему развитию личности ребенка и взрослого человека, которые в процессе параллельного усвоения нескольких языков развиваются, познают мир и себя.
3. Поскольку билингвизм возникает там, где существует контакт нескольких культур, то он способствует обогащению личности культурными ценностями различных народов.
4. Однако явление билингвизма может вызвать и противоречие в личности ребенка или взрослого, изучающего несколько иностранных языков, поскольку разные языки и разные культуры выражают различное отношение к одним и тем же явлениям в жизни социума.

Научный и практический интерес к проблемам речевого развития у детей с нарушениями зрения появился в 60–70-е годы прошлого века, когда в логопедии наиболее активно стали вестись работы, связанные с системным изучением речевых расстройств. Системный анализ речевых нарушений у детей, утвердившийся в логопедии, дал основание по-иному увидеть и те аспекты, которые могли иметь значение для понимания речевых нарушений у детей с дефектами зрения¹.

Логопедический анализ речи детей дошкольного возраста с нарушением зрения, проведенный Л. С. Волковой, показал, что для таких детей наиболее типичными являются системные недоразвития речи как целостной функциональной системы, разнообразные по своей структуре. Различные компоненты речи могут страдать в разной степени и по-разному соотноситься между собой, что и определяет различные уровни сформированности речи и структуры речевого дефекта².

Логопедическое обследование дошкольников с амблиопией и косоглазием 6–7 лет, посещающих МБДОУ компенсирующего вида № 37 «Одуванчик» г. Южно-Сахалинска, показало, что словарный запас детей крайне беден, страдает семантика речи, имеются серьезные трудности в словообразовании и словоизменении. Дети с нарушением зрения не имеют возможности в полном объеме воспринимать артикуляцию собеседника, не имеют четкого образа движения губ во время разговора, поэтому у них нарушено произношения свистящих, шипящих и сонорных звуков, при этом отмечаются проблемы слуховой дифференциации данных звуков. Недостаточность словарного запаса, непонимание значения и смысла слов делают рассказы детей информативно бедными, непоследовательными, нелогичными. Они не всегда могут планировать свои высказывания.

Поэтому дети с нарушениями зрения нуж-

даются в коррекции речи, которая может осуществляться в разных формах с использованием современных логопедических технологий, направленных на активизацию речевых процессов, мыслительных операций, воображения, эмоционально-волевой сферы ребенка.

Так как у детей, участвующих в обследовании, нарушена работа зрительного анализатора, то при коррекции целесообразно опираться на сохранные – слуховой, кинестетический, двигательный. Их совместная полисенсорная деятельность дает хороший компенсаторный эффект в познавательном развитии. Дефицит зрительных впечатлений о предметах и явлениях окружающего мира, характерный для детей с пониженным зрением, компенсируется за счет использования чувственных данных других модальностей, что обеспечивает принципиальную возможность полноценного познания объектов. В связи с этим, для активизации коррекционно-логопедического процесса в период 10 сентября по 25 декабря 2015 года мы включили в работу со слабовидящими дошкольниками элементы методики Светланы Егоровны Гордеевой «Обучаем дошкольников грамоте при помощи звука, цвета и движения»³.

В логопедической работе нами использовались следующие модели:

1. Сказочные образы в качестве опорных сигналов.
2. Игровое взаимодействие художественных образов.
3. Интеграция звука, цвета, музыки, движения.

Необходимо отметить, что в данном дошкольном учреждении осуществляется логопедизация педагогического процесса, т. е. речевая база для школьного обучения детей с нарушением зрения создается благодаря совместной работе логопеда, воспитателя, тифлопедагога, музыкального руководителя и других сотрудников.

Приведем примеры коррекционной работы

⁸ Величковский, Б. Когнитивная наука: Основы психологии познания : в 2-х т. / Б. Величковский. – М. : Академия, 2006. – 448 с.

⁹ Аракин, В. Д. Типология языков и проблема методического прогнозирования : учеб. пособие для студ. пед. институтов по спец. № 2103 «Иностранные языки» / В. Д. Аракин. – М. : Издательский центр «Высшая школа», 1989. – 158 с.

¹⁰ Белянин, В. П. Психоллингвистика : учебник / В. П. Белянин. – 2-е изд. – М. : Флинта : НОУ ВПО «МПСи», 2011. – С. 245.

¹ Жильцова, О. Л. Индивидуальные особенности развития речи и фонематического слуха у старших дошкольников с глубокими нарушениями зрения. Дефектология / О. Л. Жильцова. – 1971. – № 2. – С. 66–72.

² Волкова, Л. С. Уровни речевого развития у детей с глубокими дефектами зрения / Л. С. Волкова // Психические и речевые нарушения у детей и пути их коррекции. – Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 2006. – 297 с.

³ Гордеева, С. Е. Обучаем дошкольников грамоте при помощи звука, цвета и движения / С. Е. Гордеева. – М. : ТЦ Сфера, 2011. – 64 с.

по преодолению недоразвития речи у детей с нарушением зрения с использованием средств искусства и о приемах взаимодействия специалистов детского сада при изучении того или иного материала.

При знакомстве детей со звуками им предлагалось прослушать сказки, каждая из которых начиналась с определенного звука, например «Голубая сказка», «Малиновая сказка» и другие. Перед началом сказки включили музыку, когда музыка стихала, детям предлагалось нарисовать на бумаге при помощи красок свои чувства, которые они испытывали при прослушивании произведения. Также детям предлагалось смешать синий, белый, красный цвета для получения малинового цвета. Знания по цвету на своих занятиях закреплял тифлопедагог.

С целью ознакомления детей с гласными звуками им рассказывали сказку о феях гласных, которые были одеты в красные платья и чудесно пели своими нежными голосами. На занятиях с воспитателем ребята готовили силуэты фей и писали их имена на шарфиках, т. е. у детей создавался образ каждой гласной буквы. На последующих занятиях, которые проводил логопед, дети использовали эти силуэты в различных играх, например:

«Песенки и занятия фей-волшебниц», «Слова, где живут феи», «Танцы фей» и т. д. Музыкальный руководитель проводил занятия с детьми, где они при помощи пантомимы изображали фей, а также разучивали танец волшебных фей.

Для знакомства детей с согласными звуками использовалась сказка о пухлых, мягких, одетых в зеленые комбинезоны гномах и высоких, сильных в твердых кольчугах богатырях. Дети заранее на занятиях совместно с воспитателем делали гномиков и богатырей. Далее на логопедических занятиях детям давалось представление о твердых и мягких согласных. Мягкие согласные – это пухлые, зеленые гномики, а твердые согласные – это сильные, синие богатыри. Дети зрительно и тактильно знакомились с твердыми и мягкими звуками с помощью гномиков и богатырей. Проводились игры на закрепление знаний о твердых и мягких согласных, например: «У каждого богатыря своя преграда», «Кто живет в слове», «Мы – буквы». Дети при помощи пальцев рук показывали согласные буквы. Тифлопедагог на своих занятиях проводил сравнения этих двух гномиков (цвет, качество, величина и др. характеристики). Музыкальный руководитель разучивал песни про гномов и богатырей.

Для знакомства детей с частями речи им рассказывали сказку о трех словах-братьях – существительное, глагол, прилагательное. Эти три брата имеют одну фамилию – «Слово». Каждый из братьев любит задавать свой любимый вопрос. Братец Предмет всегда спрашивает «что

это?» или «кто это?»; братец Действие – «что делаю?», «что сделают?» и т. д.; братец Признак – «Какой? Какая? Какие? Какое?». Для закрепления материала проводились игры, например, с братцем Предметом – «Мой вопрос», «Чья песенка» и т. д., с братцем Действием – «Картинки спрашивают», «Отгадай, что делают», с братцем Признаком – «Какие мы», «Какое у меня настроение» и т. п. Музыкальный руководитель разучивал с детьми любимый танец брата Предмета «Полька», любимый танец брата Действия – «Марш веселых ребят».

Когда дети усвоили основные части речи, началось знакомство с предложением. Логопед рассказал детям сказку о бабушке «Предложении», которая жила на улице «Многословие» со своей маленькой собачкой по имени Точка и любила, чтобы братья приходили к ней в гости и гуляли по бабушкиным аллеям – Восклицательной и Вопросительной. Для закрепления программного материала с детьми проводились игры и упражнения, например: «Каждый на свое место», «Спрашиваем и восклицаем», «Закончи рисунок». На занятиях с воспитателем дети рисовали образы братцев-слов и их бабушки Предложение, закрепляя пройденный с логопедом материал, развивая мелкую моторику и зрительное восприятие. Тифлопедагог на своих занятиях обучал детей составлять предложения из палочек, пуговиц, камней и других предметов, развивая тем самым тактильное восприятие.

На занятиях по постановке и автоматизации поставленных звуков логопед предлагал детям каждый звук соотнести с цветом, музыкой, движением. Так, звук [Р] ребята изображали синим цветом, характер этого звука: твердый – показывали образ богатыря, звонкий – образ ушастика, а затем при помощи пальцев изображали букву [Р]. Мелодия этого звука представлялась детям в виде шума машины. Звук [Ш] ребята изображали синим цветом, характер звука: твердый – показывали образ богатыря, глухой – показывали образ глушастика, и при помощи пантомимики изображали [Ш]. Мелодия данного звука детям представлялась как шум сильного ветра. Дети проявляли интерес к занятию и старались четче и правильной произносить звуки.

На занятиях по формированию грамматического строя речи нами также использовались средства искусства. Например, при обучении детей предложениям использовался образ маленького дракончика. Накануне занятия воспитатель читал детям сказку «Маленький дракончик, который не умел летать». Дети слушали сказку, отвечали на вопросы, делились впечатлениями, представляли образ сказочного персонажа и лепили зеленого дракона с большими желтыми глазами. На логопедическом занятии дети слушали сказку о маленьком и сердитом дракончике

Предлоге, который прибыл в гости к трем братьям, но на голове и туловище дракончика было написано «Близко подходить нельзя». Так детям давалось представление о том, что предлог всегда пишется отдельно от всех слов. С дракончиком Предлогом проводились такие игры, как «Где я», «Живое предложение» и т. п. Тифлопедагог на своих занятиях работал над зрительно-пространственным восприятием таких наречий как, *далеко, близко, рядом, около* и т. д., предлогов *под-, над-, за-, от-* и др.

Средства искусства, а именно цвет, музыка, движения использовались при развитии речевой активности детей. Логопед совместно с музыкальным руководителем проводил занятия, на которых дети должны были прочувствовать каждое слово при помощи музыки и передать эти чувства цветом, движением. Дети, прослушав мелодию (С. Рахманинов романс «Сирень», Ф. Шуберт «Третья песня Эллен», Л. Бетховен пьеса «К Элизе», П. Чайковский «Танец снежнок» и др.), придумывали сказочные сюжеты, сочиняли сказочные моменты для персонажей, ставили их в различные ситуации, придумывали последовательность действий и демонстрировали все с помощью движений. Затем проводилась беседа о придуманных сюжетах, где дети делились впечатлениями, разбирали характерные черты и поведения героев сказки. На заключительном этапе экспериментальной работы было проведено итоговое занятие, на котором детям предлагались творческие задания по пройденному материалу.

Наблюдение за детьми показало, что они проявили большую заинтересованность к занятию и в разной степени усвоили пройденный материал. Предлагаемые задания не вызывали у них затруднений, выполнялись с удовольствием, в приподнятом настроении, т. к. задания ассоциировались у них с моделями искусства.

Результаты контрольного логопедического обследования детей показали, что произошла положительная динамика и качественного, и количественного развития всех компонентов речи. Уровень речевого развития речи у детей данной группы повысился на 27,3 %.

При обследовании фонематического восприятия, анализа и синтеза было выявлено, что дети научились правильно дифференцировать фонетически близкие сочетания звуков типа: *са – ша, са – за, ра – ла, са – ся, ша – са,*

ша – жа, ка – га, за – зя; определять наличие звука в слове; определять количество звуков в слове и место звука в слове; составлять слово из данных звуков например: (*т, о, р, – пот*).

Диагностика лексико-грамматической стороны речи показала, что у дошкольников достаточно хорошо сформировалась обобщающая функция слова (овощи, фрукты, обувь, одежда, посуда, мебель, транспорт). Дети в своей речи начали употреблять больше глаголов, прилагательных, наречий. Они усвоили навыки словообразования имен существительных («волчки – волчата», «львенки – лвята», «лисенки – лисята», «свинята – поросята») и стали правильно использовать существительные в уменьшительно-ласкательной форме («домичек – домик», «деревичко – деревце», «снежик – снежок»).

Произошли изменения и в связной речи детей: они стали правильно передавать смысл сюжета; все основные смысловые единицы рассказа стали располагаться в правильной последовательности, не возникало особых трудностей в переключении с одной части на другую; рассказ оформлялся грамматически правильно с использованием разнообразных грамматических конструкций. Иногда в процессе рассказа требовалась помощь логопеда и наводящие вопросы.

Успешными оказались результаты обучения детей основам грамоты. Они научились вычленять слова как самостоятельные единицы из потока речи, выделять предложение как смысловую единицу речи, делить предложения на слова и составлять из слов предложения, осуществлять звуковой анализ односложных слов.

Таким образом, коррекционная работа по преодолению недоразвития речи у слабовидящих дошкольников с использованием моделей искусства и при взаимодействии логопеда, тифлопедагога, воспитателя и музыкального работника, явилась эффективной, так как она способствовала стимуляции активности детей, желанию получать новые знания, совершенствованию не только речи, но и в целом психического состояния ребенка. Но, несмотря на положительную динамику в развитии речи детей, у них в большей или меньшей степени остались проблемы лексического и грамматического характера, монологической речи. Поэтому коррекционную работу по преодолению недоразвития речи у детей с нарушением зрения с использованием моделей искусства необходимо продолжать.

ИДИОМЫ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ КАК СПОСОБ ОТОБРАЖЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КИТАЙЦЕВ

Специфика китайской культуры в устойчивых оборотах чэньюй передается посредством особенностей письменного языка, использовавшегося в Китае до XX в. Вэньянь (文言 – wényán) обладает рядом отличительных черт, в число которых входит способность одного иероглифа относиться к разным частям речи, частое использование контекста для выяснения значения слова, отсутствие знаков препинания. Главной характеристикой данного языка, которая была положена в основу формирования фразеологизмов, является преобладание односложных слов, благодаря чему устойчивые обороты наделены лаконичностью и краткостью изложения¹. Таким образом, устойчивые обороты, фиксируя и обобщая опыт прошлого, существуют в современном китайском языке в неизменном виде.

Информация о культурно-национальном опыте и традициях содержится в этнокультурном компоненте оборота чэньюй. Он содержит скрытый смысл, который выражает общеизвестную истину, но зафиксирован в виде образа, который характерен для китайского национального восприятия. Этнокультурный компонент поясняет мораль добра и зла, красоты и уродливости, в данном случае фразеологизм выступает как маркер этических отношений в обществе и используется,

прежде всего, с целью выражения собственного отношения к событию или явлению². В качестве примера могут выступать следующие устойчивые обороты, представленные в таблице 1. Информация, заложенная в приведенных примерах, является отражением национального менталитета и используется для привлечения внимания участников коммуникации к культурному наследию нации. В стилистических целях она используется для придания определенного национального колорита тексту или его персонажам³.

Передача культурной информации через структуру устойчивого оборота чэньюй может происходить косвенно (косвенная передача – переосмысление ситуации, требующее знания образа, положенного в основу фразеологизма) и прямо (прямая передача ситуации окружающей действительности)⁴. Примерами косвенной передачи культурной информации могут служить идиомы 画龙点睛 (huàlóngdiǎnjīng – «рисую дракона, нарисовать ему зрачки») – нанести завершающий штрих; 杯弓蛇影 (bēigōngshéyǐng – «отражение лука в бокале кажется тенью змеи») – у страха глаза велики; 画蛇添足 (huà shé tiān zú – «нарисовав змею, пририсовать ей ноги») – сделать лишнее, перестараться. В данном случае культурная информация заложена в основном содержании

Таблица 1

Этнокультурный компонент в составе оборотов чэньюй с зоонимом

Чэньюй	Пининь	Дословный перевод	Образное значение
狼子野心	lángzǐyěxīn	у волчонка – волчье сердце	тягчайшее преступление
长虺成蛇	zhǎnghuǐchéngshé	маленькая змея остается змеей	в тихом омуте черти водятся
白龙鱼服	báilóngyúfú	белый дракон в обличье рыбы	инкогнито (о большом человеке)
灵蛇珠	língshézhū	жемчужина чудесной змеи	ум, остроумие

¹ Сун Цзуньфэнь. Ханьюйцзыхуэйсюэ (Лексикология китайского языка) / Сун Цзуньфэнь. – Пекин : Чжисиш, 2002. – С. 20.

² Сян Гуанчжун. Связь чэньюй с естественной средой народа, культурными традициями и особенностями языка / Сян Гуанчжун // Китайский язык. – 1979. – № 2. – С. 138.

³ Тань Аоциуан. Китайская картина мира : язык, культура, ментальность / Тань Аоциуан. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 170.

⁴ Чжоу Ханьжуй. Фразеологический оборот как этнокультурный феномен: лингвострановедческий аспект (на материале русского и китайского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 : защищена 17.01.14 : утв. 23.06.14 / Чжоу Ханьжуй. – Краснодар, 2014. – С. 12.

притчи, обычая или традиции, передача которого осуществляется через образ, созданный путем сжатого обобщения ситуации. Для более четкого понимания смысла, заключенного в перечисленных фразеологических оборотах, необходимы этимологические разъяснения, то есть обращения к тексту притчи⁵.

Аналогичным способом была образована идиома «指鹿为马» (zhǐlùwéimǎ – «называть оленя лошастью») – намеренно исказить факты. Данный чэньюй представляет сжатое описание исторического события, случившегося во времена династии Цинь (221–206 гг. до н. э.). Произошедшее зафиксировано в «Исторических записках» (史记 shǐ jì) – труде известного историографа Китая Сыма Цяня. История повествует о том, что когда Первый император династии умер, право правления унаследовал его сын, который вошел в историю под именем Второго императора. Однако вокруг нового правителя существовало много заговорщиков, одним из которых был евнух при императорском дворе Чжао Гао. Действовать в одиночку он боялся, поэтому всячески пытался найти союзников среди приближенных ко двору. Однажды он привел во дворец оленя и сообщил всем, что это лошадь. Император, оказавшись в данной ситуации, стал возражать и подчеркивать очевидный всем факт, что животное является оленем, и его нельзя называть лошастью. Тогда Чжао Гао обратился к присутствующим чиновникам с просьбой рассудить, кто прав. Министры боялись Чжао Гао, поэтому одни просто промолчали, другие, заискивая перед ним, согласились, что это лошадь, но нашлись и такие, кто не захотел врать и сказал, что это олень. Впоследствии евнух одного за другим убил всех тех, кто не захотел назвать оленя лошастью⁶.

Обороты чэньюй, в основе которых лежит способ прямой передачи этнокультурной информации, не требуют ссылок на этимологию, а также не нуждаются в пояснении значения. Они напрямую отражают видение и мировосприятие китайцев⁷. Например, фразеологизм 坐山观虎斗 (zuòshānguānhǔdòu – «сидеть на горе и наблюдать, как дерутся тигры») – занимать позицию третьего наблюдающего) отражает особенность китайского менталитета, проявляемую в рассудительности, осторожности и отсутствии не-

обходимости вмешиваться в конфликт, если нет угрозы притеснения своих интересов. Еще один устойчивый оборот китайского языка «悬崖勒马» (xiányá lè mǎ – «сдержать коня на самом краю пропасти») – остановиться вовремя) указывает на способность трезво оценивать ситуацию, взвешивать свои силы и умение вовремя одуматься.

Для достоверной передачи культурной информации посредством чэньюй с компонентом-зоонимом важен его правильный перевод на русский язык. В связи с этим В. Ф. Щичко выделяет пять видов устойчивых оборотов с точки зрения их прямого и переносного значения, положенных в основу формирования приемов перевода китайских идиом на русский язык. Итак, при осуществлении перевода оборотов чэньюй используются следующие методы: совпадение образной основы с переносным значением, сохранение переносного значения при изменении образной основы (применение функционального аналога), наличие образной основы только в русском языке, описание фразеологизма при отсутствии аналога в русском языке, осуществление краткого перевода с помощью словосочетания, не являющегося фразеологизмом⁸. Наиболее продуктивными, в связи с изучением образного компонента животных в составе фразеологических единиц, являются первый, второй и четвертый методы, подробно описанные ниже.

Идиому сложно перевести дословно (теряется смысл), поэтому возникает необходимость изучения и сопоставления образного компонента, находящегося в основе устойчивых оборотов в русском и китайском языках⁹. Именно в этом и состоит суть первых двух приемов перевода (совпадение и изменение образов при переводе). В ходе анализа 150 китайских устойчивых оборотов чэньюй с животными было установлено, что значения таких животных, как осел, волк, лиса, бык (корова, вол), рыба, крыса, петух, свинья, собака совпадают в русском и китайском языках. Например, образ волка наделен отрицательной коннотацией злого, своенравного и беспощадного хищника в чэньюй 豺狼当道 (chái láng dāng dào – «шакалы и волки хозяйничают на дорогах») – злодеи стоят у власти) и выражении, которое выступает его эквивалентом на русском языке – «волчий закон». Образ лисы положен в основу фразеологизмов о хитрости и

⁵ Чжоу Ханьжуй. Фразеологический оборот как этнокультурный феномен: лингвострановедческий аспект (на материале русского и китайского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 : защищена 17.01.14 : утв. 23.06.14 / Чжоу Ханьжуй. – Краснодар, 2014. – С. 14.

⁶ Пятьсот чэньюй в сказках / под ред. Чжоу Цзиньхуа. – Чунцин : Синьхуа, 1982. – С. 300.

⁷ Пань Цзинхань. Чэньюй дэ лосу и (Просторечное (ходовое) значение чэньюй) / Пань Цзинхань // Изучение языка. – 1994. – № 11. – С. 37.

⁸ Щичко, В. Ф. Китайский язык. Теория и практика перевода / В. Ф. Щичко. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2004. – С. 119.

⁹ Бусарова, К. О. Фразеологические единицы с зоонимом в китайском и русском языках / К. О. Бусарова // Образовательный журнал. – 2014. – № 6. – С. 23.

подлости в русском и китайском языках, поэтому чэньюй 城狐社鼠 (chéng hú shè shǔ) можно перевести на русский язык поговоркой «Лиса своего хвоста не замазает». Аналогичным образом происходит перевод идиомы о звериной сущности, скрытой в человеке 狐狸尾巴 (hú li wěi ba). Русские люди, выражая этот же смысл, скажут: «Хитрый, как лиса». То есть в обоих языках значение образного компонента лисы сохраняется. Совпадение образов в русском и китайском языках происходит при переводе устойчивых оборотов, представленных в таблице 2.

Сложнее передать культурную информацию, когда образная основа, входящая в состав фразеологических единиц, не совпадает. В ходе исследования китайских устойчивых оборотов, было установлено, что данное явление на-

блюдается гораздо чаще, что объясняется спецификой мировосприятия носителей русского и китайского языков¹⁰. Например, идиома 暴虎馮河 (bào hǔ féng hé – «бороться с тигром голыми руками и переправляться через реки вплавь»), в основе которой лежит образ тигра, как хищника и соперника очень сильного, в русском языке соответствует выражение, содержащее образ волка – «к волку в пасть лезть». Следует отметить, что расхождение образной основы не оказывает влияния на значение выражений, оно совпадает – пускаться в авантюры, безумно рисковать. Аналогичным образом ситуация обстоит с фразеологизмами, представленными в таблице 3.

Чэньюй, являясь устойчивым оборотом китайского языка, наделен национальным опытом и культурными особенностями, которые зафик-

Таблица 2

Совпадение образной основы оборотов чэньюй и русских фразеологизмов

Чэньюй	Пиньинь	Дословный перевод	Русский фразеологизм
狼吞虎咽	láng tūn hǔ yàn	глотать, как волк, пожирать, как тигр	иметь волчий аппетит
九牛二虎	jiǔ niú èr hǔ	[сила], как у девяти быков и двух тигров	работать, как вол
闻鸡起舞	wén jī qǐ wǔ	услышав пение петуха, взмахнуть [мечом]	вставать с петухами

Таблица 3

Расхождение образной основы оборотов чэньюй и русских фразеологизмов

Чэньюй	Пиньинь	Дословный перевод	Русский фразеологизм	Переносное значение
春蚓秋蛇	chūn yǐn qiū shé	[след] весеннего червя и осенней змеи	писать, как курица лапой	скверный почерк
非驴非马	fēi lú fēi mǎ	ни осел, ни лошадь	ни рыба, ни мясо	нечто бессмысленное
虎视眈眈	hǔ shì dān dān	смотреть хищно, как тигр	смотреть волком	злой взгляд
鸡鸣狗盗	jī míng gǒu dào	[как] петух поет, [и как] собака крадет	как уж на сковороде	ловкий трюк и изворотливость
一箭双雕	yī jiàn shuāng diāo	одной стрелой убить двух ястребов	одним выстрелом убить двух зайцев	успешное выполнение двух важных дел за один раз
害群之马	hài qún zhī mǎ	лошадь, которая весь табун портит	паршивая овца все стадо портит	единственный, но очень весомый недостаток, портящий все
养虎遗患	yǎng hǔ yí huàn	выходить тигра и навлечь на себя несчастье	пригреть змею на груди	проявление жалости, которое приводит к опасным последствиям

¹⁰ Цзя Сюэ. Сравнительный анализ фразеологизмов китайского и русского языков / Цзя Сюэ // «Magister Dixit» – научно-педагогический журнал Восточной Сибири. – 2014. – № 2. – С. 12.

Перевод оборотов чэньюй с помощью описательного метода

Чэньюй	Пиньинь	Дословный перевод	Значение (описание ситуации использования)
草蛇灰线	cǎo shé huī xiàn	змея на траве похожа на серую линию	о ситуации, когда человек, обращая внимание на посторонние детали, не видит всей картины событий
归马放牛	guī mǎ fàng niú	вернуть лошадей и выпастить крупный рогатый скот	о переходе от военных действий к мирной жизни
惊蛇入草	jīng shé rù cǎo	испуганные змеи уползают в траву	о скорописном каллиграфическом мастерстве

сированы с помощью норм древнего языка, поэтому не всегда существует возможность осуществить корректный перевод с точки зрения достоверной передачи образной основы фразеологизма¹¹. В связи с этим, еще одним частым приемом, используемым для перевода устойчивых оборотов с компонентом-зоонимом, является описание. Нередко при отсутствии аналога в русском языке переводчику приходится прибегать к данному методу с целью воссоздать ситуацию, заложенную в оригинальном фразеологизме, и наиболее полно передать культурную информацию, опыт и мудрость китайцев. Суть приема заключается в том, что параллельно указывается дословный перевод идиомы и его трактовка, чаще всего представленная описанием ситуации, в которой уместно использование фразеологического оборота¹². При работе с устойчивыми оборотами чэньюй, представленными в таблице 4, переводчики прибегают к описательному методу.

Таким образом, устойчивые обороты с образа-

ми животных являются хранителями культурной информации, основу которой составляет национальный метод формирования мировоззрения. С помощью образной основы чэньюй отражает этнокультурный компонент, проявляющийся в отношении китайцев к обыденным понятиям: добру и злу, красоте и уродливости, морали, чести и т. п. Передача культурной информации посредством чэньюй с компонентом-зоонимом может осуществляться двумя способами: прямо и косвенно.

Важное место при знакомстве с китайской культурой посредством чэньюй занимает перевод данного разряда фразеологизмов на русский язык. В рамках изучения приемов перевода был проведен небольшой сравнительный анализ образов животных в китайских оборотах чэньюй и русских половицах и поговорках. Таким образом, было установлено, что необходимо исследовать смысловую нагрузку компонентов-зоонимов, которая отчетливо отражает национально-культурное своеобразие китайской фразеологии в семантике китайских идиом.

¹¹ Ли Сюйцзя. Чэньюйфань дэ цэлюэ (Приемы перевода китайских фразеологизмов) / Ли Сюйцзя // Вестник университета Yangtze. – 2011. – № 11. – С. 172.

¹² Ван Гоуха. Чэньюйфаньюйвэньхуа чаи (Перевод фразеологизмов с учетом культурных особенностей страны) / Ван Гоуха, ЧэньЦилинь // Вестник колледжа Шаньдун. – 2007. – № 122. – С. 112.

СВОЕОБРАЗИЕ ПРЕДМЕТНОГО МИРА В РОМАНЕ И. С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»

Предметный мир – одна из характерных черт любого художественного произведения. Реалии жизни есть в каждом произведении, но вещная насыщенность текста, отношение к вещи, к предметному миру у каждого писателя различна. И. С. Тургенев всегда стремится к выразительности, он всегда проявляет, как подчеркивает П. В. Аненков, поразительную верность окружающему миру. И. С. Тургенев умело подмечает мельчайшие нюансы, подробности, детали, что позволяет признать – категория предмета относится к главным составляющим тургеневского художественного стиля.

Предметный мир произведений И. С. Тургенева многогранен. И ярким примером тому является роман «Отцы и дети».

При помощи описания красивых и изящных вещей «архаического явления» И. С. Тургенев показывает атмосферу, в которой живут герои романа. Намеренно акцентируя внимание на неодушевленных предметах, окружающих, например, дядю Аркадия, автор подводит читателя к мысли о некоей безжизненности «уездного аристократа», называя его «мертвецом». В конце романа, досказывая историю бесполезной жизни своего героя, Тургенев с некоторым сочувствием замечает: «Жить ему тяжело... тяжелей, чем он сам подозревает». Но как упрек и осуждение Павлу Петровичу звучат насмешливые слова писателя: «Он ничего русского не читает, но на письменном столе у него находится серебряная пепельница в виде мужицкого лаптя». Этот серебряный лапоть – вот и вся связь с родиной. Но есть один забавный нюанс, показывающий, как наш герой на родине относился к крестьянам: он не мог с ними разговаривать, не поднося к лицу надушенный платок. К сожалению, сложно представить безумную любовь Павла Петровича к народу. Этот лапоть является всего лишь данью моде, своеобразным символом русского происхождения, что очень уважалось. Серебряная пепельница за границей, запонки с драгоценными камнями в деревне – все это удивительно пошло и неискренне. Эти вещные детали обладают способностью и характеризовать персонажа, и выражать авторское отношение к нему. Серебряная пепельница в виде лаптя не только характеризует показное народолюбие Павла Петровича, но и выражает отрицательную оценку Тургенева. Ирония детали в том, что самый насущный предмет мужицкого быта выполнен из серебра и служит пепельницей.

Неактуальность жизненных принципов Павла Петровича определяет его «мертвость», сам факт наличия, который раскрывает в произведении идею о разложении и несостоятельности дворянского сословия того времени. Таким образом, мы видим, что художественная деталь, участвуя в портретных характеристиках и описании костюма, выполняет важную функцию, отражая образы и замысел романа.

Необходимо сказать также и о том, что большую роль в выявлении основных идей произведения играет изображение психологических портретов героев. Для передачи чувств, переживаний, мыслей действующих лиц «Отцов и детей» автор часто использует художественные детали. Наглядным примером этого может служить отображение внутреннего состояния Базарова накануне дуэли. И. С. Тургенев с изумительным мастерством показывает беспокойство, волнение Евгения Васильевича. Писатель отмечает, что ночью перед поединком с Павлом Петровичем Евгения «...мучили беспорядочные сны...», а во время ожидания в роще «...утренний холодок заставил его два раза вздрогнуть...». То есть, Базаров, очевидно, боится за свою жизнь, хотя тщательно это скрывает даже от самого себя. «Сны» и «холодок» – это те художественные детали, которые помогают читателю разобраться в мыслях и ощущениях Базарова, охвативших его в этой непростой ситуации, и понять то, что Евгений Васильевич умеет не только отрицать и спорить, но и переживать, по-своему любить жизнь. Например, афоризмом стали слова Базарова о том, что «ни один ботаник не станет заниматься каждой березой отдельно». И говорил это Базаров, сравнивая березы с людьми. Его собственная жизнь убедила его в обратном. Он встретил такую необычную, немного таинственную женщину, как Одинцова, и полюбил ее, хотя до встречи с ней презрительно отзывался о женщинах, говорил, что «свободно мыслят между женщинами только уроды». А ведь береза, с которой он сравнивал людей, – дерево, отдающее энергию, в отличие от осины.

Сфинксовая бездна предстает перед Базаровым в виде «ямы, оставшейся от кирпичного сарая» и вместе со зловещим деревом осиною, означающей могилу, смерть. Невеселые предчувствия, в которых Базаров боится сознаться, томят его. «Яма», «узенькое местечко», «лопух расти будет» – это не что иное, как перифразы могилы.

Базаров не просто охвачен предчувствиями, он, еще не так давно отрицавший «загадочный взгляд», «таинственные отношения» и роковую любовь, рассуждает теперь о талисманах.

Осина считается проклятым деревом у многих народов. На ней вешали преступников, осинный кол забивали в могилу так называемых «нечистых». По некоторым версиям, из осины был изготовлен крест Христа, его бичевали осиновыми прутьями, на осине удавился Иуда. Дрожание листьев осины даже в безветренную погоду объясняли плясками нечистой силы под корнями этого дерева. Если учесть, что смерть Базарова – в известной степени самоубийство от несчастной любви, то его «преданность» осине и яме приобретает трагический смысл.

Своеобразную роль талисмана играет такая художественная деталь, как книжка Бюхнера, впоследствии приобретающая значение символа. Об этом говорят современные исследователи: «Нетрудно заметить, что книга Бюхнера имеет для Базарова особенное значение. Герой часто носит ее с собой и, при случае, рекомендует читать окружающим, словно новоявленный проповедник. Действительно, уже вскоре после своего появления сочинение Бюхнера воспринималось современниками, вследствие необыкновенной популярности, в качестве своего рода «библии материализма». И, несмотря на то, что все в романе, включая самого автора, подчеркивает, будто Базаров ни во что не верит, нельзя не заметить, что именно в свою “библию” силы и материи он как раз верит».

Неудача Базарова в попытке заменить томик Пушкина в руках Николая Петровича сочинением Бюхнера приобретает символический смысл. Пушкинская поэзия освещает весь роман. Вот и получается, что никакая наука не заменит веру в искусство, никакая польза не заменит любовь и поэзию.

В произведении важной деталью является крест. Крест упоминается в романе восемь раз: кресты на церквушках, «крестообразная» черта на кольце княгини Р., кресты на кладбище, где похоронен Базаров. Крест – это символ человека, так как на кресте распинали людей. Матушка Павла и Николая Кирсановых «в церкви подходила первая ко кресту»; Николай Петрович опасался, что «отставным людям» «пора гроб заказывать и ручки складывать крестом на груди». Три раза герои романа осеняют себя крестом. Перекрестилась «под шалью» княжна Х....я, тетка Одинцовой, узнав об отъезде Базарова и Аркадия; «начал креститься» камердинер Петр, увидев потерявшего сознание Павла Петровича; наконец, сам Павел Петрович в русской церкви Дрездена «задумывается и долго не шевелится, горько стиснув губы, потом вдруг опомнится и начнет почти незаметно креститься...». Крест также означает земные страдания, неизбежность

физического ухода. Это и символизирует крест на могиле атеиста Базарова.

Таким образом, Базаров и Павел Петрович, казавшиеся столь различными, пришли к одному итогу – к кресту в церкви и на могиле.

Через бытовую деталь И. С. Тургенев раскрывает социальную сущность, внутренний мир героев. «Одиноким крупным опалом» на «рукавчике» Павла Петровича – свидетельство его принадлежности к дворянскому сословию, привычки к роскошной жизни.

В кульминационный момент объяснения с Одинцовой Базаров подходит к окну. Окно как бытовая деталь интерьера символично: перед нами уже другой герой – Базаров, стоящий на пороге новой жизни, которую он раньше отрицал. Ему трудно смириться с такой метаморфозой, но приходится. «Базаров уперся лбом в стекло окна. Он задыхался».

Благодаря предмету, вещи, которая становится важной деталью повествования, И. С. Тургенев выражает психологическое состояние своих героев.

Наиболее ярко предметный мир романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» отражается в создании интерьера. С помощью этого приема автором также дается психологическая характеристика героев, в том числе и Василия Ивановича Базарова, отца главного персонажа.

Интерьер его «домика», состоящего «из шести крошечных комнат», говорит о том, что перед нами «маленький» человек, очевидно, небогатый, который не претендует на значимость, любит уют. Также интерьер помогает охарактеризовать деловые качества Василия Ивановича. И действительно, «толстоногий стол, заваленный почерневшими от старинной пыли... бумагами», говорит о том, что Василий Иванович занимается работой, но делает это время от времени. Отец Базарова – человек неаккуратный, за порядком, даже в своем кабинете не следит («на полках в беспорядках теснились книги, коробочки, птичьи чучелы, банка, пузырьки»). О том, что Василий Иванович интересуется естественными науками и физическими опытами, говорит «сломанная электрическая машина», но это увлечение осталось в прошлом, так как она до сих пор не починена. Оружие, развешанное на стенах, говорит о том, что хозяин имел отношение к армии, к войне. И действительно, он был военным врачом.

Вообще, на всем интерьере лежит печать времени, все вещи подержанные, старые, все это говорит об уходящей жизни, времени увядания и покоя. Но хозяин не желает с этим мириться. И действительно, в маленькой комнате стоит крупная мебель, что показывает желание Базарова-старшего вырваться из этого маленького мира. Здесь читатель видит противоречивость характера Василия Ивановича.

В интерьере кабинета доминирует черно-белая гамма («вензель из волос в черной рамке», «шкаф из карельской березы»), строгая и вполне сочетаемая, что говорит о гармоничности внутреннего мира хозяина. Тот факт, что Василий Иванович читает журнал «Друг здравие» за 1855 год (хотя на дворе 1859 год) свидетельствует о том, что Базаров-старший старается идти в ногу со временем, но все-таки он не в силах угнаться за современностью.

Интерьер используется автором также для сравнения персонажей. Например, в одной из глав автором показан интерьер сразу двух героев: Фенечки и Павла Петровича Кирсанова. Интерьер комнаты Фенечки резко контрастирует с интерьером кабинета Павла Петровича. И действительно, комната Фенечки дышит простотой, уютом, любовью.

Читатель понимает, что в этой комнате живут простые, но, тем не менее, искренние люди. Икона Николая Угодника, портрет Николая Петровича, банки с его любимым вареньем и с подписями «кружовник» говорят об искреннем чувстве Фенечки к Николаю Петровичу. В отличие от комнаты Фенечки кабинет Павла Петровича поражает своей изысканностью, монументальностью и вместе с тем отсутствием теплоты. В нем все носит печать искусственности: и библиотека «renaissance», и бронзовые статуэтки «на великолепном письменном столе», и камин, и «тяжелые занавески окон», с помощью которых Павел Петрович пытается оградить себя от солнечного света. Читателю становится понятно то отчаяние, с которым Кирсанов-старший «бросился на диван». Герой осознает свою неспособность любить и быть любимым, и сопоставление интерьеров помогает читателю разобраться в этом.

Тщательно писатель рисует архитектуру усадьбы Одинцовой, которая полностью отражает характер хозяйки. Темные деревья сада, аллея стриженных елок – все дышит холодностью и расчетом, строгим порядком жизни Одинцовой. Дом ее стоит на пологом открытом холме, словно показывает, как она неприступна. По архитектуре он красивее дома Кирсанова, был задуман в александровском стиле, но этот дом выкрашен желтой краской, что напоминает тюрьму (ограничение свободы). Даже церковь была похожа на строгого могучего воина. Единственным местом, свободным от строгих устоев, был портик, заросший кустами, где можно было ощущать невидимое движение жизни. Этого портика боится Одинцова, так как увидела в нем ужа. Внутреннее убранство поражает своей строгостью, даже запах в доме – как в министерском учреждении. Строгостью, надменностью и старомодностью дышат все вещи и даже лакеи.

Реалистическое искусство всегда старается отражать действительно происходящие события и явления. Выбирая самые что ни на есть про-

заические предметы, вещи, события, русские художники второй половины XIX века старались передать жизнь такой, какая она есть, в самом обычном ее виде. Русский пейзаж в литературе появился давно и занял прочное место.

И. С. Тургенев является признанным мастером пейзажа в русской литературе. Его роман «Отцы и дети» лучшим образом демонстрирует это. Так, природа в произведении И. С. Тургенева являет собой живой образ, это как бы еще один герой в системе персонажей «Отцов и детей». Одна из главных черт тургеневского пейзажа, всегда отмечаемая и подчеркиваемая – качество, которое в зависимости от установки (эссеистской, историко-литературной) называют лиризмом, поэтичностью, романтическим субъективизмом.

Пейзаж у Тургенева никогда не дается с неопределенной точки зрения, ниоткуда, в нем всегда есть наблюдатель.

Так, первый пейзаж романа поначалу кажется обыкновенным фоном, на котором происходит действие. «Поля, всё поля тянулись вплоть до самого небосклона, то слегка вздымаясь, то опускаясь снова; кое-где виднелись небольшие леса и, усеянные редким и низким кустарником, вились овраги... Попадались и речки с обрытыми берегами, и крошечные пруды с худыми плотинами, и деревеньки с низенькими избенками ... как нищие в лохмотьях, стояли придорожные ракиты с ободранной корой и обломанными ветвями; исхудалые, шершавые, словно обглоданные, коровы жадно щипали траву по канавам». Однако пейзаж этот имеет и характеристическую функцию и связан с идейным содержанием романа.

Безрадостный вид этот, рождающий у Аркадия мысли о «безотрадной, бесконечной зиме, с ее метелями, морозами и снегами», свидетельствует о плачевном состоянии хозяйства Кирсановых, о полном отсутствии у них практической жилки. Однако значение этого пейзажа более глубоко: он символизирует современную героям Россию, ее состояние дел, бедность крестьянства. Здесь как будто дается мотивировка социального конфликта романа. Тургенев подводит читателей к мысли о том, что преобразования необходимы, но в каком направлении должны они проводиться? Каковы пути развития России?

Следующий пейзаж в романе выполняет сразу несколько функций. Во-первых, он гармонирует с чувствами, эмоциями героев. Кирсанов не видел сына целый год, за это время Аркадий получил звание кандидата, и отец несказанно рад его приезду, растроган, взволнован и даже чуть-чуть встревожен. Этому свиданию, возвращению в родимый дом рад и Аркадий. Сама природа как будто расцветает, разделяя чувства отца и сына: «Все кругом золотисто зеленело и лоснилось под тихим дыханием теплого ветерка, все – деревья, кусты и травы; повсюду нескончаемыми звонки-

ми струйками заливались жаворонки; чибицы то кричали, вися над низменными лугами, то молча перебежали по кочкам; красиво чернея в нежной зелени еще низких яровых хлебов, гуляли грачи; они пропадали во ржи, уже слегка побелевшей, лишь изредка выказывались их головы в дымчатых ее волнах...»

Радостный весенний пейзаж этот по своему настроению совершенно противоположен первому, а также мыслям Аркадия о долгой, бесконечной зиме, с ее метелями и морозами. Мотив юности, обновления жизни входит в повествование вместе с этой картиной природы. Аркадий, закончив обучение в университете, возвратился в родной дом, в отцовское имение. Вместе с ним приехал его приятель, Базаров. Здесь возникает надежда на то, что новые, молодые силы способны на радикальные преобразования, именно им принадлежит будущее России.

Кроме того, уже здесь мы видим, что Аркадий весь поглощен этой чудесной картиной, а следовательно, он впечатлителен и восприимчив. «Аркадий глядел, глядел, и, понемногу ослабевая, исчезали его размышления... Он сбросил с себя шинель и так весело, таким молоденьким мальчиком посмотрел на отца, что тот опять его обнял». Характерно, что Тургенев подчеркивает здесь то, что картина природы дана в восприятии Аркадия. Героя характеризует не сам пейзаж непосредственно, а впечатление, полученное от него, в котором раскрывается натура Аркадия, его мягкость, впечатлительность, поверхностность его «нигилистических воззрений». Нигилистические взгляды подразумевают признание утилитарного значения природы и исключают ее эстетическую ценность. Аркадия же красота и поэзия природы буквально завораживают, он не просто эстет, он любит природу, хотя и не смеет признаться в этом. И Тургенев сразу же подмечает в герое эту «противоречивость». Так картины природы наполняются тонким психологизмом, становятся средством характеристики героя.

Все мысли Николая Петровича устремлены в прошлое, поэтому единственной дорогой для потерявшего «историческое зрение» Николая Петровича становится «дорога воспоминаний». Вообще сквозь все повествование проходит образ дороги. Пейзаж передает ощущение простора, незамкнутости пространства. Не случайно герои так много путешествуют. Очень часто мы их видим в саду, аллее, на дороге... – на лоне природы гораздо чаще, нежели в ограниченном пространстве дома.

Усадьба Николая Петровича словно его двойник (традиция Гоголя, отождествлявшего в «Мертвых душах» «хозяйство» с духовным миром помещика). Николаю Петровичу не удается претворить в жизнь его разумные проекты. Несостоятельность его как владельца имения контрастирует с его человечностью и глубиной

внутреннего мира. Тургенев симпатизирует ему, и беседа, «разросшаяся и благоухающая», есть символ его чистой души. Сад Одинцовой – «аллеи стриженных елок», «цветочные оранжереи» – создает впечатление искусственной жизни. Действительно, вся жизнь этой женщины «катится, как по рельсам», размеренно и однообразно. Образ «неживой природы» перекликается с внешним и духовным обликом Анны Сергеевны. Вообще место жительства, по Тургеневу, всегда откладывает отпечаток на жизнь героя. Так, Базаров, сравнивавший в разговоре с Одинцовой людей с деревьями, рассказывает Аркадию о своем детском талисмане – осине на краю ямы. Это и есть прообраз, двойник его жизни. Одинок, гордый, озлобленный, до удивления похож он на то дерево. Все герои романа проверяются отношением к природе. Базаров отрицает природу как источник эстетического наслаждения. Воспринимая ее материалистически («природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник»), он отрицает взаимосвязь природы и человека. И слово «небо», написанное у Тургенева в кавычках и подразумевающее собой высшее начало, Бога, не существует для Базарова, поэтому его и не может принять великий эстет Тургенев.

Одинцова, как и Базаров, равнодушна к природе. Ее прогулки по саду всего лишь часть жизненного уклада, это что-то привычное, но не очень важное в ее жизни. Для Николая Петровича природа – источник вдохновения, самое важное в жизни. Именно поэтому все события, связанные с ними, происходят на лоне природы.

Павел Петрович не понимает природы, его душа «сухая и страстная», может лишь отражать, но отнюдь не взаимодействовать с ней. Он, как и Базаров, не видит «неба». Катя и Аркадий по-детски влюблены в природу, хотя Аркадий и пытается это скрыть. Настроение и характеры героев тоже подчеркиваются пейзажами. Так, Фенечка, «такая свеженькая», показана на фоне летнего пейзажа, а Аркадий и Катя так же молоды и беззаботны, как и окружающая их природа. Базаров, как ни отрицает природу («Природа навеивает молчание сна»), все же подсознательно един с нею. Именно на природу отправляется он, чтобы понять себя. Он злится, негодует, однако именно природа становится неммым свидетелем его переживаний, только ей он может довериться. Вот, к примеру, эпизод, когда Базаров вместе с Аркадием ходят по саду. «Надо серебряных тополей побольше здесь сажать, да елок, да, пожалуй, липок... акация да сирень – ребята добрые», – в этих словах Базарова, вопреки его желанию, чувствуется забота и ласка.

Пейзаж в романе нередко предваряет или оттеняет какие-либо события. Так, дуэль Базарова и Павла Петровича происходит в раннее летнее утро. «Утро было славное, свежее, маленькие пестрые тучки стояли барашками на бледно-яс-

ной лазури; мелкая роса высыпала на листьях и травах, блистала серебром на паутинках; влажная, темная земля, казалось, еще хранила румяный след зари; со всего неба сыпались песни жаворонков». Спокойствие природы здесь предвещает благоприятный исход дуэли.

Глубоким лиризмом овеяна картина сельского кладбища, куда приходят старики Базаровы поплакать на могиле сына. Пейзаж передает силу скорби родителей. Кладбище «являет вид печальный; окружавшие его канавы давно заросли», «два-три деревца дают скудную тень, старики долго глядят на «немой камень», под которым лежит их сын. Последний пейзаж – это «реквием» по Базарову. Автор задумывается о вечной жизни и вечной природе, которая дает успокоение. Пейзаж в романе не только фон, но философский символ, пример истинной жизни.

В некоторых случаях пейзаж помогает писателю подчеркнуть настроения и переживания своих героев. Например, картина «белой зимы с жестокою тишиной безоблачных морозов, плотным, скрипучим снегом, розовым инеем на деревьях и бледно-изумрудным небом» в последней главе романа гармонирует с приподнятым настроением Аркадия и Кати, Николая Петровича и Фенечки, неделю назад навсегда соединивших свои судьбы.

Во всех этих картинах, отличающихся реалистической конкретностью, поэтичностью, ощущается великая любовь писателя к родной русской природе и его редкое умение найти наиболее подходящие и точные слова для ее изображения. Важно, что картины природы в «Отцах и детях» занимают более скромное место по сравнению с первыми романами Тургенева («Рудин», «Накануне», «Дворянское гнездо»). Автор подчеркивает, что вместе с дворянскими гнездами приходила в упадок и окружающая их природа.

Все видимое и материальное бытует в сознании людей – в их впечатлениях, воображении и памяти. Одно из важных специфических свойств литературы заключается в том, что она запечатлевает эту «вторую жизнь» зримого мира, а зрительно воспринимаемая реальность при перенесении в человеческое сознание утрачивает свою первичную достоверность, но обретает свободу и подвижность. Художественные предметы, изображенные в произведении, создают как бы «вторую» действительность. Уже сам отбор предметов, говоря об индивидуальности писателя, является первым этапом воплощения предметной картины. У И. С. Тургенева эта предметная картина многообразна и глубока, его вещный мир – опора для воплощения авторского замысла художественного произведения.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В ЗЕРКАЛЕ ТОПОНИМОВ ГОРОДА ЮЖНО-САХАЛИНСКА

Топонимика – это наука о географических названиях: их происхождении, смысловом значении, изменении (трансформации), написании, произношении и передаче с одного языка на другой.

Совокупность географических названий какой-либо территории (района, области, края, страны) обозначается термином **топонимия** или **географическая номенклатура** (лат. *nomenclatura* – «ропись имен»). Человек, изучающий географические названия, именуется **топонимист**.

Предметом исследований топонимики являются сами географические названия, разгадка истинного смысла которых пока не всегда разрешима. Дело в том, что число топонимов на планете достигает астрономической цифры, и никто еще точно не определил их количества.

«Топонимы – это выражение мироощущения людей, культуры, быта, обычаев, повседневного их окружения, психологического состояния и общения»¹. Топонимы являются неотъемлемой частью современной цивилизации, представляют своеобразную топонимическую среду, в которой веками живут, воспитываются целые поколения людей, без которой невозможно наше существование.

В топонимии Южно-Сахалинска, как в зеркале, отражается вся его история и география, все формы его существования, смена властей и веяния. В названиях улиц города (**годонимах**) можно выделить группы названий, характерные как для любого города мира, так и специфические только для нашего Южно-Сахалинска

В городе Южно-Сахалинск осталось совсем небольшое количество «природных», первичных названий улиц, отражающих характерные особенности рельефа: улицы Горная, Высокая, Карьерная, Лесная, Набережная и т. п. Но так как любой город строится на местности и приспособляется к определенному ландшафту, состав внутригородских объектов определяют социальные условия, а не природные. Поэтому во многих городах результаты номинаций в один и тот же период схожи.

«Известно, что для большинства европейских городов были характерны названия улиц по церквям, монастырям, по профессиям, по

народностям, по торговым местам и предметам торговли и производства, по примечательным сооружениям и домовладельцам, по названиям местных животных и растений, по направлениям сторон света и топонимическим связям с другими регионами»².

Все это нашло отражение и в топонимии Южно-Сахалинска:

– название улиц «по профессиям»: Медицинская, Пожарный проезд, Деповская, Железнодорожная, Больничная, Почтовая и т. п.;

– «по направлениям сторон света»: Восточная, Северная, Западная;

– «по топонимическим связям с другими регионами»: Алтайский, Ярославский переулок, Курильская улица, Московская, Томская, Тульский переулок, Тверская, Подольская, Минская, Венская, Владивостокская, Киевская, Кировская, Кишиневская, Пекинская, Пятигорская, Рязанская и т. д.;

– «по названиям местных животных и растений»: улица Яблочная, улица Березовая роща, переулок Соколиный, Хвойный переулок, Еловый, Грибной, Яблочный, Птичий, Брусничный, Вишневый.

Однако многие типовые названия улиц в Южно-Сахалинске носят искусственный характер. Так, например, улицы «по розе ветров» далеко не всегда отражают указанные в названии направления. Например: улица Восточная находится совсем не на востоке по отношению к центру города, а на севере.

Некоторые существовавшие в советский период времени улицы изменили свое название в 1996 году. В постановлении мэра города Южно-Сахалинска от 22 апреля 1996 года № 571 «О переименовании отдельных улиц города Южно-Сахалинска, в связи с дублированием их названий, выраженных расширением городской территории», присвоились новые названия некоторым улицам и переулкам, например, в планировочном районе «Луговое» по типу:

ул. Набережная переименовать в ул. 2-я Набережная;

ул. Железнодорожная – ул. 2-я Железнодорожная;

¹ Рылюк, Г. Я. Истоки географических названий Беларуси с основами общей топонимики : учеб. пособие для преп. и студ. геогр. спец. / Г. Я. Рылюк. – Минск : Веды, 1999. – 247 с.

² Рублева, О. Л. Топонимия Приморья / О. Л. Рублева. – Владивосток : Издательский дом ДФУ, 2013 – 291 с.

ул. Зеленая – ул. 2-я Зеленая;
ул. Северная – ул. 2-я Северная;
ул. Заречная – ул. 2-я Заречная;
ул. Новая – ул. 2-я Новая;
ул. Строительная – ул. 2-я Строительная;
ул. Парковая – ул. имени В. Гайдюка;
ул. Пионерская – ул. 2-я Пионерская и т. д.

Это говорит об интенсивном развитии города в территориальном плане.

Нельзя не отметить, что одна из тенденций номинаций Европы XIX века пришла и в нашу область. Так «стихийные» названия улиц в городе заменяются на «мемориальные» (увековечивание деятелей культуры, литературы, науки, власти и т. д.)

В Южно-Сахалинске, как известно, более 800 улиц. Из них не менее 100 носят «фамильные» или «событийные» названия. Однако большая часть имен на карте города достойно представляет историю страны и области. Например, среди «писательских» улиц – имена не только Пушкина и Грибоедова, но и сахалинца Олега Кузнецова. Оказывается, девять улиц Южно-Сахалинска названы в честь Героев Советского Союза – участников освобождения Южного Сахалина и Курильских островов. В основном это имена, хорошо знакомые сахалинцам, – Смирных, Буюклы, Гнечко, Савушкин.

Традиция называть улицы именами знаменитых людей существует давно. Почти в каждом городе или крупном населенном пункте есть улицы Пушкина, Гоголя, Горького, Некрасова и других знаменитых писателей. У одних улиц история исчисляется веками, у других – десятилетиями, у третьих – немногими годами. Традиция называть улицы в честь литераторов или даже в честь литературных произведений и их героев свидетельствует о высоком уровне культуры жителей. Традиция эта означает, что большинство людей, проживающих в этой местности, знакомы с творчеством писателя или поэта и считают достойным запечатлеть его имя на карте города.

Этот принцип в Южно-Сахалинске не преобладает, но в соответствии с ним названа значительная часть всех топонимов города. Например, «писательскими улицами» являются улицы Чехова, Лермонтова, Пушкина, Александра Блока, Валентина Пикуля, Грибоедова, Достоевского, Льва Толстого, Некрасова, Шевченко и др. Но следует отметить, что названия улицам давались по традиции, и только единичные из них связаны с посещением писателями Сахалина.

Суммируя данные статистики по Сахалинской области, необходимо отметить, что «более

300 антропотопонимов носят имена русских и зарубежных землепроходцев, кругосветных и дальневосточных путешественников-мореплавателей, ученых-картографов»³. Назовем некоторых из них: Дежнев С. И., Ермак Т., Шебунин Г. В., Дежнев С. И. и др.

Улицы, названные в честь ученых: Адмирала Макарова (океанограф), Академика Сахарова (физик), Вавилова (ботаник, селекционер), Гайдюка (историк), Добролюбова (русский литературный критик XIX века).

Довольно интересно, что такие «названия-мемориалы» характерны в XX веке для всех европейских государств, но в СССР они приобрели небывалый размах и довольно странные формы, так как советская культура формировалась в единстве и борьбе двух культурных моделей – старой и новой, революционной»⁴. Поэтому в Южно-Сахалинске появились «идеологические» (и одинаковые) названия, характерные для всех советских городов: Пионерская, Комсомольская, Советская, Демократическая, Дружбы и т. п.

Прослеживается и вторая тенденция, пришедшая к нам из Европы – номинация улиц локально-тематическим методом. Топонимы определенной тематики привязывались к определенной городской территории. Наиболее ярко это можно проследить в микрорайонах и планировочных районах. Микрорайон Зима отличается «природными» номинациями: переулок Холмистый, улицы Солнечного света, улица Клюквенная, улица Голубых елей, проезд Зеленых елей, улица Яблочный двор, улица Ясенева и т. д.

А вот в так называемых «старых» районах города система номинации совсем иная. Здесь улицы получают свое название от предприятий, находящихся неподалеку: Бумажная, Деповская, Кооперативная, Колхозная, Институтская, Железнодорожная, Горный Воздух, Гаражная, Взлетная, Вокзальная и т. д.

В наше время топонимическая система складывается из различного рода определенных условий, в которых сочетаются различные идеологии. Это и демократизм, и рационализм, патриотизм, неологизм и традиционализм. Все это пытается объединить в крепкую цепочку «старое» и «новое», «плохое» и «хорошее».

Так, переименование получила улица имени Максима Горького. Теперь она стала улицей А. М. Горького. «Есть Алексей Максимович Пешков, писатель. И есть его псевдоним – Максим Горький. А. М. Горький, на взгляд жителей улицы, – странное сочетание настоящего и литературного имени. Согласно архивным доку-

ментам, эта улица была наименована решением Исполкома Южно-Сахалинского городского совета депутатов трудящихся 22 апреля 1968 года. К записи о наименовании сделана пометка: в память о великом русском писателе Алексее Максимовиче Горьком (Пешкове). Известный сахалинский ученый, краевед и знаток топонимики Александр Пашков, написавший книгу «Улицы городского округа «Город Южно-Сахалинск», считает, все дело в том, что при наименовании улиц как в советское время, так и сейчас проявляют минимум внимательности»⁵.

А на стене дома другой улицы табличка-указатель сменилась с улицы Невельского (в честь известного адмирала, который доказал, что Сахалин – это все-таки остров!) на улицу Невельскую (возможно решили с помощью нового названия увековечить память о землетрясении в сахалинском Невельске).

Таковы парадоксы истории, объединенные топонимией. Все это и является «пластом культуры, который характеризует уровень исторической памяти, историю Сахалинской области в лицах»⁶.

³ Пашков, А. М. Ономастика Сахалинской области / А. М. Пашков. – Южно-Сахалинск : ГУП «Сахалинская областная типография», 2012. – 164 с.

⁴ Рублева, О. Л. Топонимия Приморья / О. Л. Рублева. – Владивосток : Издательский дом ДФУ, 2013 – 291 с.

⁵ Шестопалова, Н. Просто классика. В Южно-Сахалинске появилась улица Алексея Горького / Н. Шестопалова. – Южно-Сахалинск : SmartNews, 2016. – 10 июля. – Режим доступа : <http://smartnews.ru/regions/sahalin/8612.html#ixzz4XF8rypGz> (дата обращения : 28.01.17).

⁶ Пашков, А. М. Ономастика Сахалинской области / А. М. Пашков. – Южно-Сахалинск : ГУП «Сахалинская областная типография», 2012. – 167 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АСЕЕВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ – старший преподаватель кафедры корейской филологии Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, Южно-Сахалинск.

БАЛИЦКАЯ ИРИНА ВАЛЕРИАНОВНА – доктор педагогических наук, профессор кафедры иностранного языка и страноведения Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, Южно-Сахалинск.

БАРЫШНИКОВА СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, Южно-Сахалинск.

БОЙЧЕНКО ОЛЬГА ВИТАЛЬЕВНА – выпускница Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета (2016 г.), Южно-Сахалинск.

ГУЩИНА АННА МАРАТОВНА – кандидат исторических наук, Новосибирск.

ДОРОФЕЕВА ЛАРИСА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, Южно-Сахалинск.

ЗИНИНА ВАЛЕРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – магистр 1-го курса направления подготовки «Педагогическое образование», профиль «Филологическое образование», Южно-Сахалинск.

ЗИНОВЬЕВА НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, Южно-Сахалинск.

ИГНАТЕНКО АЛЕКСАНДРА ВИКТОРОВНА – выпускница Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета (2016 г.), Южно-Сахалинск.

КИМ ВАЛЕРИЯ ДЮНСЕКОВНА – старший преподаватель кафедры иностранного языка и страноведения Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, Южно-Сахалинск.

КИРСАНЫЧЕВА СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА – студентка 2-го курса направления подготовки «Филология» Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, Южно-Сахалинск.

КОЗЫРЕВА ЮЛИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА – старший преподаватель кафедры английской филологии и переводоведения Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, Южно-Сахалинск.

КОРНЕЕВА ИННА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранного языка и страноведения Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, Южно-Сахалинск.

КОРОТАЕВА ЯНА ЛЕОНИДОВНА – магистр 1-го курса направления подготовки «Педагогическое образование», профиль «Филологическое образование», Южно-Сахалинск.

КРОИТОР ТАТЬЯНА ЕВГЕНЬЕВНА – старший преподаватель кафедры русского языка Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, Южно-Сахалинск.

ЛЕБЕДЕВА АННА ВИКТОРОВНА – старший преподаватель кафедры корейской филологии Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, Южно-Сахалинск.

ЛЕГЕНКИНА ВАЛЕНТИНА ИГОРЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и переводоведения Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, Южно-Сахалинск.

ЛОЗИНА АНАСТАСИЯ ПАВЛОВНА – магистр 1-го курса магистратуры направления подготовки «Педагогическое образование», профиль «Филологическое образование», Южно-Сахалинск.

ЛУНГУ ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – учитель-логопед МАОУ СОШ № 1, г. Холмск.

МУМИНОВ ВЛАДИМИР ИСМАИЛОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, Южно-Сахалинск.

МУМИНОВА НАТАЛЬЯ ФЕДОРОВНА – учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 5, Южно-Сахалинск.

ОРЛИН ГЕННАДИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – старший преподаватель кафедры германо-романских языков Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, Южно-Сахалинск.

ПАМИНА ЛАДА АНДРЕЕВНА – выпускница направления подготовки «Педагогическое образование», профиль «Иностранный язык (японский)» Института экономики и востоковедения Сахалинского государственного университета, Южно-Сахалинск.

ПИЛЯЕВА ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА – старший преподаватель кафедры германо-романских языков Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, Южно-Сахалинск.

ПЛЮХИНА ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – магистр 2-го курса направления подготовки «Педагогическое образование», профиль «Филологическое образование» Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, Южно-Сахалинск.

ПУЖАЕВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА – магистр 2-го курса направления подготовки «Педагогическое образование», профиль «Филологическое образование» Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, Южно-Сахалинск.

РУБЛЕВА ЛАРИСА ИВАНОВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, директор Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, Южно-Сахалинск.

САВЧЕНКО МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА – выпускница направления подготовки «Педагогическое образование», профиль «Иностранный язык (английский)» Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, Южно-Сахалинск.

САДОКОВА АНАСТАСИЯ РЮРИКОВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры японской филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва.

СКИБИНА ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и переводоведения Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, Южно-Сахалинск.

СОН ИННА СОКДЮНОВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры японской филологии Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, Южно-Сахалинск.

СУХАРЕВА МАРИНА ИГОРЕВНА – студентка 4-го курса направления подготовки «Педагогическое образование», профиль «Русский язык и литература» Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, Южно-Сахалинск.

УШАКОВА ГАЛИНА ДМИТРИЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой журналистики Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, Южно-Сахалинск.

ХАТНЮКОВА-ШИШКОВА ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, Южно-Сахалинск.

ЦОЙ ЕВГЕНИЙ БОРИСОВИЧ – доктор технических наук, профессор, Президент Национально-культурной автономии корейцев Новосибирской области, Новосибирск.

ШАПОВАЛОВА ТАТЬЯНА РОМАНОВНА – кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой английской филологии и переводоведения Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, Южно-Сахалинск.